

№ 9

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Мамед Али САФАРОВ «...И зарево окрасит волны рек...». *Повесть* 3
Елена АНДРЕЕВА. *Music lover. Мини-повесть* 109

ПОЭЗИЯ

- Ирен ТАСАЛОВА. *Стихи* 104

ПУБЛИЦИСТИКА

- Низами МАМЕДОВ. *Коррупция и природа человека* 99
Ляман БАГИРОВА. *Он же поэт, он же авиатор, он же... Эссе* 128

2021

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23.08. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

МАМЕД АЛИ САФАРОВ

«...И зарево окрасит волны рек...»

Повесть

Широкая, местами заросшая травой горная дорога летит навстречу, нисходящим ковром стелясь под ноги, увлекая на дно ущелья. Три мальчика, сломя голову несутся наперегонки по склону вниз, к реке, и с быстротой их бега нарастает шум приближающегося горного потока. Всего один, плавный изгиб дороги мало смягчает крутизну спуска от башни к каменистому берегу бурной реки, но детям бежать легко. Ни рост, ни вес не мешают им набирать сумасшедшую скорость на такой крутизне, где бегущий взрослый, не удержавшись, обязательно бы упал. Добежав до берега, они, не останавливаясь, бросились в бурный поток. И уже стоя в зелёной пенистой воде каждый из них, громко крича, начал доказывать, что он добежал первым. Было начало лета, солнце пригрело лед на вершинах гор, от этого талая вода на дне ущелья гремела так, что звонкие мальчишеские голоса, даже помноженные эхом склонов, были едва слышны сквозь шум потока. Спор утих лишь когда они, ощутив тяжесть и холод мокрой одежды и устав кричать, легли погреться на прибрежные камни. Какому же дураку охота орать и спорить, если камни такие тёплые, солнце так ласково, а дующий вдоль ущелья ветерок полон снежной свежести горных вершин. Настоящий победитель выявится, когда они побегут обратно, вверх, к башне. Вот тут первенство станет очевидно. Одно дело стремительный бег – полёт вдоль горного склона вниз, когда от скорости и избытка сил перехватывает дух, а другое дело – бежать в противоположном направлении, когда невозможно вздохнуть, в голове стучат барабаны, дорога становится вертикальной стеной, и ноги, только что бывшие сильными и упругими, вдруг оказываются пустыми, не могут ступить ни шагу. А башня, ожив, медленно отодвигается всё вверх и вверх. Три мальчика, три друга, Ислам, Омай и Митхад, каждый день соревновались в беге по горному склону. Вечером, когда в ущелье гаснет свет дня, но небо ещё остаётся светлым, они приходят на поляну в верхней части аула, и там начинается соревнование по борьбе. Собираются все аульские ребята, среди них давно известно, кто сильнее, кто слабей, но и слабые бесстрашно выходят против сильных, нет ничего стыдного уступить победу, стыдно лишь уклониться от борьбы. Один из трёх друзей, бежавших к реке, Митхад, был гостем здесь, в горном ауле Кюнлюм, целый год он жил в другом месте, далёко отсюда, на берегу другой реки, Куры. В мире Митхада было два полюса – один здесь, в горном ауле, на берегу стремительного Черек чая, в родовом имении семьи его мамы, другой полюс был в Зардобе, на берегу медленной, пахнущей тиною и старыми водорослями извилистой Куры, в имении отца. В Балкарии он был существом высшей породы, внуком таубия Аслана, самого главного человека среди горного народа. Старая родовая башня Абаевых, сложенная из жёлтого песчаника, четырёхугольная в сечении, с узкими окнами – бойницами, аршин пятнадцать высотой, уже несколько веков господствовала над аулом Кюнлюм. Старая башня иногда снилась Митхаду зимой, когда он жил в Зардобе.

В Кюнлюме и соседнем ауле Ишканты ровесники признавали его за старшего, за господина, и Митхаду не надо было дважды повторять сказанное однажды. Даже хитрый и ленивый от природы толстяк Заур, умевший отлынивать от любой работы, беспрекословно делал то, что говорил Митхад. О том, чтобы соврать ему, не могло быть и речи – биям не врут.

Заподозрив кого-то из товарищей в лукавстве, мальчишки обращались к Митхаду: «Спроси, ты спроси, посмотрим, что он тебе ответит».

Если подозрения подтверждались, то хвастуну или просто фантазёру не оставалось ничего, как прибегать к молчанию. И даже известное на всём Кавказе балкарское остроумие не было спасительным, шутки не всегда уместны, а врать Митхаду, внуку Аслан-бия Абаева, конечно, никто не станет. В детстве этот аул был для мальчика лучшим местом на земле. Там никто не обманывал его и не выказывал неуважения, но часто просто предлагали померяться силами, в этом не было ничего зазорного – кто быстрее, кто дальше забросит камень, кто удержится на необъезженном жеребце.

В Зардобе Митхад был чужим. А хороший чужой хуже, чем плохой свой. Это пришло ещё из тех времён, когда на свет костра, горящего в пещере, мог появиться пришелец и принести мясо, а потом, выбрав момент, когда все насытятся и уснут, дать знак своим, что можно налететь с дубинами, убить и зажарить беспечных хозяев очага. Чужой – это тот, кто хочет накормить свою родню мясом твоих близких.

В Зардобе у Митхада не было друзей. Отца Митхада здесь звали Папахлы Урус – Русский в Папахе, ну, а его, соответственно, урусбаласы, русский ребёнок, вдобавок мама и отец говорили между собой на русском, и ни с кем из соседей не водили дружбы. Чужие. Вместо состязаний здесь было другое – дети его подкарауливали, накидывали на голову старую доху, валили на землю и били. Мальчик скрывал побои от родителей, что толку жаловаться, если отец только посетует на дикость и отсталость крестьян и начнёт свой нескончаемый разговор о необходимости просвещения и смягчения нравов. А Митхаду не хотелось никакого смягчения нравов, он решил взять отцовское ружьё и перестрелять своих врагов. Останавливал только страх за отца – не отправят ли его в Сибирь, если из его ружья убьют столько крестьянских детей. Жаловаться – не для него. Отец – слабый человек, ну, а Митхад им покажет русского в папахе! Надо было только осторожно разузнать, что будет отцу за то, что из его ружья убиты крестьяне. Спросить не у кого, разве что у мамы. Но как спросить у неё такое? Начал издали и, как ему казалось, хитро.

– Что, если вдруг кто-то украдёт папино ружьё и застрелит человека? Ружьё лежит в шкафу открыто, вдруг какой-то разбойник залезет в дом и постреляет людей, что тогда будет отцу?

Ханифа-ханым обняла сына и прижала его голову к груди.

– Даже не думай об этом, скоро ты вырастешь и покажешь этим хамам, кто ты такой, внук Аслан-бия Абаева. – И добавила уже на языке своего мужа: – Хороший джигит похож на брата своей матери. А мои братья – каждый стоит сотни этих трусливых хамов.

Лучше бы она не переходила на язык отца! Отзвуки родного, балкарского, слишком явственно звучали в сходном, но чужом, мягком и певучем, на персидский манер, языке.

Митхад, проглотив ком, появившийся в горле, стараясь скрыть слёзы в голосе, спросил:

– Почему они нас так ненавидят?

– Хамы всегда ненавидят биев.

– Но в Ишканти у меня столько друзей. Все мальчишки – мои друзья.

– Там не хамы. Мальчишки из Ишканти – дети благородных узденей, твои братья.

Так услышанное от матери роковое слово «хамы» навсегда вошло в словарь маленького Митхада.

Хамы – это те, кого надо перестрелять из папиного ружья. Но Ханифа-ханым стала запирает шкаф.

***

Русские в этом году зашли первыми за Мамедом Али. Они звали его не по имени, а прозвищем: «Татар» и считали своим. Волга встала уже как три недели, но лёд был ещё ненадёжный, выходить толпой на него было опасно, погода стояла тёплая, поэтому для драк собирались «на запруде», в месте, где стоячая вода схватывалась раньше и прочнее. Дрались один на один, иногда улица на улицу, чаще русские собирались вместе, и им противостояли татары – а это все нерусские вместе: астраханские татары, казахи, ногайцы, персы, аварцы, даргинцы, и две толпы бились одна против другой.

Мамед Али жил на «русской» улице, и учился в реальном училище, где большинство тоже составляли славяне – русские, украинцы и поляки, поэтому он шёл с теми, кто первый зашёл за ним. «На запруду?» спросил Мамед Али и, не дожидаясь ответа, зашел обратно в дом, чтобы накинуть доху и надеть папаху – дома, в их семье, мужчины ходили с непокрытыми головами. Не пойти, если за тобой зашли, собирая ватагу перед дракой на запруде, было нельзя – больше никогда не зайдут и друзей у тебя больше не будет. Шли даже больные, опасаясь, что посчитают прикинувшимся. Побоища на льду имели свои правила и свой ритуал: бить упавших – нельзя, нападать сзади – нельзя, даже на убегающих, драться надо лицом к лицу, нельзя брать свинчатки и кастеты, за такое могут и убить, крыть противников матом тоже запрещалось. Астрахань – маленький город, завтра неминуемо встретишься с тем, с кем дрался накануне.

Подростки, такие, как Мамед Али, лет до восемнадцати будут драться после детей поменьше. Начнут совсем малыши шести-семи лет, потом те, кто постарше, потом они, подростки до восемнадцати.

Шли толпой, в центре её шагал Дима, самый высокий парень, на полголовы выше всех своих товарищей. Мамед Али шёл рядом со своими друзьями по реальному училищу, Алексеем и Борисом. Честно говоря, драться он не любил – невысокий, тонкий в кости, явно не кулачный боец. Но идти, конечно, надо. Шли быстро, молча, как на работу. Бутылки с водкой на ходу переходили из рук в руки, обжигающую жидкость пили из горлышек. Реалисты перед дракой не пили, считали это за низость и слабость. Бояться – боялись, конечно, как все, но реалисты преодолевали страх, не прибегая к водке.

Пришли на место. Берега на запруде – пологие, здесь не было того потока, что точит крутой правый берег сильнее, чем левый. Симметричная, подобная гигантской лохани, тихая, поросшая камышом по берегам заводь. На льду ещё продолжалась вялая потасовка детей, закончившаяся, как обычно, просто потому, что малыши устали драться. Никто не убегал, никто не гнался за убегающими. Побитые крепче других, с синяками и разбитыми носами понуро сидели вдоль берега, там, где после драк взрослых обычно складывают раненых и убитых.

Татары уже собирались группами по десять-пятнадцать человек. Среди них ростом и мощью выделялся известный в городе парень по имени Чорандай, чуваш. По имени его никто не звал, звали Чёртом, и побаивались даже взрослые мужики. Ясно было, что дело решится поединком Мити и Чёрта. А пока что все готовились, схватывались между собой без сильных ударов, катались по льду, прыгали на месте, кривлялись для куражу кто как мог. Тулупы, дохи, полушубки, всю верхнюю одежду перед дракой сняли, сняли и шапки все русские и половина татар, и сложили, чтобы не мешали и не потерялись. Потом ищи. Рукавицы тоже снимали, чтоб неповадно было прятать в кулак свинчатки. Плевали на ладони, готовились к серьёзному делу. Подходили и взрослые мужики, настоящие любители кулачного боя, для взрослых участие в боях необязательно, приходили только те, кто любил драться. Они пока оставались в стороне.

Две нестройные шеренги подростков двинулись, развернувшись фронтально, лицом к лицу, навстречу одна другой, с одной стороны – светлоголовые, с другой – черноголовые и в папахах, сшиблись и откатились, сшиблись снова и снова разошлись, упавшие поднялись, сошлись, и драка пошла. Дерущихся было примерно одинаково с обеих сторон, может, русоголовых было чуть больше. И среди них тут и там мелькали чёрные головы – большинство астраханских армян пришли за русских, были и такие, как Мамед Али, татары, они пришли с друзьями по улице или по артели. Немолодой гармонист дядя Федя, которого никто никогда, даже в пост, не видел трезвым, сидел на длинной скамейке под берегом, рядом с ним пристроилось несколько мальчишек. Дядя Федя чутко улавливал ритм драки и играл, следуя этому ритму.

Прорубаясь сквозь толпу, Митя и Чорандай сближались. Когда они сошлись, драка приостановилась, подростки расступились, встали кругом. Митя был повыше, Чорандай поплотнее. Мелькнули поднятые руки, Митя упал. Исход драки был почти предreshен. Гармонь замолкла. Татары, воодушевлённые, бросились на русских, те какое то время пятились, ещё не бежали, хотя ясно было: вот-вот побегут. Митя лежал на льду неподвижно. Чорандай стоял, широко, как спешившийся всадник, расставив ноги, ждал, чтобы противник поднялся. Глубоко посаженные чёрные его глаза, казалось, излучали яростный свет.

Не сам, но влекомый какой-то силой, Мамед Али устремился вперёд, мгновение, и огромный, как гора, Чёрт оказался перед ним. На бегу целясь кулаком вверх, будто собираясь кинуть камень ему через голову, маленький бросился на большого. Чёрт широко размахнулся и точно прибил бы Татара размашистым, сметающим ударом, если бы тот в самый последний момент не присел на выброшенной вперед в широком шаге левой ногой и не пропустил бы удар над головой. Кулак лишь скользнул по макушке. Сам же Татар, хитро поменяв цель, с набега ударил правой не вверх, а точно в третью сверху пуговицу длинной дохи Чёрта. Бить «под микитки», давать подножки не запрещалось, но не одобрялось, считалось нечестным. Но какая тут честность, когда Чорандай пуда на два тяжелей и почти на голову выше. Бить в третью пуговицу мальчика научил его дядя, воспитывавший сироту, отцов брат. Оказалось – точно под дых. Чёрт, схватившись за живот, выдохнул и свернулся от боли. И всё изменилось на льду. Русские, было замаявшиеся, теперь отчаянно бросились в драку, татары побежали, пришёл в себя и поднялся поверженный было Митя и тоже погнался за убегающими, в ходе драки произошёл перелом. Гармонь ожила в радостном звучании, русские свистели вслед убегающим татарам, часть из них, опомнившись от позорящего их свиста, вернулась было на поле боя, но силы были уже не равны. Кто-то да убежал. Девушки, в подавляющем своём большинстве русские, неспешно прогуливавшиеся по мосту и вроде на дерущихся не смотревшие, теперь встали у перил, однако ничем свой интерес не выражая. Не пристало даже и крестьянской дочери глазеть на дерущихся. Разве что мельком, невзначай. Драки были делом запрещённым уже несколько десятков лет, однако результатом этого запрета было лишь то, что полицейские, из тех, кто не в силах был отказать себе в этом зрелище, приходили, переодевшись в гражданское. Сами же они не дрались, за это можно было поплатиться службой. Среди подростков в тот день никто не был убит, троих искалеченных увезли специально нанятые конные сани. Героем ясного, безветренного зимнего дня стал, понятное дело, Мамед Али, Татар.

Вечером у себя дома он совещался с друзьями. Что делать, если Чёрт вызовет его на поединок. Драться с ним? Так он может и убить, и покалечить, а отказаться нельзя. Мамед Али изредка делал нервные жевательные движения, в мышцы над левым виском при этом отдавало болью, ясно было, придись такой удар не вскользь и на ладонь ниже, глаз бы точно выскочил на лёд.

Настроение было самое мрачное. Хоть уезжай из города. Только куда? Вокруг на сотни вёрст степь с редкими, убогими кочевьями.

Мамед Али ничего не рассказал дяде и полночи не спал, всё думал. Только через два дня пришёл Юсифка, посланный Чорандаем. Чёрт велел передать Татару, что желает выпить с ним хорошей водки и завтра вечером будет его ждать в трактире на острове. Вроде, гора с плеч: драться против того, кто Митю уложил одним ударом и чуть не проломил ему самому череп кулаком, самоубийство. Но и пить водку с таким богатырём не намного безопаснее. Что взбредёт ему на ум, неизвестно. А водка, её вообще в семье никто никогда не пил и опыта в этом взрослом и чужом, не мусульманском деле у Мамеда Али нет.

...В трактире, где Чорандай ждал Мамеда Али, было два помещения. Первое, со скамейками вдоль длинных столов, называлось «общественной залой», второе, за дверным проёмом с занавесями из фиолетового бархата, повешенных вместо выломанных в буйстве створок дверей, называлось «залой со стульями». Стулья стояли вокруг четырёхугольных столов, на столах были расстелены белые скатерти, и водку здесь подавали, разлив по круглым, пузатым графинам, а пили её не из стаканов, а из рюмок. Но главное отличие состояло в небольшом возвышении в углу, где на стульях сидели два скрипача, братья Гроссманы. За рост и тщедушность звали музыкантов Кляйманами. Играли братья старательно, «с душой», иногда даже и «со слезой», и водка здесь стоила дороже, чем в общественной зале. Перевернутая нутром наружу кепка для сбора денег лежала на возвышении, возле стульев. Закуска была везде одинаковая – вареная осетрина и варёная картошка. Чорандай, возвышаясь над столом, сидел здесь один, в этом зале со стульями. Поздоровались за руки, сразу выпили по рюмке, Чорандай спросил:

– Ты чего, правда не боишься? Меня все боятся. Двое с моей улицы после того подшучивать надо мной решили, я их просто схватил, – Чорандай показал, как он схватил шутников и потряс здоровенными руками, – лбами хрясть, они и упали. А ты на меня сам. Молодец, а я иногда, бывает, и напугаюсь, а ты что, нет?

Кураж от выпитого, облегчение от мирного настроения Чёрта – и Мамед Али со-врал легко, без усилия, будто выдохнул:

– Не, я не боюсь.

– А ты из кого будешь, из татар?

– Я перс, а мама у меня ногайка.

Чорандай понимающе кивнул, не вникая в услышанное.

Выпил Мамед Али немного, но пьян был изрядно, и он рассказал Чёрту про третью пуговицу. Тот проверил тут же, нажав на эту пуговицу, и сказал:

– Смотри, точно под дых. Надо будет пуговицы перешить.

Они засмеялись...

Как только весной закончились занятия в училище, Мамед Али, пресытившись придирками двоюродного брата, ушёл из дома на реку, в бурлацкую артель.

Люди в артели были разные, в большинстве спокойные, но и немало было тех, кто бурлачил потому, что жить в городе было нельзя – разыскивала полиция. Среди бурлаков его артели оказался необычный человек – Степаныч. Отчества не были в ходу среди артельных, а Степаныча называли почтительно, за начитанность. Бурлаки часто собирались вечером возле костра послушать его. Рассказав очередную историю, он говорил, обращаясь уже только к Мамеду Али, название книги, и тот за-поминал – «Отверженные», «Собор Парижской богоматери», «Дон Кихот»...

Осенью Мамед Али вернулся в дядину семью, надо было доучиться в училище, да и жить зимой ему было негде. Той зимой он стал читать книги, благо, что в Астрахани ещё со времени ссылки сюда Дербентского шейх-уль-ислама была собрана хорошая городская библиотека. Шейх собирал книги для своего сына, Магомеда Али, тезки Татара. Сын шейх-уль-ислама впоследствии стал первым русским востоковедом, известным как Александр Казимбек. И был он репетитором в семье графов Толстых, подготавливал Лёву к поступлению в университет, учил того восточным языкам...

Всю зиму Мамед Али читал до одури.

...Сразу после выпускных экзаменов Мамед Али примкнул к шайке аварцев, угонявших скот. Аварцы были настоящими разбойниками, некоторые из них немного говорили на татарском языке и знали отдельные русские слова. Но Мамеда Али такая жизнь не привлекла, и он, оставив шайку, отправился странствовать, нигде надолго не задерживаясь. Иногда вспоминал Степаныча и его объяснение своей бесприютности:

– По весне крыша давит.

Его тоже теперь давила крыша.

Так странствовал двенадцать лет, пока не решил осесть... Случай, едва не ставший несчастным, подтолкнул его к этому решению. Он шёл по пыльной аульской улочке. За одним из невысоких каменных заборов девушка в синем платье и с непокрытым лицом полола кетменём грядки. Погода стояла отличная, недавно прошёл ливень, сбив жару, воздух был свеж, дышалось легко, и Мамед Али, сам не зная отчего, вдруг сказал девушке на азербайджанском: – Давай помогу, – мало при этом надеясь быть хотя бы понятым. Та неожиданно рассмеялась и сказала в ответ с очень сильным акцентом, так что и понять смысл было непросто: «Рвать траву – не работа для парня». Девушка за забором была похожа на вишенку – гладкая, спелая, с блестящими чёрными глазами, а голос у неё был чуть хриплый, простуженный, и от этого казался немного треснутым. Мамед Али легко перепрыгнул через каменную изгородь, подошёл к Вишенке.

– Я работу полегче ищу, земля сейчас мокрая, мягкая, бери меня в батраки. За один поцелуй всё, что скажешь, сделаю.

Услышав про поцелуй, девушка сразу стала серьёзной, насупилась:

– У нас этого нету, – сказала с осуждением.

– Нету? – переспросил Мамед Али. – А откуда же вы берётесь, если этого нету?

– Уходи, братья придут, плохо будет.

– Ладно, я пошутил про поцелуй, давай, чего надо, просто так сделаю, как сестре.

Лицо девушки оживилось вновь:

– Нет уж, спасибо, – она замахала руками, – мне пятого брата не надо, я с четырьмя не знаю, что делать, все девчонки меня жалеют.

– Сестра – слуга брата, что ты хочешь. У тебя четыре хозяина. А как тебя зовут?

– Малика, а тебя?

– Магомед.

Лицо Малики вдруг исказилось страхом, будто она услышала не распространённое имя, а увидела сказочного джинна из пещеры.

– Беги, Магомед, беги, – закричала она истошно, что было силы, аж приседая.

Мамед Али обернулся и увидел приближающихся бегом двух парней в косматых папахах. И даже не будь в руках у них кинжалов, по их лицам ясно было, что шансов остаться в живых у покусившегося на честь их сестры почти нет. Крепкий пастуший пёс чёрной масти нёсся безо всякого лая впереди джигитов. Мамед Али, преодолев мгновенный ступор, прыжками устремился прочь. Бежать от братьев своей любимой – не позор, не проливать же их кровь. Малика – его любимая? С каких это пор? А если любовь – оправдание бегства, то он тут же и влюбился, стремительно и бесповоротно. Поверить, что человек может убежать от собаки, трудно, но вспомним классика: «Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла». У зайца, убегающего от орла, хорошая скорость. Ну, а Мамед Али бежал быстрее, чем Гарун. Погоня росла, всё новые и новые люди присоединялись к охотникам. Мало кто из тех, кому довелось спастись от толпы в дагестанском ауле, может поделиться своим опытом, по причинам понятным. Кажется, новые охотники, вооруженные чем попало – дубинами, кетменями, кинжалами, выскакивали из самых неожиданных мест, каза-

лось, прямо из стен домов и даже из-под земли. Гнались до моста на околице, а там Мамед Али, отчаявшись убежать, прыгнул с высоты моста ногами вперёд в бурную воду цвета жидкой глины. Спас Мамеда Али недавний ливень, превративший скудный ручеек в полноводный поток, смягчивший удар о камни дна. Этот поток подхватил, перевернул и поволок. Аульчане прекратили погоню за трупом, увидав, как крутится тело в реке. Он остался жив и почти невредим. Когда же выбрался из ледяной воды и сумел немного прийти в себя, первая его мысль была – нет, хватит с него странствий и приключений. В скором времени судьба привела его в город Бурь – Баку.

Море под жирной мазутной плёнкой бурого цвета шевелилось лениво и переливчато.

На голых песчаных буграх грязного серо-жёлтого цвета среди куч мусора и луж мазута высились деревянные пирамиды нефтяных вышек. Повсюду – рыбные отходы, объедки из столовых. С жужжанием носились мухи. Здесь, на нефтеприиске, всё было рядом – и жильё, и работа – нефтяные вышки, столовая и больница. Два кладбища – мусульманское, с каменными столбиками у изголовий, и христианское, с деревянными крестами, располагались в небольшом удалении от посёлка, на холме. Вся жизнь и смерть в одном месте. Теснота и поспешность властвовали здесь во всём – и в жизни, и в смерти. Жили рабочие недолго.

Невысокий, рябой, длинноносый грузин чуть наклонился вперёд, навстречу ветру, плоская кепка, каким-то чудом не слетала с его головы. Другой человек – высокий, в лихо надетой набекрень бараньей папахе, держал в руке маузер, и дуло было направлено прямо в голову с кепкой. Маузерист тарачил светлые, серо-зелёные глаза, выглядевшие бельмами на смуглом лице, скалил зубы, от этого его пышные усы топорщились. Он медлил, не нажимая на спусковой крючок. Шум ветра и крики чаек, больше никаких звуков. Тишина. Люди затихли в ожидании выстрела.

Но стрелять было нельзя, слишком много свидетелей. Мусульмане, человек двадцать, русские и армяне, стоявшие вместе, их ещё больше, и самые многочисленные – иранцы. Когда свидетелей так много, начальник полиции Зайцев потребует за закрытие дела столько, что уж лучше сразу уехать самому в Сибирь до окончания своих дней, чем платить. Обычно, если застрелить втихомолку, без свидетелей, он не берёт больше двухсот, но когда свидетелей столько! Но не стрелять лоты Паша тоже не мог. Рябой нанёс ему смертельное оскорбление, вдобавок Паша сгоряча вытащил маузер из-за пояса, а вытащить оружие и не пустить его в ход – лучше сразу самому застрелиться.

Повод же был обычным. Лоты Паша и его приближённые расположились играть в нарды прямо за поворотом тропы, идущей вдоль забора, отгораживавшего столовую. Расселись так, что идущим в столовую надо было либо обходить их по непросохшей до конца мазутной луже, либо возвращаться назад и идти в обход. О том, чтобы пройти между игроками, речи быть не могло, пройти между бандитами значило нанести им смертельное оскорбление, не посчитать людьми, достойными внимания.

Лоты Паша приехал в Баку из деревни три года назад. Вначале пошёл работать «черпальщиком» на прииск, там два раза подрался с другими рабочими и до полу-смерти избил их. А потом у него появился маузер. Понять, что ходить, засунув оружие за пояс, задирая рабочих и требуя денег с хозяев нефтяных вышек, легче и выгодней, чем черпать нефть из скважин, было нетрудно даже для девятнадцатилетнего пастуха из деревни. Ну, а подробности, вроде того, кому и сколько полагаются платить за такую работу, ему объяснили. Он стал заходить в конторы нефтепромышленников и требовать плату за «охрану» вышек. Деньги прибывали, жандармы, после того, как пару раз увидели его входящим и выходящим из кабинета начальника, теперь первыми здоровались ним, а рабочие почтительно добавляли «лоты», называя его имя.

Тот, кто подарил ему маузер и объяснил, кому и сколько платить надо, решил, что пора, парень созрел. Всё, что надо было, сделал. Заработал грозное имя и непререкаемый авторитет.

И появился тот самый рябой грузин с длинным носом. Грузин подошёл к столу с нардами, в которые играли бандиты, и ударом ноги его опрокинул. Потом назвал Пашу таким словом, за которое убивают. Заранее условлено было, что спрятавшийся среди старых вышек человек с винтовкой застрелит Пашу, как только нарды полетят на землю. Грузин повалил столик с нардами, но выстрела не последовало. Стол опрокинут, нарды разбросаны по земле, но лоты Паша жив. Правда, он тоже медлил, злился, скалился, но медлил, не стрелял. А медлить ему было нельзя. Счёт шёл на мгновения.

Рябой казался спокойным, будто не ему в голову был направлен ствол. Только пальцы, прижатые к обшлагам мешковато сидящего коричневого двубортного пиджака, стали белыми. Совсем белыми. Но кто, кроме Мамеда Али, обратил бы внимание на эту мелочь? Мамед Али стоял отдельно от толпы мусульман, один, сам по себе.

«Сейчас начнётся», – подумал он, сжимая в кармане пиджака рукоятку бесполезного теперь браунинга. Сейчас этот кретин застрелит рябого грузина, после армяне неминуемо начнут стрелять в мусульман, те в ответ, трупов будет... И зачем я только остановился, проклятое, ненужное любопытство. Убьют ведь, точно убьют.

Но не только любопытство остановило спешившего домой Мамеда Али. Дело было в том, что он хотел, чтобы лоты Паша застрелил этого рябого, и хотел увидеть, как это произойдёт. Потому что ненавидел их одинаково. Этого – в могилу, этого – в Сибирь. Понятно, что на их места неминуемо придут другие паразиты, но жизнь, возможно, станет немного проще. Или хотя бы разнообразнее. Если только сейчас самого не убьют в перестрелке.

Раздался выстрел, лоты Паша рухнул на деревянный настил. От удара папаха слетела у него с головы.

Грузин стоял с отрешённым видом, будто не имел никакого отношения к происходящему. Мусульмане закричали и бросились к убитому, обступили. В растерянности они теснились вокруг трупа, оглядывались, доставая оружие, но ещё не понимая, в кого стрелять. Армяне, тоже в растерянности, «снимали» свои маузеры и тоже оглядывались. Мамед Али знал, что если он сейчас побежит или хотя бы просто быстро пойдёт прочь, и те, и другие откроют по нему огонь. Раз скрывается, надо убить. Мусульмане, конечно, все знают его, и среди армян тоже почти все знакомые, но кто станет сейчас разбираться? Здесь вначале стреляют, а потом разбираются, и то не всегда. Застрелят, и всё.

Грузин, очнувшись от отрешённости, оставаясь по-прежнему спокойным, направился туда, где столпились мусульмане.

– Нас хотят мы подрались и убить друг друга. Надо найти виноват, а не стрелять свой брат, рабочий. Найти враг – капиталист, и убить, а не убить свой брат.

Говорил он неправильно, но уверенно и понятно. Главное, что бесстрашно. Голос не дрожал, никаких признаков волнения. Так может вести себя только тот, в ком нет ни страха, ни сомнения. Кто прав.

Откуда ни возьмись, появился слепой нищий с бельмами на глазах, одетый в лохмотья, вместо пахахи на голове у него был какой-то шутовской островерхий колпак, в руке – палка. Вид этого несчастного человека, известного всем на приiske – и мусульманам, и армянам – подействовал примиряюще. Тэмкин, ослепший от трахомы пару лет назад. Он и зрячим был самым мирным и безобидным человеком. Настолько его имя соответствовало характеру, что казалось прозвищем, не дай бог случайно застрелить такого. Всевышний, под каким бы псевдонимом он ни действовал – Аллах, или Аствац – за такое накажет. При виде слепого один мусульманин засунул маузер за пояс, за ним другой. Армяне тоже стали прятать оружие.

Когда раздалась свистки жандармов, грузин растворился в толпе мусульман. И те, то ли повинясь инстинкту завоёванного, покорённого силой народа, где выдача властям – низость и гнусность, то ли внявши уговорам рябого, сомкнулись вокруг него, пряча и защищая от всадников в мундирах. Кто-то из мусульман быстро снял кепку с его головы и взамен нахлобучил свою папаху. Всё, теперь уже не отличить его в толпе. Чернобородый, невысокий, в папaxe – других там и не было.

Полицейские окружили мусульман.

Вот теперь можно уйти, решил Мамед Али, жандармам будет не до него. Самое время. Главное для них сейчас – на допустить массовой бойни.

Он медленно прошёл мимо сбившихся в толпу русских и армян и, скрывшись за этой толпой, быстро, как только мог, по тропинкам, выющимся по склону бугра, среди вышек, пробрался к тому месту, где его ждала пролётка. Обернулся напоследок, бросил взгляд назад. Люди из враждебных толп, разделённые всадниками в голубых мундирах, попрятали оружие. Слепой Тэмкин стоял неподвижно, сгорбившись, покорно ожидая чьей-нибудь помощи.

– Пошли, – скомандовал Мамед Али кучеру Аслану.

«Пошли» это значило – домой. В других случаях он говорил: «Поехали» и называл, куда ехать. Пошли – это значило: во Внутренний Город, на Малую Крепостную улицу.

Едва только пролётка, миновав Шемахинские ворота, свернула направо и поехала вверх по Малой Крепостной, Мамед Али увидел конный экипаж, стоявший перед подъездом дома, в котором он жил. Дом этот был в три этажа. На первом – кладовки, конюшня, помещение для пролётки, здесь же, в двух комнатах, жила Степанида Никифоровна. Теперь она считалась прислугой, а раньше молодая Стеша исполняла другие обязанности в этом доме. Да так исправно это делала, что даже родила двух дочерей, но жили дочери теперь не с ней, она не хотела, чтобы девочки повторили её судьбу – то ли служанки, то ли приживалки, то ли чёрт знает кого. Дала им нейтральные имена, возможные как у русских, так и у мусульман – Мария и Тамара, и жить отправила в родной Чистополь. Хозяин дома, он же и отец девочек, Салим, запутавшийся в сложных своих отношениях с двумя жёнами, не вынес расставания с дочерьми – скончался от разрыва сердца. Законная вдова, Диляра-ханым, даже не успела выгнать ненавистную соперницу, после смерти Салима слегла и быстро последовала за ним. Трое детей – Мир-Ахмед, Месьма и Тора – остались сиротами. Степанида стала мачехой детям Диляры. И дети Диляры, когда повзрослели, вполне сносно говорили на русском, а её любимец, Мир-Ахмед, говорил на этом языке так, словно тот был его родной. Он пошёл в отца – рослый, красивый мальчик, и учился хорошо.

Совместная ненависть мачехи и сирот к их опекуну, дяде Зияду, щедрому на траты чужих денег, сплотила эту странную семью сильнее родственных чувств. И когда Мир-Ахмед вырос и закончил реальное училище успешнее, чем русские и армянские его одноклассники, он прогнал, наконец, ненавистного Зияда, не успевшего полностью пустить по ветру состояние покойного брата Салима.

Степанида Никифоровна могла уехать в Чистополь, к дочерям, но осталась с детьми Салима, давно уже звавшими её мамой. Мир-Ахмед, взявший управление делами семьи в свои руки и сумевший преуспеть в этом, заикнулся было о прислуге.

– Ты что, какая прислуга так приготовит, как я, я же знаю, что девочки кушать любят, да и неряха может попасться, грязь заведёт, и что тогда? – возразила Степанида.

Мир-Ахмед, выпускник реального училища, воспитанный русской женщиной, чувствовал себя в родном городе уверенно и привычно. Но воспитывавшая его Степанида Никифоровна сумела передать мальчику часть своей души.

И неявные, не выраженные словами обиды, обычные спутники всякого, живущего на чужбине, тоска по родным местам и людям, всё это в форме совершенно трансформированной и неузнаваемой терзало юношу. Отчуждение сопровождало его всю жизнь. Он был чужим везде – и в России, и в Европе, куда он пристрастился ездить, на удивление легко и быстро выучив французский и немецкий языки. Впрочем, удивлялся тот, кто не знал особенностей его памяти. С одного раза он запомнил всё, будь то неправильные глаголы чужого языка, карты, сброшенные в ходе игры, или математические формулы. Языки он выучил, но европейцем не стал. Хотя раз увидев Европу, Мир-Ахмед стал воспринимать бакинскую жизнь лишь как подготовку к очередному путешествию во Францию, в Италию или Швейцарию. Он томился пребыванием в родном городе как тюремным заключением. Аккуратно вымощенная и подметённая обустроенная Европа влекла его прочь из родного Баку, вообще за границы империи. Став чужим в Баку, он не стал своим нигде.

Всё тяготило его: на улице – одни и те же разговоры похожих между собой людей, стареющие незамужние сёстры дома, обе они пошли в материнскую породу – невысокие, толстенькие, типичные жительницы Внутреннего города. Хотя Мир-Ахмед, в соответствии с обычаями, назначил каждой из сестер приличное приданое, замуж они не выходили. В женихах недостатка не было, но что это за женихи! Готовые жениться на девушке из купеческой семьи, чтобы провести оставшуюся жизнь в безделье и игре в нарды. Хоть бы один дельный, стоящий человек оказался среди них. Нет, все бездельники, вдобавок невзрачные на вид. Необходимость общения с женихами угнетала Мир-Ахмеда. Он любил сестёр и желал им хоть подобия того чувства, какое было между ним и его тайной подругой, Варварой Алексеевной. Но где там! И женихам он отказывал, ссылаясь на несогласие девушек.

– Не желает замуж, – он пожимал плечами. – Не знаю, что ей надо.

В результате стали говорить, что на самом деле сам Мир-Ахмед не хочет делить наследство, и женихи перестали его беспокоить. Поэтому когда среди его знакомых появился Мамед Али, человек, приехавший из Астрахани, Мир-Ахмед, не раздумывая долго, пригласил его домой и сам предложил породниться. Человек из Астрахани, ладный, гладковыбритый шатен с красивыми, завёрнутыми вверх усами, с европейскими манерами и рассуждениями, был симпатичен ему.

Мамед Али происходил из татаро-иранской семьи бабитов. После казни их лидера в 1848 году и разгрома его последователей религиозные реформаторы разбежались из Персии кто куда, и семья отца Мамеда Али обосновалась в Астрахани. Его единственный сын остался сиротой в младенческом возрасте. Родственники говорили, что его сиротство – наказание за вероотступничество, следствие проклятия мулл, жалели мальчика, не дали ему сгнуться и даже обеспечили ему учёбу в реальном училище. Отца Мамед Али запомнил беспомощным, лежащим среди подушек на ковре, а мать почти не помнил.

В Баку он попал, когда ему было около тридцати лет, с твёрдым намерением разбогатеть в этом убогом и страшном, но по сравнению с Астраханью показавшемся заманчиво богатым месте. В проклятие мулл он, по свойственной молодости легкомысленности, верил лишь отчасти, порой забывая о нём. И, забыв, продолжал поиски своего счастья. В Баку выяснилось, что кроме имени лидера бабитского движения Мамед Али получил ещё кое-какое наследство от своих предков – предприимчивость и свободу мышления, не ограниченную никакими рамками, ни религиозными, ни сословными, ни имущественными. Он женился на сестре нового своего приятеля и, в нарушение всех традиций, поселился в доме своей жены.

В этом городе те из его земляков-иранцев, кто имел какие-то полезные навыки, нанимались рабочими на нефтепромыслы, те, кто был попроще, занимались переносом грузов. Ни то, ни другое было не для него.

Он решил завести собственное дело, и, как бы это ни было невероятно, но сумел сделать это без денег и без всяких связей и знакомств. Точнее, связи и друзья у него были, но только в Астрахани, там его одноклассник имел торговый дом. Вскоре филиал этого торгового предприятия, занимающийся поставками леса, появился в Баку.

Когда Мамед Али пришёл жить в дом на Малой Крепостной, тот был двухэтажным, третий этаж Мир-Ахмед надстроил всего год назад. О тайной причине появления этой надстройки догадывался только шурин хозяина дома.

Редко какой обед в этом доме обходился без гостей. За исключением тех частых случаев, когда Мир-Ахмед сам делал визиты. Сегодняшний гость – Исаак Аронович, компаньон Мамеда Али. Все звали его Изя, но он настаивал, что звать его надо Исааком Ароновичем. Но короткое, звонкое «Изя» очень подходило этому стройному, худому, казавшемуся даже высоким молодому мужчине. Изя носил бороду-эспаньолку и дорогие цейсовские очки в блестящей серебряной оправе. За выпуклыми стёклами очков его близорукие, чуть навывкате глаза казались ещё больше, чем на самом деле. Мир-Ахмед, а вслед за ним и сёстры, всё же звали его коротким именем. Это в глаза. За глаза Тора и Месьма называли его просто – еврей. В противовес этому Мамед Али обращался к компаньону по имени-отчеству.

А когда Исаак изредка начинал возмущаться пренебрежительным именем – кличкой, Мир-Ахмед с целью примирения, но не выходя за пределы покровительственного тона, звал его Шейх, сокращая таким образом фамилию Шехтман. Быть шейхом Исаак тоже не хотел: «Где я, и где шейх, тогда уж зови меня рабби», – раздражённо возражал он.

Как и его компаньон, Исаак Шехтман происходил из семьи беженцев. Его отец сбежал в Баку после еврейских погромов на западе Российской империи, точно так же, как отец Мамеда Али сбежал из Персии от фанатиков. Мамед Али, познакомивший Мир-Ахмеда с компаньоном, и не предполагал, что между ними возникнет тесная дружба. Дружба основывалась не только на любви к артисткам и паюсной икре. Остроумный, энергичный Изя был для Мир-Ахмеда живым подтверждением существования другой, не бакинской жизни, интересной и многогранной, по которой он тосковал. Говорили между собой они, в основном, на русском языке, хотя Изя владел языком мусульман как один из их числа, говорил без малейшего акцента. Да и немецкий, похожий на домашний язык его семьи, Исаак знал не хуже, чем Мир-Ахмед, но сложилось так, что языком их общения был русский.

Легко поднявшись по крутой лестнице, тускло освещённой лишь светом из дверного проёма на самом верху и до второго этажа устланной толстым ковром, Мамед Али ступил на прямой, без промежуточных площадок заключительный её пролёт, ведущий на третий этаж. Ковёр на лестнице вещь не нужная, зато сразу указывающая вошедшему, что здесь живут люди не бедные, с достатком. А излом в крутизне лестницы причиной своей имел поспешную надстройку третьего этажа, верхние ступени вынуждено располагались почти отвесно, и на них не было специальных бронзовых колец по углам с продетыми в них толстыми прутьями, без которых нельзя удерживать ковёр от сползания вниз.

Мамед Али вошёл в комнату, где хозяин и его гость пили чай. Эту традицию предобеденного чаепития саркастичный Исаак объяснял по-своему: «Чтоб меньше ели».

– Ха, мы тут важные дела обсуждаем, а ты неизвестно где катаешься, – приветствовал Изя вошедшего.

– Тебя ждём, – сказал шурин, приветственно подняв руку, и указал на пустое кресло. На коленях у него развалился большой серый кот Мэстан. Движения хозяина вызвали неудовольствие Мэстана, он открыл ярко-желтые глаза, посмотрел на Мамеда Али и, убедившись в ничтожности причины беспокойства, снова закрыл их.

Вошедший сел и, помолчав немного, сообщил:

– Только что на приисках убили Пашу. Я сам видел, своими глазами.

– Какого Пашу? – спросил Мир-Ахмед, хотя ответ он уже знал.

– Лоты Пашу, портового гочи. Он хотел застрелить грузинского бандита. Кобра, Гюрза, Гадюка, или как его зовут, а тут его самого...

– И кто, кто этот почти святой человек, застреливший гадину? – Исаак часто пародировал манеру речи и поведения местных евреев и невозможно было понять, где он играет, а где серьёзен.

...Юридически Мамед Али и Исаак компаньонами не были, даже, вроде, наоборот – их конторы стояли рядом, но Мамед Али торговал пиленным лесом, а контора Шехтмана занималась точным подсчётом балок и досок, необходимых для того или иного сооружения. И прежде чем выписать доски и балки, подсчитанные расточительным и часто некомпетентным подрядчиком, покупатель шёл к Исааку Ароновичу с проектом и тот вносил исправления в заказ. Брал немного, четверть от сэкономленного. Покупатель тут же спешил в соседнюю контору и заказывал лес.

Работать вместе предложил Исаак, он пришёл, как только открылась новая лесоторговая контора, и сказал:

– Ты продашь столько досок, сколько захочешь, если люди будут думать, что, покупая у тебя, они не тратят, а экономят. Они будут отдавать тебе деньги, считая, что зарабатывают при этом. Ты только представь.

Мамед Али представил и согласился.

Оборот продаж скоро превысил все предварительные подсчёты. Но самое главное, что ни бандиты, ни их коллеги-революционеры, ни чиновники – буквально никто и близко не мог представить себе масштаба их доходов. А в Баку, где каждый богач хвастливо сообщал количество пудов нефти, добытой на его приисках, и спешил построить дворец на зависть всем, никого не интересовали неприметные финансовые карлики, к тому же якобы конкурирующие между собой – лесоторговец Сафаров и инженер-консультант Шехтман. Оба жили в чужих домах и ездили в скромных экипажах.

Банкиры, осведомители революционеров, тоже ничего не знали о состоянии лесоторговцев, они держали деньги в безопасных и выгодных банках – стеклянных. Мамед Али восстановил прежние связи своей семьи в Иране, и верные люди скупали там бриллианты для него и Изи. Держать деньги в безостановочно дорожающих камнях было выгодней, чем на счетах.

Впрочем, свободных средств было не так уж много, каждый год они покупали в Нижнем Новгороде новый пароход. Друзья по реальному училищу занимались поставками леса для своего бывшего одноклассника, и буксиры тащили огромные плоты по Каспию в Баку. Ключи от всего этого обмена кубических аршинов древесины на караты бриллиантов и пароходы были в руках у Мамеда Али. И вот в последнее время этот самый Паша, чьё имя произносили, почтительно добавляя – лоты, вдруг начал догадываться о том, что у него под носом есть большая добыча – но ни в пудах нефти, ни в рублях неизмеримая. Леса продавалось много, хоть и по дешёвой цене. Другие лесоторговцы нашёптывали Паше, что хитрый перс с помощью ещё более хитрого еврея водит за нос простодушного, честного и доброго лоты.

И начались угрозы.

– Ты знаешь, что будет с тем, кто меня попытается одурачить? – спросил лоты, зайдя в контору при лесопильне и нависая над заваленным папками с документами столом, за которым работал Мамед Али. – Это мой прииск и мой порт, здесь всё принадлежит мне. И твоя лесопилка – тоже моя.

– Конечно, – согласился хозяин лесопилки, отрывая взгляд от лежащих на столе бумаг.

– А если она моя, то почему ты мне не платишь?

– А потому, что если ты узнаешь, как идут мои дела, вместо того, чтобы требовать деньги, сам захочешь мне их дать, просто из сочувствия. Я твой характер знаю, – Мамед Али улыбнулся. И, догадываясь об отвращении Паши ко всему написанному, предложил: – Вот, посмотри, это мои бумаги, там всё ясно видно.

Ясно, но только для того, кто умеет читать, об этом он, конечно, не сказал. Пришлось объяснять.

– Доски – не нефть, на них не заработаешь. Нефть из земли, а доски покупать надо. Вот видишь, здесь записано, сколько я потратил на покупки, а здесь – сколько продал. Разница – вот она, – Мамед Али указал столбик двухзначных цифр. – С чего платить, с этого? А тогда что кушать?

– Я людям верю, но если обманешь, сам понимаешь, – глядя ему в глаза, сказал гочи.

– Мать того, кто обманул Пашу, останется безутешной, – спокойно выдерживая взгляд, заставляющий других прятать глаза, отвечал, сочувственно качая головой, лесоторговец. И неясно было, кому он сочувствует – обманщику, его безутешной матушке или доверчивому добряку-бандиту. – Мне это не надо, детей нет, я и жена, нам на тарелку бозбаша и на чёрек хватит. А там, Аллах милосерден, может, пошлёт удачу. Продажи у меня большие, вот только прибыль малая, приходится отдавать по дешёвке. Другие возмущаются, почему дешево продаю.

– Правильно возмущаются, не можешь торговать – уходи, я своего человека поставлю.

– Сила твоя, скажешь уходить – уйду, вот только кто в Астрахани с русскими договариваться будет? Лес сам не приплывёт, его купить надо. Мне в долг дают, за то, что беру много и расплачиваюсь быстро и аккуратно, а твоему человеку дадут?

– А другие как? Что, ты один такой?

– Ага, другие за наличные работают, купил, в сторону положил, и когда покупатель пришёл, продал. А я ждать не могу, с меня деньги требуют. Отдаю, лишь бы долги не набирать. Были бы наличные, другой бы был разговор.

О том, что поставщик леса, одноклассник Татара по реальному училищу, Лёшка, свой собственный лес продаёт другу в два раза дешевле, чем записано в бумагах, лоты знать не должен. Тем более, что почти все деньги, вырученные за проданный лес, всё равно к Алексею возвращаются, на покупку пароходов и другой техники. Кроме суммы, отправляемой в Иран на покупку бриллиантов, в том числе и для Алексея.

Бандит чуял – обманывает его Мамед Али. Не боится, ясно, что не боится, а значит, обманывает. От тех, кто не боится, всегда жди подвоха. Иначе не бывает. Но сказать нечего, вроде, правда, откуда у него деньги, если нет нефти, а лес вынужден по дешёвке сбывать. И живёт скромно. Может, действительно, за еду работает.

Когда Мамед Али рассказал о визите бандита Исааку, тот помрачнел.

– Плохи дела, легче всего, пока нет скандала и нас никто не заподозрит, убрать его. Лучше это сделать самим, надёжных людей сейчас не найдёшь, врагов у него много, а на нас с тобой не подумают. А нанимать кого-то – обязательно или проболтаются, или предадут. Платить ему нельзя, ты сам говоришь, начнёшь платить, в итоге отберут всё.

И на другой день он подарил компаньону небольшой, тяжёлый, удобно ложившийся в руку браунинг.

– Ты не подумай, я не подталкиваю, и себе такой взял. Мало ли, где-то случайно встретимся с ним без свидетелей. Надо быть готовым.

Мамед Али взял оружие, мысленно пожелав себе никогда не воспользоваться им. И вдруг вот такая удача, кто-то застрелил этого бандита.

– Я тебя не понимаю, Исаак Аронович, чему ты рад? Для меня лучше иметь дело с десятью такими, как лоты Паша, чем с этим, с Коброй. Паша дурак, да простит его, и меня заодно, Бог, а Кобра действительно опасен. И ещё неизвестно, кто именно убил Пашу. Мне кажется, грузин нарочно всё заварил, чтобы люди видели его силу. Пашу боялись, значит, теперь того, кто его послал на тот свет, все будут бояться ещё сильнее. Платившие Паше, грузину теперь больше заплатят. Вот и всё.

– Умный, для татарина даже очень умный, тем более, для амшары. – Исаак указал рукой на компаньона. – Ты не думаешь, Мир, что выдал сестру замуж за еврея? Мир-Ахмед засмеялся.

– Изя, даже такой несомненный татарин, как я, видит немного больше, чем все твои хвалёные евреи. Смотри, как много ваших работает на революцию и в терроре. Но что с ними будет, если революция всё-таки произойдёт, и власть захватят такие, как этот Кобра, они не понимают?

Исаак брезгливо-презрительно сморщился, сказал, с раздражением вздёргивая плечи:

– Что ты говоришь, какие евреи и какая революция? Вот я еврей, и зачем мне вся эта морока – бомбы, листовки и забастовки?! Мне и так неплохо. Умному человеку революция не нужна. Но умных вообще мало, просто среди евреев музыкантов больше, чем идиотов, музыканты – всегда на виду, от этого кажется, что остальные тоже умные, а на самом деле неглупые встречаются даже среди татар. – Он широким жестом указал на Мамеда Али. – Вот, пожалуйста.

– Эх, Изя, Изя, ничего-то ты не понимаешь. А ещё считаешь себя гением. Самым умным евреям революция как раз нужна. Например, Ротшильдам. Сейчас нефть, как ни крути, принадлежит Николаю. Все миллиончики, вместе взятые, ничто в сравнении с ним. Он издаст указ, и все будут ему платить в два раза больше, чем сейчас. Или в три. А Ротшильды не привыкли делиться. Чтобы забрать себе нефть, надо убить Николая. Вот о чём надо говорить. Всё остальное шелуха, пустая болтовня. Ротшильды зарабатывают миллионы на нефти и тратят их на то, чтобы убрать Николая.

Мамед Али поддержал свояка:

– Люди говорили, что Кобра хвастался, будто работает на Ротшильдов. И все его подхалимы смеялись этой шутке – как же, будет разве такой герой-революционер на хозяев работать?! Но может быть, он правду говорил?

– Наняли, вот он и стал работать. От денег кто откажется? – сказал Мир-Ахмед. – А иначе как можно объяснить, что после той бойни, в Тифлисе, он вышел сухим из воды? Людей вешают за пустяки, а этот настоящую войну против государственной власти учинил, и ничего, просто к нам переехал, будто перевели по службе, можешь это объяснить? Как?

Изя молчал.

– А я могу. Значит, кто-то очень могущественный стоит за ним. Может, это Ротшильд, может, кто-то другой.

– Ну, какая ерунда. Кто может стоять за Кобой?

– Не знаю, я в Швейцарии видел их главного – маленького роста, лысый, Ленин, так его зовут. Царь повесил его брата, и он хочет теперь убить Николая. Но за таким, как он, люди не пойдут. Разве что конченный сброд.

– Ленин? – переспросил Мамед Али. – Что, мордва?

– Да нет, Ленин – это его другие революционеры так зовут, это кличка. Фамилия у него другая, не знаю, вроде, русская.

«Лен-ин», – про себя, в раздумье повторил Мамед Али.

И вспомнил сон.

Во сне ему иногда являлся шайтан. Шайтан разваливался в кресле, оставаясь невидимым, и при этом Мамед Али знал, что на нём был европейский костюм-тройка

в крупную клетку, а манеры у незваного гостя самые развязные и наглые. Но видеть его Мамед Али не видел, просто откуда-то, неизвестно откуда, знал, как тот выглядит. Гость его снов рассказывал вещи поразительные, невообразимые.

– Ты не наш и не большая величина, но лично мне ты интересен, вот я тебе открою некоторые тайны. Запомни – Лен. Лен погубит людей в этой стране.

Невидимый посланник ада начал один за другим называть вульгарные названия мужского члена на разных языках.

– Видишь, это трехзвучные имена, у каждого из наших такое имя, из трёх звуков. И ещё – Шут, Бес, Лют, Гад, Хам. Люди используют их, когда хотят сделать кому-то плохо. Лен – одно из этих созвучий – ни говорить, ни, тем более, писать наши имена вам лучше не надо. Демону самому трудно являться без вызова, его пригласить надо. Человек взял себе имя – Лен, теперь, когда к нему обращаются, беса зовут. Но Лен – это мало, появится человек по имени Сто лен. Сто Ленов вместе. Тебе сейчас трудно поверить в то, что будет твориться. Лен натравит чернь на господ, бедных на богатых, и людей будут убивать за всё – за галстук на шее, за очки на глазах, а погоны будут гвоздями прибивать к плечам офицеров. Потом, когда бунтовщики покончат с господами, начнут убивать друг друга. Церкви будут разрушены. И мечети будут разрушены. Вот тогда придёт Столен. Он остановит бойню, когда перебьёт всех других слуг Лена. Он возвысится над миром выше царей и императоров. Ему покорятся народы. Помочь тебе я не могу, мы помогаем только своим. А ты не наш и не годишься в наши. Но я тебя предупредил, и ты можешь бежать отсюда, как твой отец бежал из Персии... Только никуда теперь убежать нельзя. Убивать будут везде, на всей Земле, – сказал невидимый с мечтательной интонацией.

...Мамед Али очнулся от воспоминаний о кошмаре – он очень боялся посещения шайтана, считал их признаком душевной болезни.

А Изя продолжал возмущаться:

– Тысяча и одна ночь, восточные сказки. На вещи надо смотреть проще, если занимаешься серьёзными делами. Ротшильды, Николай – они наверху. Ну, пусть там и сидят, нам какое до них дело, нам надо не упустить своего, а наверх нас не пустят.

– Ты сам видел этого Ленина? – спросил Мамед Али шурина.

– Так же, как вижу тебя, и он тоже пил чай.

– Он похож на шайтана?

– Ну, чтобы ответить, надо бы хоть раз его, шайтана, самого увидеть. Откуда я знаю. Похож – не похож, на хорошего человека точно не похож, а про шайтана не знаю. Христиане своих Чёртей рисуют похоже, только с рожками, но разве можно верить христианам? Маленький, лысый, за таким люди не пойдут. Разве что конченное отребье.

– На нём была серая тройка в тёмно-зелёную клетку?

– А, я же, наверное, уже рассказывал ...

– Если бы, – вздохнул Мамед Али. – Если бы.

Резкий звук автомобильного сигнала донёсся с улицы. Это приехал друг Мир-Ахмеда, Иса-бек. В Баку было несколько автомобилей, хозяин одного из них был дружен с Мир-Ахмедом. Прежде они часто, нарядившись в серые твидовые английские костюмы, ездили по городу. Верх у автомобиля откидывался, и Иса-бек ехал по улицам медленно, с откинутым верхом. Но в последнее время Мир-Ахмед стал избегать развлечений. Тайную причину этого знал только его зять, Мамед Али.

– Чего он шумит, поднимался бы, – недовольно произнёс Мир-Ахмед.

– Ты такую лестницу построил, по которой никто не хочет подниматься, – возразил Мамед Али.

– Лестница у вас, конечно, ужас, – согласился Исаак. – Как можно было сделать отвесную лестницу в жилом доме, это что, пароход?

А причину поспешности при возведении надстройки дома, кроме хозяина, знал только зять. И это была та же самая причина, из-за которой Мир-Ахмед охладел к прогулкам на авто.

***

Рябой грузин сумел незаметно выбраться из тесноты конными жандармами толпы мусульман и поспешил прочь из порта. И хотя обвинить его было не в чем, ведь он сам только что едва не стал жертвой бандита, основания избегать полицию у него были. Веские основания. Убитый лоты Паша был его конкурентом по экспроприациям. Разница была в том, что Паша грабил исключительно для себя, ну, и для шефа жандармов, а Иосиф, так звали грузина, отбирал деньги для партии революционеров-большевиков и агитировал за них рабочих нефтяных приисков. Его авторитет среди рабочих был велик. Попросту говоря, боялись его панически, но в то же время думали: «За нас борется». Товарищи по партии помогали ему в разбойном деле, соблюдая все правила конспирации. Помощь и конспирация заключалась в том, что стоило кому-нибудь из портовых бандитов хоть как-то выразить своё недовольство наглой конкуренцией со стороны рябого грузина, как вскоре недовольного находили застреленным.

Партии для борьбы с эксплуататорами трудового народа нужны были деньги, а после ограбления кареты казначейства в Тбилиси, организованного Кобой, обнаружилась негодность подобных методов. Номера похищенных купюр были записаны, и все эмиссары большевиков, пытавшиеся воспользоваться ими за границей, были схвачены. В том числе арестовали и Симона Тер-Петросяна, Камо. Камо – издевательская кличка, данная ему Кобой, приклеилась на всю его непродолжительную, полную риска жизнь. Камо так Камо, всё, что делал и говорил старший товарищ, Коба, вызывало восторг у Симона. Сказал Коба, что он Камо – так тому и быть.

На первых порах их дружбы Иосиф Джугашвили честно пытался просветить Симона, обратить его в марксистскую веру. Но зачем одержимым вера? Ответом Камо на все отвлечённые рассуждения об эксплуатации, прибавочной стоимости и других не вполне понятных абстракциях был полный восторга взгляд и слова, произнесённые с несомненной убеждёностью: «Кого скажешь, того и убью». Только скажи, всё, ничего объяснять не надо, сразу убью. И Коба, надо отдать должное его душевной мягкости и снисходительности, не мучил своего младшего друга непосильными рассуждениями, просто говорил, а Камо просто выполнял. Коба иногда поручал ему проверить «нашивость», как он выражался, товарищей по борьбе. Камо и его подручные, переодевшись в жандармов, били и пытали проверяемого, требовали «признаться во всём». Изнасилование мужчины – прекрасный способ в политической борьбе, жертва сломлена морально и за одно только молчание о произошедшем готова на многое. Их показания аккуратно и подробно записывались товарищем Иваном, единственным грамотным членом группы Камо. Впоследствии эти записи очень помогли вождю во внутренней партийной борьбе. Чтобы избежать оглашения выдержек из «Ванькиных тетрадей», железные партийцы шли на всё. А в 1922 году Камо оказался под колёсами грузовика в городе Тифлисе, жители которого в то время при появлении грузовой машины сбегались, чтобы посмотреть на такое чудо техники...

...Он знал, что убийство бандита породит много страха. Значит, наступит горячее время и можно будет грести деньги.

Все человеческие чувства легко превращаются в деньги. А для бандитов и революционеров исходный материал – чувство страха. Сам Коба был абсолютно безразличен к деньгам, цель, которая стояла перед ним, была несравненно больше, чем самое большое богатство...

Его беспокоило предательство тех, по договору с которыми он должен был прилюдно оскорбить бандита Пашу, а убить его из засады должен был другой. Свою часть Коба выполнил и едва не поплатился за это. План едва не сорвался, и если бы Коба не подстраховался и не поручил бы верному человеку из грузин в случае чего непредвиденного устранить опасность, его сейчас бы уже и не было. Имея дело с могущественными людьми, всегда надо ждать предательства. Это единственная возможная для них форма существования. Нет могущества без коварства. Возможно, они решили сделать ставку на другого, возможно, лоты Паша, застрелив Кобу, должен был остаться единственным сборщиком дани с нефтепромышленников, и передавать деньги новым хозяевам. Всё это надо было обдумать в спокойной обстановке, взвесить, оставшись в покое и одиночестве.

О существовании его собственной конспиративной квартиры не знал никто, кроме, правда, полутора десятков жителей города Баку, но о них-то сам хозяин тайного убежища и не подозревал. И вот, когда он наконец вошёл в свою тайную комнату, сел на диван и почувствовал смертельную усталость, в запертую дверь постучали, и мальчишечий голосок крикнул: «Дядя, идут!» и сразу следом раздался топот убегающих босых ног.

Рябой подскочил к окну и, не отдёргивая занавес, сбоку, спиной прижавшись к стене, выглянул на улицу. Так и есть, трое русских в пиджаках и котелках приближались к калитке двора. Бежать было поздно. Он бросился к шкафу, схватил пистолет, спрятанный среди одежды, засунул его за пояс брюк и, сбросив пиджак, надел длинное и широкое женское платье, специально приготовленное на такой случай, напялил на голову паранджу. Переодевание в мусульманку выручало его не раз и не два в этом городе. Перед тем, как выбежать во двор, открыл окно...

Калитку на стук непрошенных гостей открыла степенная татарская женщина с закрытым чёрной вуалью лицом.

– Где грузин?

Женщина молча указала на одну из выходящих во двор дверей.

Сыщики устремились в указанном направлении, самый высокий и грузный из них на ходу снял свой котелок, чтобы он не слетел от удара мощным плечом о запертую дверь. Но дверь оказалась незапертой, и сыщик, вломившийся в открытую комнату, споткнулся о порог и растянулся. Котелок отскочил в сторону и покатился по полу, из кармана пиджака выпали пистолет и наручники. Двое других сыщиков бросились к открытому окну.

– Баба, мусульманская баба! – в бессильной ярости кричал лежащий на животе сыщик.

Двое других поняли не сразу, но одновременно, бросились обратно, во двор, на улицу с тесно стоящими глинобитными и деревянными домиками. Но та была пуста.

Жандармы нашли брошенное женское платье и паранджу за поворотом улочки. Здоровяк без котелка на бритой голове с упрёком показал брошенные тряпки товарищам.

***

Какие могут быть увлечения у молодого, привлекательного, состоятельного и одинокого мужчины, серьёзнее обычных, похожих один на другой романов. Путешествия были единственной и настоящей страстью Мир-Ахмеда, только в дороге он жил настоящей жизнью. О женитьбе думал если не с отвращением, то, точно, без всякого интереса. Так продолжалось, пока в Бадене он не встретился с Варварой Алексеевной, юной русской аристократкой, приехавшей на воды поправлять своё, не нуждавшееся ни в каком лечении, здоровье. В Германии Варя была вместе с семьёй отцовского сослуживца, Фёдора Трофимовича, его жены и дочерей.

Гувернантка – ненадёжная порука, другое дело чиновный человек, по службе зависящий от отца Варвары. В компании с семьёй такого положительного и надёжного человека можно даже отпустить дочь мир посмотреть. Уж кто-кто, а Фёдор Трофимович надёжен, как всё чиновническое сословие, и у него не побалуешь. Кроме того, на водах в Европе немало молодых русских аристократов. А Варя пора замуж.

Однажды вся компания во главе с благонадёжным Фёдором Тимофеевичем совершила экскурсию в казино. Так просто, посмотреть. Сыграли по мелочи, а потом Варя с невинной улыбкой попросила разрешения самой сделать ставку. Улыбнувшись в ответ этому детскому капризу, Фёдор Трофимович разрешил. Она выиграла. Столько, сколько её отец зарабатывает в месяц. И потом она стала ходить сюда уже одна. Это был волшебный мир. Роскошью Варвару было не удивить, но близость блуждающего где-то рядом счастья – ни с чем не сравнимое, чудесное ощущение. В деньгах Варя не нуждалась, ей нужен был выигрыш, нужно было ощутить удачу, только и всего. Раньше, до казино, всё было так обыденно и неинтересно в её жизни.

В казино всегда было полно русских. Через пару дней Варвара встретила в игорном зале молодого человека, внешне не похожего на русского, но прекрасно говорившего на русском языке. И взгляд его чёрных глаз был свой, русский. Русские смотрят на мир иначе, не так, как европейцы. Этот человек и на немецком говорил без запинок и почти без ошибок. Высокий элегантный брюнет произвёл впечатление, подсадив ей выигрышное число. Представился он Максимильяном. Она хотела продолжить играть, но «Максимильян» остановил её.

– Мы с вами, Варвара Алексеевна, находимся в храме сатаны и играем с самим хозяином. Он никогда не проигрывает. Нам кажется, что игра эта со случаем, но я могу доказать вам, кто на самом деле играет с нами, скрываясь под именем «Случай». Извольте.

И он прошептал ей на ухо выигрышное число. Ставки они не делали, но их число вышло.

– Попробуем ещё?

Возбуждённая, она молча кивнула, и снова он угадал. Варвара ощутила головокружение.

– А теперь давайте всерьёз, – предложил новый знакомый и передал деньги крупье.

– Видите, как он заманивает нас, – сказал Максимильян после проигрыша. – Когда я просто загадываю, без интереса, всё совпадает. Но он слишком любит деньги, чтобы уступать их. Пойдёмте, в этой игре нет выигрыша.

Из казино они ушли, но расставаться с Максимильяном ей не хотелось, и они встретились на другой день. Видя, как простодушно и искренне Варвара Алексеевна обрадовалась новой встрече с ним, Максимильян назвал своё настоящее имя и рассказал ей всё о себе.

О женитьбе не могло быть и речи – родители Вари ни за что не согласились бы. Зять-инородец, да ещё из магометан, простой купец, нет, они быстрее откажутся от дочери, чем допустят такое. Возможно, не будь Алексей Терентьевич, отец Вари, обладателем высокого чина и большого состояния, девушка пренебрегла бы родительским благословением. Но та жизнь, которую мог обеспечить ей Мир-Ахмед, не шла ни в какое сравнение с привычной её жизнью. Нет, конечно, прислуга, путешествия, бриллианты ко дню рождения, всё это оставалось бы, но блеск и роскошь балов, но восхищение и зависть света – как отказаться от этого?

Было ещё одно нешуточное препятствие – семья Абдуллаевых, сёстры Мир-Ахмеда и многочисленная завистливая и алчная родня. Любовь – вот что люди не склонны прощать другим. Обладание этим сокровищем вызывает зависть большую, чем обладание богатством. Ясно, что семья воспротивится этому браку. За исключением, конечно, Степаниды Никифоровны.

И судьба, безжалостная судьба, сделала их не женихом и невестой, а любовниками. Произошло это так естественно и неотвратно, как если бы девушку и мужчину связывали совместно узы церковного и гражданского брака. Ни она, ни даже он так и не поняли, как всё произошло. Просто зашли к нему однажды, но всё уже было предопределено заранее.

Вскоре они расстались, Ахмед должен был уехать в Баку, оставлять магазины на управляющего надолго нельзя, ну, а Варины спутники, семья Фёдора Трофимовича, тоже уже уезжали.

На другой год Мир-Ахмеду легче было снова приехать в Баден, чем Варе убедить родителей в необходимости продолжить водолечение. Она действительно расцвела после возвращения из Германии, а родители, ослеплённые любовью к дочери, ничего не подозревая, не уставали дивиться чудесному действию лечебной воды. Гувернантка, кое-что знавшая, кое о чём догадывавшаяся, предпочитала помалкивать. В общем, Варю снова отпустили. Она приехала в Германию первой, вместе со своими прошлогодними спутниками, но раньше своего любовника, сильно скучала и проиграла в казино кучу денег. Но это нисколько не отравило радость от их встречи. Мир-Ахмед отдал бы все деньги, какие мог отдать, лишь бы видеть её счастливой. Испытание буднями – вот через что предстояло пройти их любви. Нет, не теми буднями, полными особого смысла и вкуса, что они проживали вместе. Будни разлуки, так легко и быстро убивающие любовь женщины и мужчины. Или доводящие эту любовь до крайней, нестерпимой силы.

Здесь, в Бадене, Ахмед впервые в своей жизни ощутил физическую мощь и быстротечность потока времени. Сказать, что двадцать дней пролетели, как один, было нельзя, потому что они пролетели намного быстрее, чем один простой, обычный день. Мысль о неминуемом расставании, о том, что потом у неё будет своя, отдельная от него жизнь, жгла, как огонь.

Они разъехались, ничего не обещая друг другу.

Как бы ни были ослеплены родители Варвары любовью к дочери, но девочке уже скоро девятнадцать, женихи, один завиднее другого, получают отказы. Должна же быть причина. А она решила рассказать всё родителям, но перенесла это объяснение на год. Ещё раз встретится с ним, а там будь что будет.

Вернувшись в Баку, Мир-Ахмед занялся надстройкой дома.

Эта нелепая, почти вертикальная лестница на третий этаж возникла тогда. Лестничные марши шли с нормальным уклоном, до второго этажа с обычным разворотом на промежуточной площадке, но на верхнем пролёте до третьего этажа лестница вынуждено приобретала крутизну, становясь почти недоступной. Мир-Ахмед легко преодолевал это препятствие. Ну, а в старости... какой же влюблённый думает о старости?

Верхний, третий этаж дома был надстроен деревянными верандами – благо лес свой, всё делалось тяп-ляп, в спешке. Хотя причин спешить не было. Убедить Варвару пойти против родительской воли было невозможно. И рассказать родным сёстрам о своей любви, предвидя их реакцию, Мир-Ахмед не мог. Но затеял стройку и надеялся на то, что всё само собой образуется. Единственный доверенный и отчасти посвящённый в дело человек, деверь, советовал не связываться с надстройкой, а построить отдельный новый дом, благо участки под строительство выдавались в окрестностях Баку почти бесплатно. Мнение её родителей, мнение его сестёр – на это не стоит обращать внимания, если речь идёт о любви двух людей друг к другу. Сам Мамед Али действительно так бы и поступил. Но ему не суждено было встретить ту, которую он бы полюбил. А лепить третий, деревянный этаж на добротный старый двухэтажный дом – глупо. Но переубедить шурина было невозможно.

...Варваре удалось каким-то чудом упротить отца послать её в Германию снова. Благо Фёдор Трофимович так любил это место, что собрался сюда в третий раз со своей семьёй. На этот раз отпуск он получил в мае, его дочери уже успели из девочек превратиться в почти взрослых барышень, и их не омраченные никакими взрослыми заботами ожидания отчасти повлияли и на Варю. Что думать о будущем, если на дворе май и её ждёт встреча с её Миром.

***

Было ещё место, где Коба мог переждать опасный момент. Собственно, прямой опасности вроде для него и не было, разве что родственники убитого лоты, но, во-первых, он сам никого не убивал, а мстить полагается убийце, во-вторых, напуганная родня бандита едва ли решится на месть. Ясно, что товарищи рябого грузина и мокрого места не оставят от них...

Неприятно, конечно, что стрелок, посланный его тайными покровителями, магнатами нефтедобычи, не стал стрелять в условленный момент. Значит, на их помощь больше рассчитывать нельзя. Жаль, люди они могущественные и теперь враждебные. Неизвестно, правда, насколько враждебные и по какой причине. Жандармы, приходившие на его тайную квартиру, скорее всего, были посланы ими. И едва ли они должны были его арестовать. Скорее, просто убить. Но нужно время, чтобы разобраться во всех этих головоломках, время и безопасное место.

Было, правда, одно местечко, о котором действительно никто не знал, но слишком уж заманчивой казалась даже сама мысль о нём. Он привык избегать заманчивых мест, они и есть самые опасные. Это был дом его четырнадцатилетней любовницы. Мало кто мог подумать, что существо столь юное связано с революционным подпольем...

Были у него и другие женщины – обычные, насквозь прокуренные фурии-кокаинистки из революционерок, почти бесполые и совершенно беспринципные, хищные, жадные и ненадёжные. Но Таня, златокудрий ангел Таня – мало кто мог заподозрить, что она замешана в столь опасных делах взрослых людей.

Год назад, когда ей было тринадцать, и она вместе с другими промысловскими детьми каталась на канате, болтавшемся без дела на уже заброшенной вышке, он, проходя мимо, схватил подол её юбки. Просто так, из озорства. Зацепившись руками за канат, девочка оттолкнулась было ногами, чтобы лететь через канаву, но что-то задержало полёт. Она обернулась и увидела взрослого, бородатого, рябого дядьку в ярко-красной рубашке. Но не испугалась, а улыбнулась...

Домой она пришла только на следующее утро с полной корзиной продуктов и в новой соломенной шляпке. Отца у неё не было, погиб на работе, а мать, увидев дочку, лишь пробормотала:

– Ты где была?

– Гуляла, – как ни в чём не бывало сказала Таня, а мать, хмурая и злая с похмелья, отозвалась:

– Догуляешься.

Два Таниных брата, шестнадцати и семнадцати лет, уже работали на нефтепромысле. И если бы речь шла о татарской или армянской девочке, Коба бы имел все шансы получить нож под ребро. Но Таня была мордвинкой и её невинность не стоила больших денег. Танины братья собрались было побить плюгавого дядьку, но после того, как он пообещал им защиту от мусульманских детей и подарил по пачке дорогих папирос, забыли о вопросах чести. Какая честь, когда голоден, а татарва налетает скопом чуть не каждый день.

Бывал Коба у Тани нечасто, заходил редко и только ночью. Соседи, люди работающие и пьющие, его не замечали. А когда утром Таня, припрыгивая на бегу и размахивая большой пустой сумкой, неслась за продуктами на базар, никому и в голову не приходило связать эти базарные вылазки с невзрачным дядькой, выходившим из их дома уже в полдень. Танина семья жила в двух комнатах, и когда приходил рябой гость, одна из них, лучшая, с большой постелью и пышными подушками, становилась их. Заходил он нечасто, даже не каждый месяц, денег оставлял столько, чтобы хватало дней на десять. Да ещё матери на дюжину красного вина. Мог бы давать больше, но нельзя, перестанут ценить.

И вот, счастливо сбежав с конспиративной квартиры, Коба колебался – можно ли идти к Тане. Конечно, он никому не рассказывал о своей маленькой любовнице, а когда шёл к ней, обязательно отделялся от шпиков. Но всё равно риск был велик. Казалось, проще снять новую квартиру или воспользоваться на несколько дней квартирой кого-то из товарищей, чтобы установить связь со своими, выяснить, кто хочет его убрать, и нанести ответно-упреждающий удар. Но и это было не безопасно, все сдаваемые за деньги комнаты под контролем полиции, их хозяева, сдав не квартиру, а квартиранта, имели шанс заработать больше денег, чем он им заплатит за полгода, а может, и за год.

И он пошёл к Тане.

Отношения, сложившиеся между ними, устраивали Кобу. С его приходом они удалялись в их комнату, а потом, неумолимая и жадная, она начинала хвастаться своими победами. Рабочие, торговцы вразнос, мелкие клерки – все предлагали ей деньги за любовь. Она отказывала.

– Скольким отказала?

Задумавшись, она хмурилась, считая в уме, потом радостно выпаливала:

– Всего семерым.

– А скольким не отказала? – лукаво спрашивал Коба.

И она хохотала и целовала его рябое лицо. Но в этот раз она не засмеялась, молча взяла его руку и погладила ею свой слегка округлившийся живот.

– Два месяца нет крови.

– От кого?

Скинув простыню, она поднялась с постели, подошла к стулу, где оставила своё платье, достала из-под тряпок нож и показала ему.

– Всегда со мной – если кто снаильничать захочет, убью. У меня никого, кроме тебя, быть не может. Я твоя жена.

Коба пожалел, что не снял другую квартиру. Только этого сейчас ему не хватало. Помолчал в ответ. Всегда, когда нечего сказать, лучше помолчать.

– Ты не бойся, мне ничего не надо, только приходи, как приходишь.

Он продолжал молчать. Потом сказал:

– Пойди, возьми у матери вина.

– Сам сходи, не хочу одеваться.

Впервые она ослушалась своего хозяина.

Он вернулся быстро, с вином и двумя чашками. Таня пить отказалась.

– Я пить не буду, не буду никогда, и мои дети никогда не будут переживать, что их мать напилась. А ты выпей за моего ребёночка, если он тебе не нужен, он будет только мой. «Четырнадцать лет, а такая хитрая, что же в двадцать будет?» – подумал Коба, но снова промолчал и так, молча, выпил.

Вечером следующего дня, когда Танины братья пришли с работы, он послал их к своим товарищам наладить связь. Но сам, не дожидаясь возвращения посланных, ушёл, оставив десять рублей. Он мог оставить больше, хоть сто, хоть тысячу. Но решил, что не стоит оставлять много.

Пока Митхад возился со спустившим колесом велосипеда, его спутники – велосипедисты, студенты из России, скрылись из виду. Улица, на которой он отстал, пересекалась другой, такой же прямой, пустынной и чистой. Серые двухэтажные дома, основательные, будто не построенные людьми, а выросшие из-под земли, со ступенчатыми мансардами, крытыми красной черепицей, и в каждом дворе – одинаковые деревья с правильно и симметрично подрезанными ветками, согнувшиеся под грузом больших красных плодов, – всё это являло картину мирную и восхитительную. Деревьям тесно в маленьких палисадниках, их ветки кое-где свешиваются через невысокие каменные заборы, роняя яблоки на тротуары. Можно было залюбоваться всем этим. Но вот куда свернули спутники на перекрёстке, может, они, никуда не сворачивая, поехали прямо? Спросить некого, улица пуста, остаётся только вернуться домой или положиться на интуицию. Так он и решил было поступить и поехать прямо, но тут из-за поворота неожиданно возникло видение, показавшееся сказочным. Она тоже ехала на велосипеде. За те два года, что Митхад жил в Германии, он уже привык, что девушки здесь не прячут своих милых лиц и порой даже не покрывают головы, ходят без шляпок и шапочек, выставляя напоказ свои белые и золотые кудри. Какое счастье учиться инженерному делу в этой благословенной стране.

– Это русские, видишь, яблоки на земле, русские рвут чужие яблоки. Где валяются яблоки, там они проехали, – ответила она с улыбкой на его вопрос, куда поехали велосипедисты.

– Давай поедem за ними вместе.

– Если догонишь, – ответила она и развернула велосипед в том направлении, куда уехали русские.

– Кажется, ты не слишком старалась крутить педали, – сказал Митхад, когда быстро догнал девушку.

– Мне твои усы понравились, поэтому не очень старалась...

Звали её Евой. Так он встретил ту, чей образ стал для него символом Германии, страны его мечты. Тогда, в том невообразимо отдалённом прошлом, когда он был студентом, а она – весёлой и доверчивой шестнадцатилетней девчонкой, Ева легко и естественно заняла главное место в его вселенной, и все другие люди, даже девушки, как-то сразу поблекли и вовсе исчезли из его жизни. Целых два года они были неразлучны, неразлучны и неопытны, но она не забеременела за это время. Перед его отъездом между ними произошла ссора – он звал ее с собой, она отказывалась с самым искренним ужасом: ехать в Азию?!

– Ты сошёл с ума. Оставайся, разве надо куда-то ехать?

Надо признаться, Митхад сам плохо представлял её в Баку. Ни по-русски, ни, тем более, по-татарски она не знала ни слова, да и сам образ жизни у него на родине невозможно было связать с образом этой ясноглазой девушки из Оснабрюке. Неизвестно, как отнесётся мама к невестке из Германии, да и отец, восхищающийся всем европейским, всё же одержим идеей объединения тюрков через смешанные браки. Турчанка или татарка, безусловно, встретила бы одобрение. Но немка? Конечно, если бы он мог только представить, какой станет его жизнь без неё, а тем более, если бы узнал, что через девять месяцев после его отъезда Ева родит, то он бы, скорее всего, не уехал. Но, ослеплённый легкомыслием молодости, укатил один. Только когда он уехал, Ева поняла, что станет матерью. Но не написала об этом, гордость помешала, кроме того, она вообще не умела и не любила писать письма.

В Германии Митхад стал инженером, прожил четыре с половиной года, и этого хватило, чтобы всю остальную жизнь он на родине ощущал себя чужестранцем. Чужим он был и для людей из числа образованных. Про неприязненные отношения Митхад-бека с бывшим городским головой Новиковым в городе ходили анекдоты.

Шовинист Новиков регулярно пытался указать зарвавшемуся туземцу его место.

– Митхад, чего он хочет от тебя? – спрашивали родственники и знакомые.

– Собака хочет почесаться о палку пастуха, а русские говорят «битому неймётся».

Новиков был честен, но безнадежно глуп, и самая примитивная лесть действовала на него безотказно. Депутаты городской думы, узнав об этом, доходили до того, что разыгрывали целые спектакли – притворившись, будто не замечают присутствия городского головы, спорили между собой о его достоинствах, стараясь превзойти один другого в подхалимаже. Новиков, прямой, далёкий от хитрых приёмов восточной лести русский человек, был полностью под влиянием этой группы. И даже то, что примитивные панегирики произносятся на русском с трудом, с сильным акцентом, подчёркнуто громко, почти криком, не наталкивало его на мысль о подвохе, о договоренности между воздающими похвалы городскому начальству. Иначе для чего бы они произносились на почти недоступном этим людям русском?

– Высокоснобылагородный человек, э умный, второй нету. Ми без него что бы видели?

Однажды, когда городской глава запретил курить во время заседаний, депутат Геворк Меликов, однофамилец Митхад-бека, громко увещевал возмущавшихся новым запретом.

– Это он о вашем здоровье заботится, ведь он для нас – как отец, – говорил Меликов, притворяясь, что не видит стоящего рядом городского главу.

Митхад-бек заплодировал, хлопки в ладоши привлекли к нему всеобщее внимание, и он, указав рукой на подхалима, обратился прямо к Новикову.

– Вот очень искренний человек, вместо души у него – чистый кристалл, хочет показать вашей милости все возможности восточной лести и лизоблюдства, думаю, исключительно с ознакомительной целью и чтобы уберечь от льстецов. Сам же он далёк от низменных поползновений. Только искренние и возвышенные устремления.

Геворк Меликов замолчал, злобная нервная гримаса исказила его лицо, а Новиков с сожалением покачал головой, и вид его был воплощением вопроса, обращённого к Митхаду: «Ну как можно быть таким злобным, недобрым националистом?»

Постоянная перепалка двух Меликовых была обычной вещью на думских заседаниях. Депутаты из мусульман радовались этим словесным схваткам. Городского главу Новикова эти словесные баталии, наоборот, раздражали, недовольный, он однажды заметил, вроде бы с целью примирить противников, обращаясь больше к Митхад-беку:

– Ну что вы всё время спорите, вы же однофамильцы, почти родственники, чего вам делить?

На что тот невозмутимо ответил:

– Какие же мы родственники, если у нас концы разные.

Светло-голубые глаза Новикова даже расширились, он молчал, соображая, как ответить наглецу. Митхад-бек продолжил:

– Это я, с вашего позволения, Меликов, а он на самом деле – Меликян: «ов» и «ян», концы разные.

Хохот и гробовое молчание разделили зал по национальному признаку. Причём весело хохотали даже те из мусульман, что не поняли грубой шутки на непонятном им русском. А надо признать, что таковых было большинство.

Многие эпизоды перепалок Митхад-бека с Новиковым и его клеветом Геворком Меликовым становились городскими анекдотами, но любви к остроумному депутату от мусульман это не добавляло – был он одинаково беспощаден и по отношению к своим точно так же, как и к чужим. И те, и другие платили ему той же монетой. Просто Новиков, не любивший мусульман, делом чести для себя считал «сбить спесь» с Митхад-бека и мужа его сестры, Пери-ханым, Мардан-бека Топчибашева.

Третий их совместный сезон в Германии был омрачен ощущением приближающейся развязки. Так уже больше не могло продолжаться. Она нервничала, и ссоры вспыхивали между влюблёнными. Когда во время примирения после одной из таких ссор Мир-Ахмед предложил ей просто уехать, прямо сейчас, в Баку, она согласилась. Самое трудное было сказать Фёдору Трофимовичу и его жене об этом. Когда они узнали о внезапном отъезде Варвары, испуг и сострадание отразились на их лицах. Возразить почтенные супруги ничего не успели, она быстро ушла, почти убежала.

Стук вагонных колёс, мелькающие за окном железнодорожные станции в чистых немецких городках с цветущими деревьями, порождённая теснотой купе постоянная близость любимого человека на время успокоили её. Невозможная, запредельная опрятность немецких вагонов, зеркало во всю ширину выдвижной двери, кружевные накрахмаленные салфетки, аккуратные весенние пейзажи, будто нарисованные старательным живописцем, мелькают за окном, но, главное, наверное, всё же их непрерывная близость – вольно или невольно едущие в купе всё время касаются друг друга, достаточно просто протянуть руку. И есть какой-то физический закон, которому подчинены сердца людей, несущихся вместе в железнодорожном вагоне, по существу, в тесном пространстве, ограниченном металлическими стенками. Что же говорить о влюблённых. И когда конец путешествия заставляет вернуться в обыденное состояние, люди порой испытывают нечто вроде беспокойства.

Как только поезд, везущий влюблённых, пересёк границу империи, тревога вернулась к Варваре Алексеевне, нарастая с каждой минутой. «Боже, что я делаю, куда я еду?». Ей казалось, что все вокруг знают её тайну и как-то по-особому на неё смотрят. То, что она стала замечать этих неприметных ей раньше людей – проводников в вагонах, чиновников на границе – уже само по себе было оскорбительно. Порой она вдруг поражалась, отчуждённо увидев Мир-Ахмеда. Кто этот человек, в которого она только недавно, несколько дней назад, была так влюблена? Сейчас он чужой, вызывающий раздражение и едва знакомый, почему она едет с ним?

Да и Мир-Ахмед сам тоже был подавлен, от былой его уверенности мало что осталось. Баку приближался, неминуемый, как божья кара за содеянный грех.

– Мой брат – проститут, – заявила Тора-ханум своему мужу. Мамед Али был поражён самым этим сообщением не меньше, чем тем, что жена заговорила на русском.

– Ты что говоришь, женщина, помолись, чтобы Аллах вернул тебе разум, – сказал Мамед Али. Её религиозности он не разделял, но одобрял. Женщина, пусть молится, что ей ещё делать!

– Конечно, человек, который может привести проститутку домой, сам проститут, – с неожиданным упрямством, уже на родном языке, возразила она мужу.

– Какая проститутка, как ты можешь говорить такое о невесте своего брата?

– Хороша невеста, ездит с чужим мужчиной без стыда. Где её родители? Наверное, рады, что нашёлся дурак на такую.

Внезапное появление Мир-Ахмеда вместе с Варварой Алексеевной поразило всех обитателей дома на Малой Крепостной, кроме Мамеда Али, предвидевшего такой оборот. Он ждал чего-то подобного с тех пор, как тот рассказал ему о Варваре. Только что теперь из всего этого будет? Этого не знал никто, хотя ясно было, что ничего хорошего не последует, следствием безумств являются несчастья.

...Всё на новом месте пугало бедную Варвару. Чужие, не скрывающие враждебности люди, говорящие на непонятном языке, почти постоянный ветер, несущий пыль по узким, кривым и грязным улицам. Стояла невыносимая жара, а была сере-

дина мая. Что будет в июле? Отсутствие самого необходимого – воды и прислуги. Русская женщина, живущая на первом этаже, – какая это прислуга? Подчёркнуто сухая в обращении с ней, демонстративно повышающая строгий свой голос при разговоре с Мир-Ахмедом, – такой прислуги не бывает. Не то, что приказать, её и попросить о чём-то страшно. Правда, она всё же решилась, деваться некуда, и дала этой женщине постирать свои вещи. Лучше бы она этого не делала! Модные, яркие, узенькие в талии платья со шнуровкой, передник, отделанный кружевными оборками, всё это, вывешенное после стирки во дворе, подействовали на сестёр её жёны как знамёна вражеской армии в центре захваченного города. Отличавшаяся от них, высокая, со стройной шеей, пышными золотыми кудрями и большими светлыми глазами, она ещё и свои платья выставила на всеобщее обозрение, не всякая проститутка решится на такое! Считаю, и приданого уже нет, монеты и камни, ясное дело, уйдут к русской, брату не устоять, всё отдаст. Всё уйдёт к женщине, с которой он эти, теперь выставленные напоказ, модные тряпки снимает.

Спротивление началось вначале тихо и невнятно, с разговоров о керосине. О том керосине, которым они обольются и подожгут себя, деваться некуда, не жить же в одном доме с проституткой. Жить с ней под одной крышей, дышать одним с ней воздухом, они, конечно, не станут. Лучше уж умереть в огне, чем так оскверниться.

Только один человек, Мамед Али, был не враждебен Варваре в этом доме. По виду – совершенно европеец, говорящий на правильном, хорошем русском языке. Она вдруг совершенно случайно обрела брата, не только сочувствующего, но и готового помочь.

Мамед Али молча выслушивал жену, Тору-ханым, за обедом, а потом шёл в логово врага – пить чай, играть в шахматы. Однажды измученная вконец безразличием мужа Тора, не выдержав, сорвалась.

– Ты такой же, как мой брат, если бы свой дом имел, тоже проститутку бы впустил и жил бы с ней!

Он пробормотал себе под нос, но внятно :

– От зависти ничего хорошего не бывает.

Тора изменила тактику, стала теперь беспрестанно хвалить «русскую», какая она умная и хитрая. Наверняка и в обращении с мужчинами опытная.

– Не то, что мы, дуры...

Мамед Али готов был терпеть всё это из-за дружбы с Мир-Ахмедом. А Варвара испытывала симпатию к этому сдержанному и немногословному человеку.

Зато компаньон Мамеда Али, человек со странно коротким именем Изя, не понравился Варваре Алексеевне.

– Исаак Аронович, – представился он при знакомстве, посмотрев на неё с победным видом, словно ожидая немедленного выражения восторга.

И хотя говорил на русском этот человек вполне понятно, без грубых ошибок, он показался Варваре Алексеевне таким же чужим, как и остальные бакинцы. Уже одно только то, что представился не своим именем. Это о многом говорит. Все звали его Изей, а для неё – Исаак Аронович. Ей было непонятно, как чужой человек может почти каждый день приходиться без приглашения, никого заранее не предупреждая о визите. Это была иная, совершенно чуждая и непонятная жизнь, и люди, живущие этой жизнью, были чужими. Одним из этих людей был и её муж. Всех их объединяло знание чего-то, о чём она не имела понятия.

Ощущение чудовищной, непоправимой ошибки, совершённой ей, не оставляло Варвару. Домой она написала сразу, по приезду в Баку. Но не очень сильно беспокоилась по поводу молчания родителей, глупо было бы рассчитывать, что отец позвонит матери написать ответ.

Семья, естественно, отвернулась от неё, обратного пути не было, и хотя она знала, на что идёт, решившись приехать в Баку, только теперь Варваре стало по-настоящему страшно. Но и этот первоначальный страх – ничто по сравнению с тем, который постепенно овладевал ею по мере того, как она понимала, в какое место попала.

Однажды во двор пришёл человек с верблюдом. Варвара, смотревшая сверху, из окна веранды, видела, как животное улеглось на землю, поджав свои длинные ноги, а Степанида вышла из своей комнаты и начала о чём-то спорить с хозяином верблюда. Они то и дело подходили к верблюду и что-то Чёртили ладонями по его шкуре, никак не соглашаясь – каждый Чёртил по-своему. Варваре стало интересно, и она спустилась во двор. Глаза животного поразили её. Красивые, с длинными ресницами, как у Мир-Ахмеда, они были полны самых настоящих слёз. Слёзы катились по шерсти, животное плакало.

Степанида сказала Варваре, что хозяин продаёт верблюда, водит его по дворам и заранее договаривается, кто какой кусок и почём завтра купит.

– Кутабы завтра пожарю, – присовокупила она.

Когда на другой день запах жареных кутабов поднялся со двора до окон третьего этажа, она почувствовала себя дурно. Совпало всё – наступление настоящей жары, отсутствие вестей из дома, враждебность домашних, верблюжьих слёзы. Жар начался у неё. Исаак Аронович привёл врача, и тот прописал лекарства. Но к вечеру того же дня в комнату к больной зашёл Мамед Али и сказал, что все Изины родственники – такие же плуты, как он сам. Варвара до этого рассказала мужу о верблюде, и он сказал, что Мамед Али прав, Изины родственники, выдающие себя за врачей, едва ли ей помогут. Врач должен понимать пациента.

– Верблюды всегда плачут, когда их водят по дворам, чтобы продать на мясо. И коровы на бойне тоже плачут, просто ты этого не видишь и спокойно ешь бифштексы.

Вечером, когда пили на веранде чай, Мамед Али и Мир-Ахмед оказались вдвоём, Варвара лежала больная, Изя не пришёл, ну, а женщины, принеся самовар и стаканы, спустились к себе, на второй этаж, недостатка тем для бесконечных разговоров сёстры никогда не испытывали, что же говорить о временах «когда эта приехала». Мир-Ахмед, хоть и считал Мамеда Али немного сумасшедшим после того, как тот женился на его сестре, всё же любил его, а за практическую смекалку и решительность уважал.

Мамед Али начал напрямик:

– Ты её увези...

Варвара действительно угасала на глазах.

– Как я её увезу, куда? Кто вместо меня останется? Ты?

– Вместо тебя я остаться не могу, сам знаешь, и своё дело завалю, и твоё. Кто за двумя зайцами погонится, сам третьим станет. Но присмотреть на первых порах, присмотрю. Ты езжай, куда хочешь, купи магазин, попробуй. В Германию, в Париж, не знаю, где тебе лучше. Я там не бывал, посоветовать не могу. А её жалко, она, бедняжка, всё бросила из-за тебя.

Две змеи – толстые, серые, с приплюснутыми треугольными головами – выползли из тьмы. У змей были большие, томные и глубокие человеческие глаза с густыми, длинными ресницами. Когда они открывали пасти, тусклые огоньки вспыхивали в их глубинах, освещая длинные, загнутые назад острые зубы. На концах зубов капельками янтаря желтел яд. Змеи, двигаясь в такт, извивались и замирали согласованно и одновременно. По мере приближения змеи превращались в женщин, закутанных в чёрное. Между собой они говорили на непонятном Варваре языке. Варвара хотела бежать, но проснулась.

Пробуждение от кошмара не принесло успокоения. «Что я наделала, теперь ничего не исправишь», – эта мысль приходила к ней при каждом пробуждении. Она посмотрела на часы – девять, Мир уже ушёл в магазин, на работу. Дома, кроме змей, считай, нет никого. Степанида Никифоровна была холодна и даже строга с Варварой Алексеевной. Впрочем, на третий этаж, где живёт Варвара, она никогда не поднимается. Эту женщину Варвара привыкла видеть сверху, на дне двора-колодца, переchёркнутого бельевыми верёвками. Броситься в колодец вниз головой она, пожалуй, смогла бы. Недавно ведь решилась на подобное, уехав с Мир-Ахмедом, но богатое и непокорное её воображение теперь рисовало картины одна другой отвратительнее – изуродованный страшным ударом труп, тихое, радостное, змеиное шипение, и это ещё не главное. Её дом в Петербурге, мать, когда она получит известие, шёпот подчинённых за спиной отца. Да, её уже не будет на свете, ей уже будет всё равно, но что будет с этими людьми, самыми родными и любимыми, и, как поздно она это поняла, насколько любимыми. А Петя, брат, через пять лет он окончит гимназию, и всю жизнь за ним будет следовать призрак сестры, опозорившей семью.

Она умрёт на дне колодца, обычно наполненного сумерками уже тогда, когда солнце ещё ярко светит на небе и только клонится к горизонту, и местом её смерти станет двор, в котором умирают все дни проклятого города. Светлые дни, заканчивающиеся здесь раньше времени, и синева сумерек наполняет колодец до того, как солнце исчезнет с небосклона. Также преждевременно закончится и её жизнь. А этот страшный город, с этой крепостной стеной, делящей его на неравные и непохожие части, город, полный иссушающего ветра, завывающего диким зверем, нещадно гнущего кряжистые, на вид несгибаемые тутовые деревья, растущие вдоль крепостной стены. Как страшно всё это.

Варвара села на кровати и перекрестилась. Крестное знамение помогло, на душе стало немного легче и выход нашёлся сам по себе. Монастырь. Если, всего лишь перекрестившись, она испытала такое облегчение, то непрерывная молитва и тихий плач раскаявшейся души в течение многих лет, конечно, спасут её. Да она просто должна была попасть в этот колодец со змеями, чтобы найти путь к спасению. «Блаженны уверовавшие ...»

А Мир-Ахмед – он говорил, что любит её сильнее всего на свете. Если любит, поймёт.

Она накинула халат и подошла к окну, чуть сдвинула тяжёлый занавес. Полоска яркого света упала на паркет и придала силы её новой надежде. Когда Мир придёт с работы, она всё расскажет о своих планах. Какое облегчение, она спасёт и душу свою, и честь семьи, и разом прекратит всё неправильное, что теперь есть в её жизни. Всего-то, дождаться вечера. И Мэстан подошёл к Варваре и с мурлыканьем потёрся боком о её ногу.

***

Товарищи слушали Кобу, затаив дыхание.

– Момент надо использовать. Собрать донесения банкиров и, исходя из сумм на счетах нефтепромышленников, обложить их новой данью. Сейчас они напуганы, Пашу убили у них на глазах, а сезон продажи нефти на пике, богачи заплатят, сколько им скажут. Товарищ Горный Орёл, интересы нашего дела, честь партии требуют этого, – так говорил Коба.

На самом деле разговор о нефтешагах у него был не с Лениным. С другими людьми. Называя Ленина Горным Орлом, Коба внимательно следил за выражением лиц товарищей. Он нарочно сравнивал этого маленького, болезненного лысого человека и красивую сильную птицу, ожидая, что хотя бы тень недоумения отразится на лицах революционеров.

Но ничего, кроме решимости, покорной чужой воле, не было, ни в мимике, ни в выражении их глаз. Рефлексия, сарказм – они были далеки от подобных сложностей: если сказано Горный Орёл, значит, Орёл. Гордая птица. Смерть врагам.

Коба продолжал увлекать товарищей головокружительными планами:

– Раньше, до того, как потекла нефтяная река, захватить власть было трудно. Но теперь все деньги собраны в одном месте и можно взять их. Большие деньги – большие возможности. Мы направим эти деньги на пользу их настоящих хозяев – трудящихся. Теперь, когда мы дали такой урок нашим товарищам, договориться с ними будет легко. Прежде всего, не будем забывать, гочи – это классово близкий нам элемент, нужно просто объяснить им это. У них, как и у пролетариев, нет в собственности средств производства, и они не занимаются эксплуатацией труда рабочих людей. Наша задача – направить их борьбу с эксплуататорами в нужное русло. А с толстосумами разговор короткий: или платишь, или – туши пожары и хорони близких. Они теперь заплатят, сколько скажем. А с гочи я говорить умею, с ними я договорюсь. Хочешь трясти эксплуататоров – на здоровье, но надо делиться с трудящимися. Иди нам и не пожалеешь...

Через два дня в чайхане у Исы Коба говорил с бандитами, собравшимися послушать того, по чьему приказу, вроде бы, убили самого Пашу.

– Товарищи, я хочу, чтобы между нами всё было честно и ясно. С этого дня все наши силы, всё наше мужество будут направлены на освобождение пролетариата, второстепенные цели надо забыть, их теперь у нас нет. Враги противостоят нам, но – вот им!

Рябой выругался и указал ладонью на свой детородный орган. Коба знал приёмы воздействия на самых волевых и непокорных. Внезапное изменение стиля и звучания речи – один из методов введения в гипнотическое состояние. Даже если аудитория и не воспринимает смысла того, о чем ей говорят. Резкое изменение тона выступления помогает овладеть любой аудиторией. Что-что, а вещать, то есть придавать словам вещественную реальность, Коба одарён был по наследству. В его устах слова действительно превращались в дела и ощутимые вещи.

Убаюкивающее звучание непонятной речи, ритмичное дыхание, сладкий наркотический кайф от гашиша и негромкое вещание Рябого. При этом он поочерёдно пристально смотрит в глаза собравшихся бандитов. В чайхане возникло нечто вроде марева, оЧёртания предметов потеряли чёткости, всё приобрело странный, необычный вид. Множество мужчин разного возраста, в папахах и с одинаковыми лицами, с отрешённым, пустым взглядом глупо улыбались в пустоту...

...В ту же ночь в другой чайхане, у Гурбана, шла крупная игра, там проигрывались и выигрывались целые состояния. Там тоже курили гашиш под заунывную, плачущую музыку и люди в высоких бараньих шапках, подбоченившись, бросали кости и, скрывая судорожный интерес, внешне безразлично ждали результата. Кости кувыркались на овальных гранях, бандиты потягивали дурмящий дым. Чайхану, где они собрались, никто не охранял – кто сунется, когда там такие люди, как Хромой Мамед, Длинный Ханлар, Золотозубый Эзки и другие, одни их имена произносить страшно, эти имена сами по себе внушают ужас любому, кто их слышит. И боевики-революционеры легко и без потерь перебили обкуренных бандитов. В живых остался только самый молодой из гумарбасов, восемнадцатилетний Шамиль из Нардарана, он вышел помочиться, когда четверо убийц зашли в чайхану и началась стрельба. Услышав выстрелы, Шамиль успел спрятаться за невысокой изгородью, когда боевики, ещё не убрав свои разогретые стрельбой маузеры, уже уходили. Они разговаривали между собой на русском, двое были славянами или из светловолосых евреев – ашкенази, двое – кавказцами.

После той ночи власть в порту и на приисках, да и во всём городе перешла к Рябому. Оставшиеся в живых бандиты, понятно, и не думали искать защиты у закона. Ни губернатор, ни начальник полиции, ни глава жандармского управления не имели силы против того, кто мог убивать и миловать по своему усмотрению. Ни у кого, кроме Кобы, такой власти не было. На другой день никто из бандитов, накануне слушавших речь Кобы, никак не мог вспомнить никаких подробностей дня минувшего, но все они, не сговариваясь, вдруг решили уехать куда подальше из Баку. Бросить все свои серьёзные, связанные с большими деньгами дела, просто подняться и уехать.

Рябой грузин, устранив конкурентов среди бандитов, наметил себе ближайшую цель. Это был самый богатый человек в Баку, а может быть, и в мире – Ага Муса Нагиев. Украсть Нагиева и получить выкуп – стоящее дело. Заплатит Нагиев – вслед за ним заплатят все нефтяные магнаты. Бесстрашие и жадность Мусы известны в этом городе. Похитить миллионера удалось даже без стрельбы, охрана сдалась, не оказав сопротивления.

Закавказские татары в своей массе народ не трусливый, но беспечный. И когда Муса вошёл в подъезд своего дворца, он сразу по лицам своих охранников понял, что дело плохо. Куда уж хуже, если в бок каждого из них упирался ствол. Молодцы, одетые как татары, взяли его под руки и на ломаном татарском сообщили, что он приглашён в гости. Никаких возражений. Когда приглашают так настойчиво, с пистолетами, отказываться нельзя. Могут пристрелить.

Всю бессонную ночь и весь следующий день похищенный провёл в доме на окраине, куда его привезли похитители. Коба появился лишь к вечеру следующего дня, с улыбкой гостеприимного хозяина вошёл в комнату. Улыбка, впрочем, тут же исчезла с его лица, когда заговорил измученный ожиданием и сломленный, как надеялся бандит, миллионер. Не отвечая на приветствие, Муса сказал:

– Коба, годух, тебя кто научил так деньги просить? Деньги хочешь, запишись ко мне на приём, как человек, объясни, может, я и дал бы. Моя щедрость ни для кого не секрет. Ты меня напугать решил? Ты думаешь, у Мусы денег много, а смелости мало, откупиться захочет? Вот тебе! – он свернул дулю и показал бандиту. – Ты бы лучше ко мне пришёл, у меня в кабинете, прямо над моим креслом, копия моего завещания висит. Там большими буквами написано, что в случае моей насильственной смерти тот человек, кто отомстит за меня, получит десять миллионов. Знаешь, почему десять? Я бы мог назначить и двадцать, мёртвому деньги не надо беречь, но я назначил десять, потому что столько министерство внутренних дел в год платит всем своим осведомителям и провокаторам. По всей России.

На русском Муса говорил почти правильно, но голос его звучал слишком громко – то ли оттого, что слова всё-таки приходилось вспоминать, то ли от сдерживаемого возмущения.

– Десять миллионов за твою жизнь, которая на самом деле и десяти рублей не стоит. Я смерти не боюсь, а тебя, годух, за меня на куски порежут. И тебя, и сына твоего, и всех. Тоже мне, гочах, а у самого жена была и сын есть. Разве у настоящего гочаха может быть семья? Ты понимаешь, что с тобой сделают, чтобы десять миллионов получить? И никто, слышишь, никто в целом свете тебя не спасёт. Ни император Вильгельм, ни твой Ротшильд. Десять миллионов золотом – страшная сила, смертельная. Никто тебя не спасёт.

Рябой был человеком смелым и безжалостным, в том числе и по отношению к себе, готовым ко всему. Но такого напора и такого бесстрашия он не ожидал. Блефовать, брать на горло, будучи пленником, невозможно, значит, похищенный действительно не боится. А что можно сделать с тем, кто не боится? Понятно что, но ведь за это убьют, за десять миллионов обязательно убьют. Свои же поспешат убить за такие деньги, да и другие охотники найдутся. Это верная смерть, а у него большие планы. Коба попытался обратить всё в шутку, сказал, что просто давно хотел пого-

ворить с человеком, о мудрости и смелости которого ходят легенды. Вот и позволил себе так необычно устроить встречу, просто интересно было.

– Говорить мне с тобой не о чем, подай фаэтон, я должен домой ехать. Можешь, конечно, меня не отпускать и убить, всё равно за десять миллионов тебя найдут и убьют вместе со всей твоей роднёй. А можешь отпустить, как отпустили те, кому Гаджи Тагиев за меня выкуп заплатил. Я всё равно потом приказал их убить. Сам решай. Конец теперь у тебя один. Ты сам себя приговорил. Хотя... – Миллионер осёкся, его глаза хитро блеснули, и он продолжил уже тихим, примирительным голосом: – Можем договориться, ты мне пятьдесят дашь, а я буду говорить, что откупился от тебя за сто. Когда другие нефтепромышленники узнают, что сам Муса Нагиев тебе деньги заплатил, твоё дело сразу в гору пойдёт. Пятьдесят тысяч, а зарабатываешь миллион. Каждый знает, что Муса на золото скупой, только на свинец щедрый. Кто золото от него требует, получает свинец. Если Нагиев заплатил сто, то половину или даже больше отдать ни для кого не стыдно. Посчитай, с каждого по пятьдесят, сколько миллионов будет?

Удивить Кобу было невозможно, он всегда был готов к самым неожиданным поворотам событий, но Нагиеву удалось невозможное. Кроме всего, этот человек понравился ему: какая наглость, требовать деньги у похитителя.

А миллионер продолжал наседать:

– Ты на своих покровителей напрасно надеешься, они тебе защита от жандармов, от царя Николая, но я здесь хозяин. Хозяин, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ты против меня ничего не можешь. Только решишься, как тут же погибнешь. Вот у тебя есть хозяева, они купили министров и генералов и убивают всех, кто не продаётся. Ты думаешь, у меня нет своих людей в Петербурге? Ты думаешь, я не могу заплатить русским больше, чем платят эти твои? Просто мне это не надо. Зачем? Я в один день могу очистить мой город от нечисти, от тебя и таких, как ты, в один день. Утром начну, к вечеру вас не будет. Даже платить много не надо. Но что потом мне делать с теми, кто вас перебьёт? А тем более с теми, кто перебьёт перебивших вас. Так до бесконечности. А это мой город. Я не хочу на месте города гору трупов. Прикажи подать фаэтон и подумай о пятидесяти тысячах. – Муса усмехнулся. – Гаджи Тагиев, конечно, не поверит, он меня знает, ну, а остальные будут платить, раз я сам им скажу, что заплатил тебе сто, они будут думать не о том, что отдали, а о том, что сохранили. Могу сказать и двести. Тогда они будут считать, что сберегли сто пятьдесят. Ты подумай...

Слухи о похищении самого богатого человека в Баку вызвали переполох. Вернувшись домой, сам Муса выжидал, не спешил показываться. Когда-то же должны наконец мусульмане возмутиться произволом пришлого бандитя и расправиться с ними. Сам Нагиев заниматься этим не хотел. Дело хлопотное, грязное, опасное и не сулящее абсолютно никакой выгоды. Наверху есть царь, ну так он и должен устроить порядок. Делать чужую работу Муса не привык. И есть малый народ, к которому принадлежит Муса, и который в конце концов должен научиться себя защищать. А если русский царь нам не защита, то зачем он вообще нужен? Возмущением можно воспользоваться, чтобы подтолкнуть власть к действию, но только делать это следует очень осторожно. Напугать царя, заставить делать то, что делал его отец, дед и их предшественники – управлять страной. Но не навредить ему. Как это сделать?

Нефтепромышленник Ага Муса Нагиев очень хорошо понимал, зачем ему нужен русский царь – англичане, немцы, эти не допустили бы местных до владения нефтью, всё забрали бы себе. Таких, как он, его приятель Гаджи Тагиев и другие мусульманские и армянские миллионеры, не было бы при власти европейцев. Жадность Ротшильдов, Нобелей была ему хорошо известна, так же, как их сила. Ни одного пуда нефти они не уступят местным. Турки или персы ещё хуже – они мусульмане, переженились бы на туземных мусульманках и через два поколения вообще не было бы

никаких богатеев среди местного населения, все стали бы или персами, или турками. А нефть стала бы персидской или турецкой. С русскими лучше – они сами по себе, мусульмане – сами. Никто не будет отдавать своих девушек за православных, а юноши мусульмане не женятся на христианках. Так что глупый, слабохарактерный русский царь – лучшее из худшего. Чтобы владеть нефтью самим, надо уметь делать пушки и бронемашину, а главное – воевать. Но, как говорили люди, «Если безбожники не дадут нам иглу, останемся без штанов».

Отпущенный на свободу без выкупа Муса Нагиев, как всегда, сдержал своё слово – даже в газетах писали об огромном выкупе в двести тысяч, заплаченным им главарю большевиков. Обратного движения денег, понятно что, тоже не было. Коба был бесстрашен не менее, чем Нагиев. Но не прошло и недели после похищения, как во дворец Нагиева привезли дорогой немецкий рояль. Извозчик не знал имени посланного подарок или просто побоялся его назвать. Охрана в свою очередь, опасаясь подвоха, чуть ли не разобрала инструмент. Но ничего подозрительного найдено не было.

Тайна рояля открылась уже тем же вечером. Охранник при двери доложил, что пришёл подозрительный в кепке, похож на босяка, назвался композитором и просит его принять. Хозяин велел впустить, и важный разговор продлился почти до полуночи. Это был, судя по всему, серьёзный разговор, но иногда он прерывался взрывами смеха. Потом Ага Муса проводил композитора в кепке до самых дверей, возле которых стоял вызванный для гостя фаэтон.

***

Варвара уже было собралась сообщить о своём решении мужу, как только он пришёл с работы, но Мир опередил жену:

– Я договорился с зятем, он займет мне денег, а главное, останется вместо меня здесь, а мы уезжаем в Милан. Там купим магазин, и врачи в Милане – не то, что в Баку.

– Но, Котик, я, – она сделала паузу. Поцелуи помешали ей сказать то, что она хотела...

А потом он снова заговорил первым об их будущей жизни в Европе, и это сделало разговоры об уходе в монастырь невозможными. Когда она всё же решилась, вид растерянного, поражённого неожиданным известием мужа лишил её твёрдости, необходимой для такого важного разговора.

– Не сходи с ума, я взял на себя ответственность за твою судьбу, дело моей жизни – сделать тебя счастливой, какой монастырь. Какое счастье в монастыре? В Милане есть человек, земляк, который займётся устройством моих дел, а деньги, слава Богу, есть.

***

Случайно спасшийся во время налёта большевиков на гумархану Гурбана Шамиль рассказывал доверенным, уважаемым односельчанам:

– Не армяне, по-русски говорили, точно, что не армяне.

– Ну хорошо, всех убили, а ты почему живой остался? – спросил с вызовом и подозрением Човдар, один из селян.

– Я же говорю, вышел по нужде, они меня не видели.

– Они не видели, но ты их видел, почему не стрелял?

– Из чего стрелять, из пальца?

– Что ты к мальчишке привязался, сам-то стрелял бы? Да будь у тебя хоть десять пистолетов, спрятался бы и сидел. Ты про свою смелость там рассказывай, где

тебя не знают, – вмешался Самед-даи, самый старший из слушателей рассказа чудом спасшегося Шамиля. Човдар лишь со злобой взглянул на Самеда – возразить-то нечего. – Тут нужно время, чтобы разобраться. Лучше всего армян спросить, если это они, то отказываться не станут. Завтра я пойду к Саркису, спрошу. Саркис мне скажет.

На другой день Самед, как и обещал, пошёл. Но не к Саркису, а к Мамеду Али.

– Все знают, что ты с армянами хорошо живёшь, говорят, лес им дешевле, чем мусульманам, продаёшь. Пойди, спроси, кто на гумархану Гурбана напал, если, конечно, духу хватит.

– Если у тебя, Самед, духу хватило ко мне прийти, да ещё меня пугать, будто я лес армянам дешевле, чем своим продаю, то я уж, конечно, не побоюсь пойти и спросить. Сам ты дальше меня не пойдёшь, ты же умный, а я нет. Я глупый, пойду, – ответил Мамед Али, взбешённый хитростью Самеда и трусливой угрозой в его словах.

...Саркис, армянский бандит, был известен не только благодаря отчаянной смелости, но и как сторонник мирного решения всех трудных вопросов. «Вначале думай, потом стреляй, трус и с маузером остаётся трусом, джигит и без маузера джигит». Говорил он медленно, сопровождая слова плавными успокаивающими движениями руки, настолько убедительно, что в его банальных словах начинала казаться какая-то важная значимость. Впрочем, весомости словам Саркиса придавало то, что никто не мог обвинить его в стрельбе без крайней надобности. Так же, как и в уклонении от неизбежной по местному кодексу чести стрельбе. Отсутствие даже малейшего намёка на акцент придавало речам Саркиса ещё больше убедительности. Похожий на хищную птицу острым профилем и ярко жёлтыми глазами человек выслушал своего неожиданного гостя, потом сказал:

– Мамед, сам бы ты не пришёл, так что скажи им, тем, кто тебя прислал, что Саркис оправдываться не станет. Кто убил гочи в гумархане, я не знаю. Зачем убили, знаю. Они хотели мусульман на нас натравить, чтобы армянская кровь пролилась. Хотели, да. Делать вид, что сочувствую против этого убийства, я не стану. Но если выплывет, кто виновник, кто армянскую кровь пролить хочет, ничего делать не надо. Просто приди, как сейчас пришёл, и мне скажи, имена назови, всё, этого хватит. Я тебя хорошо знаю. Ты меня знаешь. Но я всё равно проверю. Если они не знают, ты им объясни, кто такой Саркис, и что станет с теми, кто хотел гочи на армян натравить.

Перестрелявшие бандитов в чайхане Гурбана могли идти и записываться в мертвецы, если только есть такая контора, где принимают подобные заявки. А так, без записи, убийц ещё надо было найти. А сделать это мог только тот, кто знал их, паренёк из Нардарана.

***

Сумерки – время тара. Музыка воспринимается иначе, чем при свете дня или во тьме ночи. Сосед по Малой Крепостной, ханендэ Ягуб, не баловал Мир-Ахмеда частыми визитами. Заходил редко, всегда, когда начинало темнеть. Денег за исполнение музыки не брал.

– Все деньги в Баку мои. Сколько мне надо, столько и соберу, – объяснял со смехом ханендэ.

Это не было бахвальством, платили ему щедро. Он мог позволить себе играть бесплатно, когда хотел, где хотел и для кого хотел.

Новая веранда, построенная соседом, нравилась музыканту – отсюда открывался вид на крепость, городской бульвар и море. Крыши крепостных домов, тесно расположенные чёрные площадки, одна чуть повыше, другая чуть пониже, при взгляде сверху, с веранды, выглядели странным ступенчатым ковром. Узенькие

ущелья крепостных улиц и колодцы дворов неразличимы сверху, пространство крыш представляется сплошным, и старая Башня возвышается за краем этого ступенчатого пространства.

Ягуб любил исполнять свою музыку на веранде дома на Малой Крепостной, глядя на древние кварталы этого города, именуемые мусульманами – Внутренний город. До темноты по крышам бегали дети, неподвластные призывам старших снизу, из дворов, – кому охота идти в тесные душные комнаты, когда на крыше свобода и видно море. Кошки, в отличие от беззаботных детей, выглядели важно – в их манере и повадке необходимость добывать еду была видна так же ясно, как беспечность видна у детей.

И звучание тара неслось в сумерки, над миром плоских крыш. Никакой специальной акустики, строители домов не задавались определённой целью соотносить свои строения с каким-то музыкальным фоном, всё получилось само собой. Глядя с веранды на крыши, можно было даже допустить, что всё происходило в иной последовательности, в древности была только музыка, а застывшее море ступенчатых плоскостей возникло под её сопровождение потом, став местом забав крепостных детей, кошачьих поединков и их беспощадных, как у людей, любовных драм. И в этом странном, не похожем ни на что на свете, двухмерном мире, почти без высоты, время неслось с той же стремительностью, как и во всей остальной вселенной, но здесь, по причине отсутствия точек отсчёта, внезапные результаты его полёта производили особенно ошеломляющее впечатление. Ничего не меняется, чёрные прямоугольники крыш, плач тара, резвящиеся дети, разве что исчезают одни победители кошачьих боёв на крышах, и на их место являются новые, а в остальном всё неизменно, всё как всегда. И вдруг малыш, вот только что, вот совсем недавно носившийся босиком по залитым киром крышам, идёт тебе навстречу по узкой улочке уже степенный и серьёзный, в бараньей папахе и башмаках, и видно, что пух на его щеках вот-вот станет бородой. Он почтительно прижимается спиной к стене дома, хотя и без того можно разойтись на этой улочке, приветствует тебя, а ты, ответив на его приветствие, безуспешно силишься вспомнить его имя. Асад? Акиф? Асиф? Ну да, отца зовут Рашид, мать Самая, но дети, они растут так быстро, что имён не упомнить.

Хороший мальчик, дай Аллах ему состариться.

...Мир-Ахмед и Мамед Али сидели за маленьким круглым столом со стоящими на нём изящными грушевидными стаканами для чая, друг напротив друга, молча.

Ягуб сидел немного в стороне, обернувшись в сторону чёрного пространства крыш. Его тонкое лицо было одухотворенно и серьёзно. Тар в руках ханендэ плакал монотонно; иногда, набирая силу, плач обращался в рыдания, и тогда Ягуб поднимал склонённую голову и печальным, дребезжащим голосом подхватывал мотив. Это шагов тех, кто уже ушёл во мрак, их тоска по освещённому солнцем миру, зов мугэдзина, стихший века назад, жалобы на быстротечность и несправедливость жизни, всё это слышалось в плаче тара. Плач – единственно искренний ответ человека в его разговоре с Богом.

Варвара, удалившаяся в комнату рядом с верандой, с нетерпением ждала, когда же наступит темнота и гость уйдёт – мугам не нравился ей, притворяться она не любила, да и интересно было завершить начатый разговор о Милане. Кроме всего, не пристало жене мусульманина сидеть и слушать музыку в присутствии гостя. Это правило новой жизни она успела усвоить. Зато Исаак Ааронович, пренебрежительно относившийся к местным обычаям, расселся тут же, стесняя женщину своим неуместным присутствием. При этом он раздражённо возмущался:

– Ну как можно слушать эту... эту дребедень, это брэнчание часами, вроде культурные, образованные люди, и такая дикость.

Варвара посмотрела на него и сказала подчёркнуто холодно:

– Вам ведь нравится еврейская музыка.

– Еврейская музыка – это совсем другое, это великая, божественная музыка, понятная любому, чувствующему искусство, а это дикое брэнчание ничего, кроме раздражения, не вызывает. Мне просто надо кое-что обсудить с Мамедом, а тут сиди и жди конца этого концерта.

Третьим существом, не поддавшимся в тот вечер очарованию музыки, был кот Мэстан. Свернувшись на полу у ног Варвары, он по своему обыкновению притворялся спящим, закрыв глаза, но внимательно прислушивался к разговору людей.

...Пламя керосиновых ламп, освещавших комнату, колыхнулось, это открылась дверь и вошла Месьма-ханым. В руках у женщины был поднос с тремя стаканами чая, и она, ступая тихо, прошла через комнаты на веранду, одетая в чёрное, уже почти невидимая в сумерках, подала чай, забрала пустые стаканы и исчезла, растворилась в сгущающейся темноте.

Ягуб отложил тар, теперь мужчины пили чай. Мир-Ахмед покачал головой и сказал тихим, приглушённым голосом, опасаясь, что влага, оросившая его глаза, уже не видимая в наступивших сумерках, обнаружит себя в звучании речи:

– Сегодня ты превзошёл себя.

– Когда играешь для друзей, это совсем другое. И я люблю вид с твоей веранды. Смотришь, и хочется, чтобы пел тар.

Жестом прервав слова благодарности и восторга, музыкант встал, попрощался с соседями и ушёл через веранду, не заглядывая в соседнюю, ярко освещённую керосиновыми лампами комнату.

Прежде чем Варвара, Исаак и Мэстан присоединились к сидящим на веранде мужчинам, Мамед Али скороговоркой сказал шуринау:

– Сто тысяч, если понадобится ещё, скажи. Езжайте, мне её очень жаль. Никто, кроме меня, её не поймёт. Когда я сюда приехал, я был один, мне тоже было тяжело. Но я – тёртый калач, и с бурлаками ходил, и с аварцами у калмыков скот угонял. Много чего видел. А главное, я ведь здесь у себя, я – мусульманин, а она русская.

– Ну да, Варенька в угоне скота не замешана, бурлачить не бурлачила, факт. Но заметь, теперь мы вроде не татары, а азеги. Мардан Топчибашев сказал, что мы – азерихалг.

С лампами в руках пришли Исаак и Варвара, сели за стол. Принесённые лампы оцёртили освещённый круг, за пределами которого сумерки сгустились до полной непроницаемости, и лица собравшихся вокруг стола приобрели ту значимость и неповторимость, которую дарует лицам людей фон из абсолютной тьмы. Лицо Вари – нежный, женственный овал. Треугольное, с закрученными наверх усами лицо Мамеда Али. Крупные Чёрты и большие глаза Мир-Ахмеда. Энергичное лицо Исаака с неожиданно полными, чувственными губами. Загадочные символы человеческих душ, выхваченные светом керосиновых ламп на веранде дома, запечатлелись дагерротипом в вечности, в стихшем звучании тара, во мраке, сгустившемся над крепостью. Говорили на русском, на отвлечённые темы, ведь главное уже было обсуждено. Мамед Али продолжил тему о национальной принадлежности, но в совсем ином ключе:

– Твой Мардан сам не знает, чего хочет. Он вроде националист и мусульманин, а строит из себя то ли немца, то ли француза. А этот его друг и родственник, Митхад Меликов, сын журналиста, смешно его слышать: «Я русский монархист, азербайджанский дворянин и немецкий инженер». Забыл сказать, что вдобавок хвостун и дурак. Вечно всех высмеивает, на себя бы лучше посмотрел. Мы – татары: казанские, астраханские, крымские, кавказские и закавказские. И тогда нас много. Русские этого не хотят, для них много татар – много беспокойства. Ну, а эти подхалимы те-

перь выдумывают – азери, каракалпаки, балкарцы. Нет, ещё и болгары. Мы татары, и всё. Придумали имя оскорбительное – персюки – с той же целью, чтоб татар поменьше было. Кстати, у этого Митхада мать – балкарка. А он, видите ли, азербайджанский дворянин.

– Ну так и у тебя мать – ногайка, что с того, – возразил Мир-Ахмед.

– Вот и я говорю, что с того, татаринородился и татаринороду. А эти говорят то, что им русские прикажут.

– Тебя не поймёшь, то ты русских до небес превозносишь, то они враги у тебя, ты как-то разберись. – Исаак, не способный никого слушать молча и из всех голосов больше всего любивший свой, вмешался в спор родственников: – Татары, монголы, Чёрты, дьяволы, какая разница? Есть только один, избранный Богом народ. Можно спорить и доказывать, еврей ты или не еврей. Если еврей, хорошо, если нет – то и разницы нет, кто, всё равно не повезло.

– Иди и расскажи это армянам, – посоветовал Мамед Али.

Изя рассмеялся даже веселее, чем Мир-Ахмед.

Варваре было очень скучно слушать все эти разговоры, хотелось поговорить о поездке в Милан.

Когда они наконец ушли к себе, муж сам сказал ей, что уже всё обговорено.

– Если наших с тобой денег не хватит, Мамед Али добавит, сколько нужно. Ехать можно хоть завтра.

...Тора-ханым, укладываясь спать, сказала мужу:

– Эта сидела в комнате вдвоём с евреем и они разговаривали. Только что не целовались. – И видя, что муж никак не реагирует, добавила: – Ай Аллах, хорошо, что мать с отцом умерли и не видят, как брат превратил их дом в пристанище шлюх.

Всё, что хотела эта женщина высказать своему брату, хотела, но не осмеливалась, она обрушивалась на мужа – терпеливого и почти безответного.

– Нехорошо радоваться смерти родителей и называть жену брата таким словом, – сказал мужчина, устраиваясь спать.

***

Шамиль, как неприкаянный бродивший по прииску, совершенно случайно нашел то, что искал. Сколоченная из досок трибуна, украшенная красными флагами, и плакат на непонятном русском языке, а главное – рядом с трибуной стоял тот, кто ему нужен. Только один из напавших на гумархану Гурбана и перестрелявших гочи в ту ночь, но других легко найти через него. Высокий русский, заразительно смеющийся, разговаривал с товарищами. Так же смеялся он в ту ночь, когда шёл из чайханы с маузером в руке... Что делать? Ехать в Нардаран? Глупо, на это уйдёт день, никто не будет ждать, митинг разойдётся. Где потом найдёшь этого весельчака? А выстулавший с трибуны что-то горячо говорил собравшимся.

Рядом с Шамилем стоял молодой армянин, он решил спросить у него.

– Что он хочет?

– Сказал, завтра кто на работу выйдет, тот потом пожалеет.

– А ещё что сказал?

– Сказал, что русский язык учить надо.

Шамиль дождался конца сходки и пошёл за тем, кто был ему нужен. Проводил до барака, стараясь оставаться незамеченным, но внутрь войти побоялся, решил, что и так узнал уже достаточно.

...Самед, выслушав Шамиля, отправил его к Мамеду Али, и на другой день парень из Нардарана отправился вместе с двумя армянами к бараку искать высокого весельчака.

Ждали долго и уже собрались уходить, когда появился нужный им человек. Высокий, плотного сложения, с кудрявыми светлыми волосами. Шамиль сказал армянам – вот он. После армяне разрешили ему уйти.

Поэтому он не видел, что произошло, но слухи о расстреле большевистских агитаторов дошли и до него.

– Армяне русских постреляли, тех, что против царя идут. Дай бог силы и тем, и другим, чтобы они друг друга совсем перебили, – говорили в селе.

Коба, бывший среди агитаторов, и на этот раз спасся чудом. Когда во время митинга налетели бандиты и начали стрельбу, и убийца уже навёл на него свой маузер, он крикнул на армянском:

– Ты что, меня не узнал, собачий сын!?

Для армянина выстрелить в своего – это как выстрелить в грудного младенца, и Коба, конечно, знал это. Знал и, ловко использовав, сумел скрыться.

***

После того, как шурина с Варварой уехали, Мамед Али впал в несвойственное ему состояние, в тоску. Однажды вечно недовольное бормотание жены довело его до иступления.

– Бедный Мир-Ахмед, среди чужих людей живёт, ни родни, ни сестёр рядом нет! – причитала та.

– Ты и твоя сестра выгнали его из собственного дома, а теперь – родни нет. Очень хорошо, что нет, отдохнёт, никто кровь не пьёт и жизнь не отравляет, – не выдержал он.

Жена надулась и замолчала, всё-таки перечить мужу неправильно, но упрямство и ехидность перевесили:

– Тебе, конечно, нравилось, что он здесь дом свиданий устроил, ну, а нам как, мне и сестре? Даже Степанида, простая женщина, и та возмущалась.

Желание ударить жену впервые охватило Мамеда Али. Так, чтобы кровью залилась. Он промолчал и вышел из комнаты. На другое утро, чтобы преодолеть стыд за подлое желание, он, пока все в доме спали, сам покаянно подмёл и вымыл полы. Солидный мужчина с великолепными напомаженными усами, подметающий и моющий полы – зрелище впечатляющее. И жизнь супругов разделилась на эпохи – до того, как Мамед Али помыл полы, и после. Лучше бы он этого не делал, ведь каждый раз теперь, когда им случалось пререкаться, а бывало такое нередко, жена напоминала ему, вопрошая: полы мыть собрался?

Положение Мамеда Али усугублялось ещё и прибавившейся ответственностью за магазины шурина. Если работаешь без отдыха, обязательно наделаешь ошибок. Как-то раз он пожаловался Изе на приказчика из «Блестящего» магазина. Парень вроде смывленный и послушный, но какой-то слишком уж послушный, подобострастный, ясно, что плут, но насколько – это вопрос.

– Сволочь он, я таких знаю, в глаза тебе одно, а за спиной на всё готов, – сказал Изя.

Мамед Али с недоумением посмотрел на него. С чего бы вдруг такая горячность?

– Не знаю, вроде, хороший парень ...

– Да сволочь он и вор, убить не жалко!

– По себе, что ли, судишь, – брякнул Мамед Али.

Изя задохнулся, потом поднялся из кресла, бледный, как полотно.

– Повтори, что ты сейчас сказал?

– Изя, прости, я не знаю, что со мной. Это не я, шайтан моим ртом сказал. Если можешь, прости. Галят элядым, что тебе это сказал.

Было видно, как гнев и обида не отпускают Исаака, помолчав, он спросил:

– Ты правда думаешь, что я могу за твоей спиной? Ты действительно так мог подумать?

Мамед Али опустил голову. А про себя подумал: «Заработался я, много на себя взял».

Это был неудачный день для Мамеда Али и завершился он плохо. Совсем плохо. По дороге домой он отпустил кучера, Аслана, и пошёл через город пешком, не хотелось домой, не хотелось видеть жену и её сестру. И ему нравился вид праздной бакинской публики, нарядно одетые люди благопристойного вида – не то что чумазные рабочие на промысле; а набережная – не мазутные лужи среди вышек, построенных из его досок. Возле Девичьей башни он свернул в Крепость, потом ещё раз свернул налево, короткую дорогу по узким крепостным улицам он легко находил даже в уже наступившей темноте. Лица тех троих, кто оказались на его пути, были знакомы, но откуда он знал их, не мог вспомнить. Поздоровались.

– Лоты Паша перед смертью говорил, что ты ему задолжал. Сколько – не сказал, но много. Потом его убили. Мы теперь убийц ищем. Поможешь?

– Господь упокой его душу, и вам божья помощь, но чем я могу быть полезен?

– Мы думаем, не ты ли заказал Пашу?

Браунинг был в кармане пиджака, лезть за ним бесполезно – убьют прежде, чем руку в карман опустишь.

И он узнал этих людей – подручные убитого лоты, они всегда за ним ходили.

– Почему меня подозреваете? Разговор у меня с ним был, да, мирный, дружеский. Я ему свою бухгалтерию показал, и он понял, что взять у меня нечего. Решили подождать до лучших времён.

– Если разговор мирный был, зачем ты и твой еврей сразу пистолеты купили?

Сказавший это положил руку на рукоятку маузера, торчащую за поясом. Это был известный приём: взяться за оружие, но, не доставая его, тут же, обратной стороной ладони «выписать» пощёчину. Напуганный применением пистолета или кинжала человек вряд ли решится ответить, а получивший пощёчину – всё равно, что убитый.

Ни увернуться, ни подставить руку Мамед Али не успел, только голова мотнулась в сторону от удара, и он почти прокричал:

– Какие пистолеты, где пистолеты, этот дурак два оловянных пугача купил, к нему пьяные русские привязались, мелочь клянчили на водку, он после этого пугачи нам купил, себе и мне, пьяных пугать, вот такой, посмотри, вот такой вот оловянный пугач. Чтoб мне умереть, ты только посмотри!

И он полез в карман.

Тот, кто дал безответную пощёчину, презрительно смотрел на Мамеда Али, ожидая, когда тот достанет «пугач». А когда понял, что в руке Мамеда Али отнюдь не пугач, единственное, что успел сделать – вздрогнуть всем телом. Три вспышки осветили мрак Крепостной улочки, три выстрела прозвучало. Выстрелить в ответ успел только тот из бандитов, что был убит последним, но стрелял он, уже падая, не целясь, и ответная пуля с визгом отрикошетила несколько раз от каменных стен...

Задыхаясь, Мамед Али выбежал из закоулков на внешнюю улицу, идущую вдоль крепостной стены. Послышались свистки полицейских, далёкие, но приближающиеся со стороны Девичьей Башни. Прыгнуть со стены – высоко, сломаешь ноги. Бежать домой – не миновать встречи с полицейскими, сбегаящимися на свистки со всех сторон. И уже послышался далёкий грохот колёс полицейского экипажа по мостовой. Тем временем другой экипаж, на резиновом ходу, тихо подкатил, и фэтонщик, свесившись с дрожек, сказал:

– Ага, за двадцать пять рублей отвезу, куда скажешь, а за пятьдесят – хоть в Шемаху.

Все фаэтонщики в этом городе – осведомители полиции, Мамед Али отмахнулся от неожиданного спасителя. Но тот не уехал, а грохот колёс по мостовой приближался, пешие полицейские тоже приближались, теперь свистки доносились, казалось, со всех улочек запутанного лабиринта. Фаэтонщик не уезжал, ждал. Мамед Али вспрыгнул на подножку и сказал:

– Еврейский квартал.

Кучер кивнул, почти на месте ловко развернул экипаж и произнёс:

– Уже тридцать.

Мамед Али протянул двадцатипятирублёвый билет со словами:

– Больше нет.

Кучер молча стегнул лошадей вожжами, и фаэтон поехал вверх по улице. Сразу за поворотом, сияя фонарями, навстречу выехал полицейский экипаж. Кучер остановился прежде, чем полицейские велели ему сделать это.

– Ага, ляг на пол, с помощью Аллаха пронесёт.

– Кого везёшь?

– Пустой еду, тут стреляют, боюсь, – ответил кучер полицейскому.

Тот спрыгнул на мостовую, заглянул в кабину экипажа, увидел пустые сидения. Мамед Али, сжавшись, лежал на полу ничком, спрятав лицо.

– Никого не видел?

– Только отвёз господина, вот в тот дом, начали стрелять, я напугался.

Полицейский назвал номер фаэтона своему напарнику, видимо, чтобы тот записал, и разрешил ехать. Мамед Али поднялся с пола только когда фаэтон выкатил из двойных Шемахинских ворот.

– Спасибо, брат, чуть меня не убили бандиты проклятые, перестрелку устроили между собой, еле ноги унёс, – сказал фаэтонщику, усаживаясь на сидении, Мамед Али.

– Прибавить надо, – ответил кучер.

Лучше и разумнее всего было избавиться от свидетеля. Но стрелять в спину безоружного, который вдобавок спас его, Мамед Али не мог, крупная дрожь и без того колотила его. Раньше он не убивал никогда, даже в жестоких стычках с калмыками из за скота он стрелял обычно в лошадей.

Он достал из бумажника ассигнацию наугад и протянул кучеру.

– Пять? Ты что, издеваешься, я же полицейских обманул ради тебя, а ты...

Мамед Али достал ещё двадцать пять.

Фаэтон остановился на тихой, безлюдной в этот час улице, где жили горские евреи, возле одного из проходных дворов. Пройдя через двор и выйдя из других ворот, Мамед Али пошёл назад, во Внутренний город. Вначале хотел выбросить пистолет, потом решил оставить – мало ли, что приготовила ему судьба в этот вечер. Проходя мимо Парапета, он пожалел, что не выбросил пистолет – полицейский патруль останавливал, допрашивал и обыскивал прохожих мусульман. Но приличный вид, соломенное канотье на голове, а не папаха, и европейская внешность выручили – его не остановили.

Дома жена начала ворчать: в городе стреляют, а он ходит по ночам неизвестно где.

– Стреляют? Что-то я не слышал, наверное, тебе показалось, женщина, – сказал он.

В тот вечер Мамед Али уснул сразу, как только лёг, но проснувшись раньше обычного, он ощутил приступ непреодолимого страха. Ему казалось, что бандиты и полиция ждут его и будут тут как тут, едва только он ступит за порог дома. Он сказался больным и тем немало напугал жену, такое за время их совместной жизни про-

изошло впервые. Тора-ханым даже перестала ворчать, ухаживала за «больным» мужем, превратившись в ту тихую и неприметную тень, какой и должна была бы быть по вековым мусульманским обычаям.

День, проведённый в непривычном, оглушительном безделье, пошёл на пользу, мысли и чувства его пришли в порядок, и к вечеру настроение Мамеда Али изменилось. Тревога ушла и успокоительная радость сменила её. Непонятное чувство радости оттого, что он действительно опасный и значительный человек. Три трупа, оставшиеся на тёмной узкой улочке, оказались более важным приобретением, чем всё его имущество – лесопилка, пароходы и бриллианты. Ведь убитые были вооружены, их ремеслом было убийство и вид они имели устрашающий. В отрочестве, когда он напал на богатыря Чорандая, всё было не всерьёз, а главное, там не было зла. Чуваш пришёл подражаться от избытка силы и удали. Здесь же, на крепостной улице, зло присутствовало вполне определённо, его, одного, подкараулили втроем вооружённые люди и дали ему пощёчину, считай, убили, но он в итоге победил. Никогда он не ощущал так явственно дуновение счастья. Будто ласковый ветер подул в лицо.

– Надо послать за евреем, пусть тебе врача приведёт, – сказала Тора-ханым.

– Никого беспокоить не надо, мне уже лучше.

Если бы не вчерашняя ссора, Изя, конечно, уже давно бы сам пришёл, но теперь рассчитывать на это было нечего. Гордый, болезненно самолюбивый, он едва ли забудет и простит нанесённое оскорбление. Жаль, такого человека потерял, да и делу ущерб, – с горечью думал Мамед Али.

Ещё одно беспокоило – как бандиты смогли его выследить? В контору не пришли, зная о приобретенном браунинге, понимали, что может быть перестрелка, и как потом уходить из конторы на глазах у многих знающих их людей? Поэтому они выследили его в тёмном глухом месте, если что, легко уйти, оставив труп. Ну, а вышло наоборот.

С каждым часом, прошедшим с момента роковой встречи на улице, он успокаивался, и его настроение улучшалось. Снова и снова он оказывался на той улочке, один, стоящий против трёх бандитов. И снова и снова, глядя, будто со стороны, удивлялся находчивости одинокого человека, догадавшегося показать бандитам «безопасный латунный пугач». И в эту ночь уснуть ему почти не удалось, забылся только перед рассветом.

Всю свою предыдущую жизнь он испытывал ужас перед убийством. Иногда невозможность убить человека вставала перед ним во всей своей очевидной ясности, и он точно понимал, что никогда не сможет, даже если от этого будет зависеть его собственная жизнь, убить. Ещё мальчишкой, во время ночной стычки в степи, он заметил за собой, что стреляет мимо. Хозяева табуна гнались за шайкой угонщиков, чтобы убить, а он, оборачиваясь, стрелял просто так, не целясь в преследователей...

Отец умер, когда ему было три года, а мать умерла раньше, едва ли идеи о том, что все люди на земле – единая семья, а причинение зла другому не имеет никакого оправдания перед Богом, могли быть переданы родителями. Эти необычные идеи стали причиной преследования их семьи в Персии. Дядя, брат отца, воспитавший Мамеда Али, не был идейным бахаистом, и он тоже не мог передать суть учения племяннику. Скорее всего, суть учения передалась с кровью, он таким родился. Выстрелить в человека, отнять жизнь – было противно его природе. Но оказалось, что убив троих, он ощутил никогда прежде не испытанное счастье. Счастье было так огромно, что он хотел поделиться им.

После почти бессонной ночи он утром поехал в контору. Встретил Изю – подчёркнуто вежливого, настороженного, и рассказал ему всё. Изя покачал головой:

– Как всегда, всё свалили на евреев, – только и сказал он.

Эта фраза значила, что ссора забыта, что всё вернулось на свои круги.

– Пока будем работать, как обычно, а там посмотрим. Если надо, дадим денег полиции, купим тебе новый паспорт, уедешь в свою Астрахань, или куда ещё, ничего страшного не произошло, главное – жив и на свободе. Пострадали одни только бандиты и евреи. Тебе, понятно, на это плевать, а мне евреев жалко. Но как бы в результате твоих подвигов не пострадал ещё один еврей, и как бы ему не пришлось, чего доброго, одному за двоих работать, если ты будешь вынужден скрыться.

Как всегда, Изя был рассудителен и ироничен.

– А что с тобой было бы, если бы я не купил тебе браунинг?!

– Но с каким умом нужно было покупать его самому?! Или ты не знаешь, что здесь все – доносчики?!

– Можно подумать, что Исаак Шехтман – такая значимая фигура в бандитском мире Баку. Я и думал, что никто меня не знает. Этот кто-то, кого бы я послал, первым бы меня и предал. А так – пришёл неизвестный человек и купил. Концы в воду, – возразил Исаак.

И был прав. Решили ждать, с тем и разошлись. Но вскоре Изя вернулся, торжествующий, с газетой в руке. Газета «Каспий» сообщала, что вчера вечером во Внутреннем Городе произошла перестрелка, убиты три известных в Баку бандита, у полиции есть сведения, что убийцами были горские евреи.

– Ну, а что я говорил, крайними будут евреи!

– Как хорошо, что я пожалел кучера. Теперь будут искать среди евреев.

– Не вижу в этом ничего хорошего, ведь обязательно найдут там, где ищут...

***

Самая первая роза, ярче и ароматней, чем другие, те, что расцветут потом. Три вида жизни сочетаются в розе – растительная, животная и ангельская. Впрочем, некоторые считают, что на самом деле третья природа розы не ангельская, но демоническая. На самом же деле это различие неважное, ангелы, как и Чёрты, всего лишь духи, и кому из них роза обязана своим ароматом, разобрать трудно и необязательно. К тому же известна подчинённость и ангелов, и демонов заклинаниям. Власть над ними одна. Цветок, составленный лепестками, – это от растительного царства, цвет розы, как у крови, красный, свидетельство животной жизни, об этой же связи говорит и тяжесть её плоти. Аромат тела цветка – её дух, принадлежит существу бестелесному, ангелу.

Девочка Таня, любовница Рябого, была подобна розе, расцветшей под щедрыми лучами абшеронского солнца, среди грязи и непотребства нефтяных приисков. Роза – символ бессилия поэзии, многие миллионы раз пытавшейся словами передать её очарование, снова и снова, своей беспомощностью свидетельствуя о красоте цветка.

Новая жизнь, зародившаяся в Тане, осветила её прелесть таинственным, внутренним светом. Она и без того выделялась среди детей с прииска, похожих друг на друга до неразличимости, с их одинаковыми серыми лицами, на которых тяжкий труд и пьянство предыдущих поколений легли неизгладимой печатью. Забеременев, девочка стала по-женски красивой, оставаясь по-детски очаровательной. Золотые кудри и светлые глаза – красивое сочетание, а длинные, густые чёрные ресницы, стыдливо, но уже и кокетливо опускающиеся, когда нежный румянец заливаает её лицо, всё это вместе могло свести с ума любого. Любого, но не Кобу.

Рябой знал, что всё самое лучшее и желанное на свете принадлежит ему. Беременность сразу отвадила от девочки всех ухажёров, даже влюблённого без памяти Васю, высокого блондина, слывшего отчаянным смельчаком. Поползли слухи о том, кто отец будущего ребёнка. Разное говорили о нём, и достаточно было хоть один раз

Рябого увидеть, встретиться взглядом, чтобы понять – всё, что о нём говорят – не пустая болтовня. Он не такой, как остальные.

Денег своей любовнице после того, как она забеременела, Коба стал давать больше, но ненамного, слишком хорошо знал, как легко под воздействием денег женщины теряют связь с реальностью, и к каким непоправимым последствиям ведёт утрата этой связи. Она уже не бегала вприпрыжку за покупками на базар, теперь чаще ходила мать. Татьяна иногда и покрикивала на неё :

– Опять кривая пришла, жрёшь задарма, денег тебе не жалко, не сама зарабатываешь.

Мать, жалкая, худая, угловатая женщина с торчащими лопатками и с жидкими, уже серыми волосами и отёчным лицом, виновато молчала.

Перечить Тане избегали и соседи – даже ровесники её не дразнили, хотя округлившийся живот в любом другом случае послужил бы поводом для травли. Но все – и взрослые и дети – предпочитали не замечать Таниного позора. Вдруг пожалуется Рябому. Девочка поняла, что лучшее, чего можно добиться от окружающих, – страх. Но не пользовалась этим открытием чрезмерно – не потому, что знала, что наступят времена, когда она останется одна, брошенная, без защиты, со своим ребёнком, Нет, для таких мыслей она была слишком юной и не имела опыта жизненных потерь, просто женская красота в ней уживалась с добротой.

Таня ждала своего любовника, радовалась, когда он приходил. По возрасту Коба годился ей в отцы, а по виду – так вообще никуда не годился. Невысокий, рябой, колчерикий, левая рука была у него тоньше, слабее и короче правой. Но Таня целовала рябое бородатое лицо своего любовника без отвращения. И всё, что он делал с ней, ей нравилось. Иногда он дарил ей подарки, одежду, обувь и безделушки, однажды принёс щенка и сказал, что его зовут Волчок. Собак на нефтеприисках было немало, такой подарок не имел особого смысла, тем более, что это был подарок самому себе. Коба любил собак. Он и в людях больше всего ценил собачьи добродетели: преданность и собачью покорность.

Волчка посадили на цепь возле барака, где жила Танина семья. И когда девочка родила сына, Волчок был уже почти взрослым мощным кобелём кавказской пастушьей породы. Хозяином своим он считал Кобу, вплоть до того, что валился на спину и задирал свои мощные лапы, как только тот появлялся. Таня гордилась своим псом, таких в округе никогда и не было, ведь крупного пса не прокормить объедками, а покупать специально еду собакам было здесь не принято. Собаки на прииске были худы, шелудивы и пугливы. На кости и ребруху для Волчка Коба давал деньги отдельно. Когда Таня порой начинала фантазировать, мечтать вслух, что они с Кобой уезжают далеко, в ту волшебную страну, куда часто отправляются мечты подростков, наделённых фантазией, их всегда сопровождал Волчок.

Коба никогда не смеялся над детскими, несбыточными мечтами своей любовницы. Он знал цену мечтаний, но это не мешало ему самому мечтать. Его мечты были грандиозны. Он хотел стать властелином чаяний всех трудящихся людей на планете. Чего хотят бедные трудящиеся? Смерти богатых, прежде всего. Значит, надо поставить к стенке богачей, и ты будешь властелином чаяний «простых людей».

Чаянья простых людей, взятые по отдельности, увы, всегда несбыточные, хотя бы потому, что осуществление мечты одного означает крах мечтаний многих других.

Варвара Алексеевна мечтала вылечиться от трахомы и жить со своим мужем тихой жизнью где-то в Европе. Но чтобы мама, папа и брат были рядом.

А родные сёстры человека, с которым она хотела бы жить и быть счастливой, мечтали о её смерти. При этом Тора, жена Мамеда Али, желала этого сильнее всего на свете, а вот для её сестры, Месьмы, мечта о Варваринной смерти была не главной. Больше всего она хотела замуж и только после этого – чтоб Варя умерла. Всё это не мешало им хотеть видеть своего брата счастливым.

Мамед Али, так и не научившийся предаваться мечтаниям, обдумывал план создания пассажирского пароходства. Чтобы пароходов у него было много и они бы курсировали по Каспию. Это и мечтой-то трудно назвать, так, коммерческие планы. Привычка всё подсчитывать мешала вольному полёту мечты – получалось, что слишком много времени уйдёт на собирание нужного капитала.

Самые несбыточные мечты были у Мир-Ахмеда – увидеть своих сестёр и жену мирно беседующими.

Вася, парень из молоканского села, приехавший в Баку на заработки, мечтал жениться на Тане, когда она повзрослеет. Известие о её беременности изменило его мечты, он купил нож, наточил его лезвие и стал мечтать о встрече с соблазнителем Тани. Нож всегда лежал у него в кармане.

Мечты были и ещё у одного странного, известного в Баку человека, у Митхада Меликова. Он выучился на инженера в Германии и мечтал вернуться в эту страну, в которой прошли его счастливые студенческие годы. Полногрудые белокурые девушки, легко дарившие любовь и ничего не требовавшие взамен, аккуратные города с чистыми улицами, зелёные поляны футбольных полей. В Германии он быстро научился играть в эту игру с мячом и полюбил её, без футбола ему было скучно и плохо. В Германии, помимо девушек, он оставил две привязанности – к велосипеду и футболу. Для езды на велосипеде не нужно ничего, кроме велосипеда. И если бы не слёзы и уговоры матери не позорить семью ездой на таком несолидном экипаже, он купил бы себе велосипед. А вот для игры в футбол нужно, как минимум, две команды. Хотел создать в Баку клуб любителей футбола. Но заставить мусульман оставить нарды и кальян, публично снять штаны и в одних трусах в изнуряющей зной гоняться за надувным мячом было, конечно, нереально.

Большим мечтателем был покойный отец Митхада, Гасан-бек, он мечтал не о личном, а о просвещении для народа, в результате которого мусульмане будут по утрам читать газеты, а по вечерам ходить с жёнами в театр, как европейцы. Но, больше того, помимо превращения азербайджанских татар в европейский народ, он мечтал о том, что они, преображённые просвещением, станут образцом и примером для других тюркских народов, под их предводительством все тюрки последуют в рукоплещущий им мир цивилизованных наций. Женитьба на горянке княжеского рода, по замыслу Гасан-бека, должна подать пример объединения тюркских аристократов, на деле никаких особых последствий не имела, обоим своим сыновьям он дал имена турецких политиков-либералов: Митхад и Сафвет. В результате идеологи в голубых мундирах установили за ним негласный надзор.

Ни о чём не мечтал только Изя Шехман. Артистки, развлечения, концерты, животворящий английский виски – вот всё, что Изя хотел иметь в этой жизни. И эти желания никак негодились в качестве мечтаний, потому что всё это он уже имел.

С похищенным и тут же отпущенным им на свободу миллионером Ага Мусой Нагиевым Коба общался почти как с равным и доверял ему максимально. Кроме Ага Мусы, было ещё одно живое существо, которому Коба доверял полностью – Волчок. Выпив доброго вина, он усаживал пса напротив себя и разговаривал с ним.

– Горный Орёл без меня – просто оципанный петух. Он ничего сам не может, в голове у него диктатура пролетариата, освобождение труда и прочая ... – В выражениях он себя особо не ограничивал. – Бронштейн стал Троцким, Розенфельд – Каменевым, Радомысльский – Зиновьевым. Думаешь, это просто так? Нет, название подбирают для династии подходящее, Розенфельд русским царём быть не может. А Каменев может, только вот ему, – Коба сделал неприличный жест. – И другие меняют фамилии, выбирают, готовятся. Но моя фамилия будет, потом узнаешь, какая. Весь мир узнает...

Волчок почтительно слушал, вертя головой, по-собачьи талантливо изображая

интерес. Таня, присутствовавшая при этих разговорах, понимала в них не больше, чем если бы не Коба говорил с собакой, а собака с Кобой. Но чувствовала значение необычных слов интуитивно, и дрожь восторга охватывала очарованную девочку. Она забывала обо всём на свете, только бы слушать любимый голос, только бы видеть родное щербатое лицо!

В беседах с Нагиевым Коба был осторожней, чем с Волчком, но всё же они были откровеннее, чем те, что он вёл с другими людьми.

– Зачем ты хочешь убить русского царя, а, Иосиф? В любой стране мира тебя бы уже сто раз повесили, а добрый царь прощает всех вас, даже тебя. Убьёшь Николая, кто к власти придёт?

Нагиев, при первой встрече назвавший Кобу ишачком, теперь уважительно звал его по имени, кличек он не признавал.

– Я его убивать не хочу, пусть живёт, но власть у него надо забрать, иначе плохо будет. Против него идут самые сильные люди. Они его всё равно уничтожат. Его никто не спасёт. Они английского Карла убили и французского Людовика шестнадцатого, куда Николашке до них. Убьют. Вместе с ним умрёт миллион человек, вместе с царём всегда умирает миллион. Лучше пусть сам уйдёт, а власть перейдёт к тому, кто управлять может. Этот не может семьёй управлять, не то что страной, его надо убрать. Убивать не надо, пусть живёт, просто убрать. Страной править – это тебе не овец пасти. Да, есть такие, что его убить хотят, на самом деле они хотят не его, они хотят миллион, этого я им не дам. Вслед за царём прогоню всех этих говнюков. На его стороне нет никого, даже его жена – германская шпионка. Говорят, она с Распутиным. Этот слух из Европы идёт, не из Петербурга. Зачем ей вонючий мужик? Врут. Просто заплатили немцы и слух пошёл. Опозоренный – считай, наполовину убитый. Добить – ничего не стоит. Она немка и для Германии старается. Что говорить об остальных? Ты хоть и умный человек, мало что понимаешь.

– Я, конечно, не такой учёный, как ты. Вы, грузины и армяне, – не то, что мы, вы к европейским наукам способны, мы нет. Но зато мы добро помним, даже если это и не добро, а просто взаимная польза. Где бы вы, умные грузины, были, если бы не русский царь? Кто бы вас защитил? Я про персов и турок не говорю, возьмём ваших ближних соседей, горцев – чеченцев, аваров и других лезгин. Вы, грузины, застолье любите, шутку, песню и веселье. А у них самая лучшая шутка – это пуля в лоб, а вид крови врага им милее, чем вид вина в бокале. Какая Грузия без русского царя с такими соседями? А ты посмотри, сколько грузин в революции работает. наших там почти нет. А ведь татарину путь вверх закрыт. А у грузин дорога широкая, только вы по тропкам ходите, против царя. У нас даже слово такое есть для таких, как вы, – «съел и потерял», в смысле, забыл, кто покормил. Среди нас это считается позором. У других это высшая доблесть. Сделать подлость своему благодетелю они считают самым достойным делом. Так и вы: царь вас спас, а вы его убить хотите. А мы – мы царскую жандармерию джандармерией зовём, за то, что они царя охраняют.

– Для нас главное не то, что ты лично для меня сделал, а кто ты, эксплуататор или трудящийся – пролетарий, вот что главное для нас, – произнёс Коба с усмешкой.

– Э, Иосиф, ты хоть постеснялся бы, кому врёшь. Я старше тебя и к тебе с открытой душой, а ты со мной политическими фразами говорить хочешь. Я твоих пролетариев знаю, воры и голодранцы.

– Искренность на словах ничего не стоит, в делах ты, Ага, знаешь, я тебя во всём подержу. Ты хочешь в Баку сто домов построить, это у вас, у каменщиков, как у мусульман хадж в Мекку совершить. Живы будем, построишь. Кто помешать попробует, забудет, как его зовут, это я тебе обещаю. Против меня никто не посмеет.

Осведомлённость бандита о его принадлежности к масонам и сокровенных мечтах покорила Ага Мусу – только кто-то очень близкий мог рассказать о планах постройки ста домов. Но кто?

Коба снова рассмеялся.

– А про богатство своё забудь, жалко, конечно, но забудь, чтобы потом не переживать, чтобы готовым быть его потерять. Тифлисские евреи твоё богатство давно поделили и теперь ждут, когда эта Лизка им чемоданы с купюрами привезёт. Куда он, туда и деньги, – Коба рукой указал ниже пояса миллионера.

Нагиев, небрежно раскинувшийся в кресле, невольно дёрнулся, собрался, изменил позу. Коба захохотал.

– Не бойся, я тебя нищим умирать не оставлю. Лизка, или наши большевики, или ктонибудь ещё тебя всё равно ограбят. Охотники найдутся. Ты человек смелый, расчётливый, но не злой. Такого ограбить труда не составляет. Всего не считаешь. Хорошо, что у тебя есть такой друг, как я. Меня не ограбят, я сам, кого хочешь, ограблю. Скоро увидишь. Интересно, как ты сам не заметил, что они к тебе эту женщину пристроили. Вообще, кому они нужны, женщины, когда полно красивых, нежных, чистых и голодных девочек. Не понимаю я вас, ловеласов.

Коба снова рассмеялся, будто бы довольный своей шуткой, а на самом деле пытаюсь понять по реакции собеседника, насколько тот осведомлён о его жизни.

– Девочки, конечно, лучше, чем женщины, я с тобой согласен, у нас говорят – чем зеленее, тем слаще, но только их заступник, – Ага Муса пальцем указал вверх и придал лицу выражение полной покорности перед заступником невинных, – не с тебя, нет, он с детей твоих за их погубленные судьбы спросит. Спросит, спросит, вот увидишь, спросит. Ты посмотри, как он меня наказал, а я ведь девочек с пути не сбивал, ничего подобного не делал, сирот не обижал, даже соперникам в нефтедобыче иногда помогал, правда, больше их топил, но, случалось, и помогал, а сына лишился. Мальчик вдруг заболел, я бы все деньги отдал, чтобы он выздоровел, но он умер. И Гаджи сын – как глупо погиб! Гаджи для людей столько сделал, куда мне, отец родной не сделает, сколько он, но и его за что-то покарал. У Асадуллаева сын – кретин, а у Муртазы с Лизой вообще детей нет, половина наших миллионеров, если не больше, чужих сирот воспитывает, думаешь, это просто так? Быть отцом чужого сироты – горькая участь. Знаешь, русские говорят – сытый волк всё равно кормильца съест.

– Да не так они говорят – сколько волка не корми, он всё равно в лес смотрит.

– Смотрит в лес, значит, съест. Это одно и то же.

– Пугать людей ты умеешь, Ага, это умение – не деньги, это у тебя не отнять, и помощников сильных находишь – то золотом пугаешь, то даже Богом. Только сам-то никого и ничего не боишься – ни чёрта с его золотом, ни Бога с его справедливостью. Вот за это я тебя и люблю. Если вдруг удастся до твоих лет дожить, я сам такой буду.

– Шутишь, куда мне до тебя, я твои мечты знаю. Когда твой Горный Орёл царя убьёт, ты всю эту шайку евреев, армян, поляков, русских перебеешь, орла своего обциплешь, пух и перья на перину пустишь и суп из него сваришь, а сам на трон залезешь.

Теперь наступила очередь Ага Мусы испытующе смотреть на реакцию собеседника. И Коба, воплощённое спокойствие и искренность, сказал:

– Тогда я эти твои слова тебе напомним. И мы, как сейчас, выпьем с тобой за нашу дружбу. Или, если захочешь, за твою мудрость.

– Эх, Иосиф, мне уже почти семьдесят, когда мы выпьем, за что? До тех пор, пока ты состаришься, я точно не доживу, да и не хотелось бы, ты сам знаешь, хочу столько прожить, чтобы успеть сто домов построить. Девяносто три уже стоят, один лучше другого. Больше мне не надо, а что твои друзья в этой стране натворят, не дай Бог мне увидеть. И зачем? Разве людей не жалко?

– Ага, думаешь, я про твою внучку не знаю? За ней присмотр будет такой, что лучшего и не надо. Она сама о нём даже догадываться не будет, можешь положиться.

Она – твоё продолжение в этом мире, а я дружбу понимаю. А на людей плевать. Как ты бы заботился о девочке, я позабочусь. Даже лучше. Если меня не убьют, у неё всё будет.

Слова о внучке подействовали так, как Коба и рассчитывал. Тон Нагиева изменился. Покорность слышалась в его голосе.

***

Убив бандитов, Мамед Али обрёл душевный покой. Браунинг всегда в кармане, чего опасаться, из-за чего беспокоиться? Люди, ещё более надёжные, чем браунинг – Мир-Ахмед, Исаак, Алексей и Борис в Астрахани – чего может бояться человек, у которого такие друзья?

Значит, его частый ночной гость, шайтан, был просто продолжением дневных страхов. Живя среди убийств, подлости и несправедливости, он просто стал бояться, что если надо будет убить, дрогнет рука и не хватит духа? «Ты не наш, а мы помогаем только своим», вспоминалось ему. Демоны капризны не меньше, чем ангелы. А деньги, бриллианты и пароходы, даже знания и навыки – сразу теряют свою силу, когда приходит настоящая беда. Деньги и знания – ничто против беды. Война, эпидемия, революция, предательство близких – у беды много имён.

...Из Милана от Мир-Ахмеда приходили утешительные новости – человек, рекомендованный ему в Баку как надёжный, таковым на самом деле и оказался. Магазин им был куплен на имя Мир-Ахмеда Абдуллаева, склад и полки в торговом зале были заполнены красивой и добротной посудой. Свою долю в прибыли Анвер, так звали этого человека, отработывал честно.

В каждом своём письме в Баку шурин слал теперь отчёт о торговле и делах, прогнозы относительно сроков возвращения денег. Это немного раздражало Мамеда Али: во-первых, он хорошо знал цену всяким прогнозам вообще, а финансовым особенно, во-вторых, он ведь никогда и ни в какой форме не напоминал шурина о деньгах. Обещания чаще всего расходятся с делами. И дело тут не только в честности. Будущее отбрасывает тень на настоящее, это он в свои тридцать пять уже знал. И чем страшнее оЧёртания неясной тени грядущего, чем гуще её мрак, тем радужнее видения и миражи, мерещущиеся в этом мраке. Поэтому радостный настрой Мир-Ахмеда его немного удручал. Ясно, что человек, столь упорно говорящий о возвращении своих долгов, на деле, скорее всего, не сможет их вернуть. Во всяком случае, в намеченные им самим сроки. Что-то да обязательно помешает.

«А не вернёт и не надо, я ещё больше заработаю», – думал Мамед Али, забыв о проклятии мулл.

С Изей они после убийства бандитов стремились не встречаться на работе, на глазах у портовых, дружба всегда вызывает подозрение. Зачем и против кого эта дружба? У убитых остались наследники, и они постараются докопаться до произошедшего. Поэтому, из опасений, все дела обсуждались дома, на Малой Крепостной, за обедом или за шахматной доской.

Прошёл слух, что полиция арестовала виновных в тройном убийстве, ими оказались пять горских евреев, люди состоятельные, уважаемые, от ночных перестрелок крайне далёкие.

– А что я говорил? – торжествовал Изя. – Конечно, конечно, всё жида проклятые, они во всём на свете виноваты.

Мамед Али не возражал другу до тех пор, пока подозреваемых не выпустили на свободу за недоказанность их вины. А потом предложил:

– А ты пойдешь теперь узнай, сколько они начальнику заплатили за то, что отпустил, может, войдём в долю, всё-таки люди пострадали, надо помочь и заплатить...

– Пойду, обязательно пойду, ты только приготовься к тому, что нам с тобой хлеб с сыром не на что купить будет. Нашёлся на мою голову умник-шутник, кого пугать, Исаака Шехтмана напугать невозможно. Всё всегда так и бывает, один человек сделал, что надо, ладно, как мужчина, ты перестрелял эту сволочь, признаю и восхищаюсь, но платить, платить – пришлось, как всегда, евреям. Кому же ещё?! Теперь ты хочешь, чтобы и я тоже заплатил. Молодец, просто молодец.

***

Коба любил разоблачать провокаторов и шпионов охраны. Прервав внезапно ход конспиративного собрания, он вдруг говорил, понизив голос, будто сообщая секрет: «Среди нас шпион. – Потом указывал пальцем на побледневшего, обречённого человека. – Завтра всё, что мы тут говорим, он повторит в жандармском управлении». Разоблачённого ждала смерть лютая и неминуемая.

О сверхъестественной интуиции грузина знали все товарищи по партии, вот только никто из них не догадывался, что стоит за этой чудесной способностью выявлять провокаторов. А ведь всё лежало на поверхности – жандармский полковник Александров, знавший всё об агентах, внедрённых в среду революционеров, однажды «взял» большие деньги за, казалось, пустяковую информацию. И оказался на крючке. Коба умел быть беспощадным. От подхалимажа и лести в общении с полковником он легко и уверенно перешёл к напору и угрозам. Тот сломался. Фотографии, фамилии, клички, всё самое секретное становилось известно грузинскому бандиту. Застрелиться у полковника не хватало мужества и он утешал себя построением фантастических планов по ликвидации шантажиста. Коба, конечно, предупредил Александрова, что в случае его смерти весь материал на полковника будет передан туда, где его прочтут, не пропуская ни одного слова.

Вначале полковник завербовал Кобу и даже дал ему оперативную кличку – «Рябой». В ходе сотрудничества Рябой оказался ценным приобретением, полковник не мог нарадоваться на своего нового агента. Всё, что его интересовало, он легко и быстро узнавал от него. Эта информация подтверждалась столько раз, сколько проверялась. А интересовала его всякая чепуха, всё это можно было узнать и без внедрения своего человека в ряды революционеров.

Но Александров рассчитывал однажды выложить секреты революционеров перед первыми лицами империи и в итоге самому войти в число самых важных персон. Всё, что необходимо для такого успеха, он вроде имел – происхождение, образование, внешность, удачливость. Высокий шатен с правильными Чёртами мужественного лица, неплохо говорящий на языке императрицы, на немецком.

Но, видимо, климат Баку, ветреный и изменчивый, то чарующе ласковый, то суровый до свирепости, сказался на перипетиях судьбы полковника. Внезапно всё изменилось в жизни Александрова. Вероятно, дело было не в климате, а в непонимании полковником особенностей местной жизни. Это ведь только кажется, что всё здесь легко и всё возможно, туземцы тупы, покорны и раболепны, управлять ими так же просто, как и приятно. На самом деле их покорность имеет свою обратную сторону – скрытый бунт и потаённое коварство, умение всегда и во всём извлечь собственную выгоду. А их очевидная продажность – свидетельство ненависти к хозяевам положения. Надёжного и преданного человека встретить здесь трудно, почти невозможно. Предоставляя все сведения, какие требовалось, Рябой вёл свою собственную игру, невообразимо сложную для прямолинейного, европейского по своей природе ума имперского чиновника. И однажды, вроде бы в процессе обсуждения ситуации в революционном движении, Рябой задал несколько ничего не значивших вопросов об агентах охраны, внедрённых в это движение. Люди эти никакой ценности не имели, мелкие филеры, неразличимые, как каспийская плотва, информация, которую они

предоставляли, была неважной в сравнение с той, что давал Рябой. К тому же ответы на вопросы об агентах, весьма вероятно, были известны задававшему их. Александров, зная это, опасался проявить лукавство и, полагая себя умнее противника, не стал скрывать очевидного и ответил на все вопросы Рябого. Кто и сколько времени работает на жандармерию, кому сколько платят. Настоящая искренность должна, как минимум, носить видимость обоюдности. Полковник не увидел причин скрывать чего-либо. Даже когда все те, кем интересовался Рябой, были ликвидированы большевиками, Александров не почувствовал ни подвоха, ни угрызений совести. Подумаешь, мелочь, не о чем жалеть. Да Рябой наверняка сам всё знал про этих людей.

Не мучая себя ни сочувствием к погибшим сотрудникам, ни раздумьями о последствиях их провала, он взял деньги, принесённые подобострастным осведомителем, якобы в знак благодарности за какие-то неопределённые услуги. Тридцать сребреников на это раз обернулись сапфировым ожерельем, подаренном полковником своей жене. Прозрение пришло слишком поздно.

Полковник, зная пристрастие своего агента к хорошему вину, угощал его в своём кабинете. Солёный миндаль – лучшая закуска для сухого красного, хрустальные бокалы, всё это лежало в его сейфе.

– Я по твоим шагам заранее знаю, по какому делу ты пришёл. Только слышу, что идёшь по коридору, а уже знаю – несёт кого-то важного, несёт, но идёт, как летит. Сразу сейф открывать, вино, бокалы, миндаль, всё как всегда. Угощайся.

Кабинет у полковника был просторный, с высокими потолками и аккуратно свернутыми тяжёлыми занавесями по обе стороны венецианских окон.

Выпили по бокалу за здоровье красивого бородача, чей портрет висел на стене. Государь смотрел с холста снисходительно и доброжелательно. Свои люди, хоть и пьют в неполюженном месте и в неполюженное время, да ещё и сидя, за его здоровье.

– А что это у вас там, господин полковник? – спросил Рябой, указывая пальцем на стенку.

– Где? – Александров повернулся и посмотрел в указанном направлении.

– Наверху, выше, смотреть на потолок!

Полковник поспешно поднял глаза.

– Влево, смотреть влево!

Хозяин кабинета покорно скосил взгляд влево. Его глаза, весёлые, умные и лукавые, вмиг потускнели и стали невыразительными, полусонными.

– Смотри прямо и повторяй за мной, – приказал Рябой. Он произнёс магическое заклинание. Полковник покорно повторил сдавленным, хриплым, не своим голосом страшные слова заклинания-клятвы. Он понимал, что произносить эти слова нельзя ни в коем случае, что вечная гибель души стоит за этим ритуалом, но подчинялся чужой воле, не в силах был противостоять ей...

– За дальнейшее сотрудничество, – улыбка Рябого выражала мягкую доброту.

Все произошедшее в кабинете полковника унижительно напоминало внезапное и стремительное совращение женщины – и торжествующий бандит, и потрясённая, избегающая смотреть на триумфатора жертва, и этот тост за продолжение отношений. Всё уже произошло, назад дороги нет, ничего не изменишь.

В этот раз жертвой прозорливости Рябого стал молодой большевик из саратовской партийной ячейки, допущенный на собрание руководства бакинского актива партии большевиков. Внедрённый жандармами в организацию, преданный полковником Александровым, агент был публично разоблачён Кобой. Идеальный монархист, наивный патриот двадцати трёх лет от роду, этот сотрудник, конечно, не мог предположить, что предал его свой же начальник. Роман Гаврилов, сын дворянина и поповской дочери, пошёл служить в жандармерию по высшим, идейным соображениям. Желал, чувствуя смертельную опасность для империи, служить России и царю. Вот и

дослужился – грязная, с заплёванными полами комната в рабочем бараке стала местом его суда, и суд этот никогда не выносил иных приговоров, кроме казни. Накануне шеф жандармов Александров лично передал фото Романа Гаврилова Кобе.

Предсмертная дрожь охватила ведомого на казнь юношу. Безумная мысль о том, что пока он говорит, его не убьют, заставила его выкрикивать имена людей – возможно, он надеялся, что революционеры заинтересуются, чьи это имена, и начнут допрашивать его, и он отсрочит момент своего прощания с жизнью – Филипп, Толик, Виктор, Женя, Саша, Олег... Но вместо расспросов один из его конвоиров ткнул ему в лицо толстую палку и сказал:

– Чего орёшь, вот она, твоя дубина.

Обычная дубинка показалась очень страшной Роману, а конвоир размахнулся и с криком «Эх, дубинушка, ухнем» ударил его по голове, убив на месте. Мёртвое, но ещё сохранившее гибкость молодое тело упало и от удара о песок немного двинулось, будто укладываясь удобнее, большевики, не распознав смерти, обступили и принялись бить ногами. Найденное на другой день мёртвое тело не было опознано. Как опознать, если вместо лица месиво синего цвета, а в карманах ничего, только начатая бутылка водки? Бутылку положили просто так, чтоб было похоже на пьяную драку. Никаких документов – ничего, что могло подсказать, кто он и откуда. Его родители до самой своей смерти в начале двадцатых годов всё надеялись, поддерживая веру друг в друга, что произойдёт чудо, и их сын вернётся. К счастью, умерли они почти одновременно, с разницей меньше месяца, так и не потеряв надежды увидеть сына живым.

Коба получил от нанимателей новое, обещающее большие деньги задание – надо было прогнать из нефтедобычи Нобелей. Теперь он был единовластным хозяином в порту, ни другие бандиты, ни ГОСУДАРСТВЕННАЯ власть не могли перечить его воле. Его условие было: миллион – и шведов не будет. Переговоры затянулись, у заказчиков появилась надежда привлечь иные, более надёжные, как им казалось, силы, чем шайка грузинских бандитов. Один из мусульманских нефтепромышленников женился на дочери очень влиятельного человека в Петербурге. Теперь с его помощью можно будет избавиться от назойливых шведов. Секрет прост – рядом с дорогим магазином открываешь пару лавок, торгующих точно таким же товаром, но дешевле, и скоро магазин будет вынужден закрыться – оплачивать одного шустрого продавца, даже в меру воруемого, куда дешевле, чем держать большой штат продавцов, бухгалтеров и охрану. Воруют, понятно, и они все, и не всегда делают это в меру. Тут как повезёт. Как бы то ни было, десятерым надо заплатить больше, чем одному. Как следствие, товар из лавки можно продавать дешевле. И по налогам внимания к маленьким лавкам – почти никакого. Таким способом было решено расправиться с Нобелями.

Породнённого с влиятельными людьми из Петербурга мусульманина-нефтепромышленника, его фамилия была Асадуллаев, направили на борьбу со шведами. В течение одного года везде возле нефтеналивных терминалов Нобелей возникли склады нефтепродуктов этого ловкача, продающие дешёвые «зимние» запасы бакинского керосина и мазута. Зимой в Баку нефть стоила копейки из-за сезонного затруднения с её доставкой на внешние рынки. Накопленные за межсезонье запасы весной продавались втридорога. Но неожиданная конкуренция сорвала весенние распродажи и поставила компанию братьев Нобелей на грань разорения. В ответ государственная компания приняла меры по саботажу асадуллаевских зимних закупок дешёвой нефти. Телеграмма Асадуллаева в Баку с приказом о скупке нефти была перехвачена, чиновник с телеграфа положил весьма скромную сумму в карман за эту услугу, а дело удалось повернуть так, будто всё это подстроила брошенная первая жена и её общий с Асадуллаевым сын. Результат был двойным: коварный план по

разорению больших Нобелевских терминалов был сорван, и возникла вражда среди родственников врага. Отец проклял ни в чём не виноватых сына и его мать, свою первую жену. Но основная цель всё же не была достигнута – Асадуллаев не разошёлся. Друзья-нефтепромышленники пришли на выручку, положили свои деньги на закупку для него нефти и объяснили, кто на самом деле стоит за срывом зимних закупок. Асадуллаев понес убытки, но остался на плаву. Борьба приняла затяжной оборот, конкуренты не решились обратиться за помощью к бандитам, и в результате Кобе пришлось грабить всех подряд, без предпочтений.

***

Конторский стол, за которым работал Мамед Али, стоял в углу магазина. Стол этот был с наборной крышкой, выдвигающейся и задвигающейся по овальной траектории таким образом, что в закрытом состоянии под этой крышкой оказывалась вся столешница с множеством ящичков и пеналов. Подвижный верх, накрывающий столешницу, был набран из полированных реек, при движении крышка издавала тихий сухой стук. Стол имел аккуратный и солидный вид. Покупатель легче расстаётся с деньгами в магазине, обставленном дорогой, красивой и изящной мебелью.

Колокольчик на двери прозвенел, в дверях магазина появился почтальон и застыл в почтительном ожидании разрешения войти. Мамед Али поднял голову от бумаг и приветствовал почтальона взмахом руки, приглашая. Подойдя к столу, почтальон протянул солидный конверт, такие на адрес магазина приходили обычно с заказами на покупки. Странно только, что на этом не было обратного адреса. Мамед Али расписался в получении и, отпустив почтальона, вскрыл пакет.

Два светло-розовых листка почтовой бумаги. На одном из листков не было написано ничего – только рисунок. Лежащий на спине человек с кинжалом в груди. Примитивный рисунок можно было бы принять за детский, но он создавал жуткое, зловещее впечатление. На втором листке была надпись, сделанная на пишущей машинке: «Я, эксплуататор трудового народа Мамед Али Сафаров, обязуюсь внести на дело революции сто тысяч рублей». Снизу было напечатано слово «Подпись». Мамед Али, не отрываясь, всматривался в изображение и в текст записки, пытаясь понять, что ему следует теперь делать и почему веет ужасом от листка.

Колокольчик на двери снова прозвенел, пронзительно и тревожно. Мамед Али взглянул на вошедшего и обомлел. В торговый зал вошёл бандит.

Все бандиты, а видел их в своей жизни Мамед Али намного больше, чем хотелось бы, имели между собой неоспоримое и явное сходство. И манера – подчёркнуто наглая, вызывающая, но в то же время и настороженная – всегда одна. Страх – вечный спутник и инструмент разбойничьего ремесла, они используют его, как нищие используют жалость, ради получения денег. Если нищего не пожалеют – ему не подадут, если бандита не напугают – ему не отдадут. Бандиты бывают и весёлые, и даже вежливые, но всегда – страшные. А этот был не просто страшный, очень хотелось, чтобы он ушёл, исчез. Или самому хотелось оказаться где подальше, только чтобы рядом не было этого длинноносого рябого. Обычно Мамед Али, когда заменял продавца в магазине Мир-Ахмеда, вставал навстречу любому зашедшему в магазин и старался опередить посетителя, поприветствовав первым. Но с этим проявление вежливости было неуместным, не так поймёт.

Коба, широко улыбаясь, подошёл к столу и протянул крупную крестьянскую ладонь. Мамед Али, приподнявшись со стула, пожал протянутую руку и мельком взглянул на левую ладонь вошедшего, изящную, как у женщины. «Урод», – пронеслось в мыслях. Вошедший перехватил быстрый взгляд, и улыбка исчезла с его лица.

– Чем обязан? – Мамед Али старался не выдать голосом смутения. Хотя было это нелегко и едва ли вполне удавалось.

– Завтра сто тысяч. Приготовь, тебе скажут, куда принести. И подпиши своё обязательство, я его сохраню, оно тебе поможет смягчить наказание, когда мы вас судить будем после победы нашей революции.

– Денег нет. – Ответ прозвучал быстро, но не очень уверенно.

– Знаю, что нет, – спокойно, без всяких интонаций ответил Коба. – Отнеси ювелиру Кяриму тот бриллиант, что из Тебриза на прошлой неделе привезли, он тебе даст денег. Бриллиант, если захочешь, потом выкупишь, я скажу, чтобы отдал, камень месяц будет тебя ждать, и стоит он дороже ста.

Браунинг лежал в выдвижном ящике стола, так сразу не достанешь, стрелять лучше в спину уходящему, прямо из ящика.

– Если себя не жалко, пожалей родню и еврея, компаньона своего, пожалей, – Коба усмехнулся во второй раз и продолжил ледяным, холодным и твёрдым тоном. – И этого, что в Милане, и жену его, обо всех подумай. А у астраханского друга твоего дом красивый, с зелёными ставнями, так что, сам понимаешь, как жалко будет, когда на пустых окнах будут висеть обугленные ставни. Ты стрелять любишь, я знаю, но не советую. У нас говорят – вначале думай, потом стреляй. А бумагу – подпиши. – Коба чуть повысил голос, придав ему повелительную интонацию, произнося эти слова.

– Дай мне пять дней, я денег достану. – Мамед Али немного овладел собой даже под страшным, убийственным и повелительным взглядом, но в сломленном его голосе звучали просьба и покорность.

Коба сделал небрежный отводящий жест.

– Я бы подождал, но уже Кярима предупредил, не люблю людей подводить. Он, бедняга, надеется, что ты денег не достанешь и камень у него останется. О твоих делах ведь никто не знает, люди тебя нищим держат. Сам смотри, я болтать не буду, может, правда, камень пусть у Кярима останется. Мне всё равно, но пусть люди меньше знают. Так тебе спокойней, деньги ведь не главное. В жизни, – бандит сделал паузу после произнесённого с ударением слова «жизни» и добавил уже тише, – есть вещи поважней денег. Обязательство подпиши сейчас.

Мамед Али подписал бумагу и спрятал её в выдвижной пенал стола. Коба изобразил удивление:

– Бумага для меня, зачем убрал?

– На суде пригодится, а ты ведь на суд можешь не прийти, да и потерять можешь.

– Ну ты и хитрец, ладно, раз ты умный, то заплатишь.

Когда Коба ушёл, Мамед Али закрыл магазин и отправился в чайхану на бульваре. Продолжать работать он не мог.

А вечером, встретившись с Изей, рассказал ему о произошедшем.

– Смотри, никому ни слова. Ты молодец, что расписку не отдал. Я подумаю, может, пусть время пройдёт, врагов у него много, нас не заподозрят. Но сейчас нельзя. Пятьдесят с меня, когда деньги отдавать будешь, а пока посмотрим. Бывало, больше теряли.

– Терять – это понятно, без потерь как? А бандитам платить – это другое. Ты помнишь, я тебе говорил, начнёшь платить, пиши пропало, и ты согласился, что я прав. Они на этом не остановятся. Теперь повадятся. А расписка ему нужна для шантажа – плати ещё, а то жандармы узнают, что ты большевиков поддерживаешь и тогда надо и жандармам ещё платить.

– Сейчас нельзя, надо очень осторожно. Давай подумаем, нанять кого или сами. Всё равно половина с меня, а там посмотрим. Сейчас важно узнать, откуда большевики узнали о купленном в Персии камне?

– Бриллиант полдела, но что значила фраза «ты стрелять любишь»? Неужели и про стрельбу знает?

...На другой день Мамед Али ждал посыльного от бандитов, сидя в «Блестящем» магазине. Облако табачного дыма окружало одинокого продавца, а покупатели, будто проведая о случившемся накануне, почти не появлялись в тот день. Обычно он не курил в магазине, выходил на улицу. Но в тот день дымил прямо в торговом зале. Хрустальная пепельница лежала перед ним на письменном столе, а камень в деревянной коробочке, отделанной красным бархатом, был у него в кармане. Каждый звонок дверного колокольчика обрывал сердце ждущего. И когда, уже вечером, в дверь магазина вошёл человек лет около сорока, Мамед Али испытал что-то, похожее на облегчение – вот, пришли! Этот человек завёл, как бы случайно, разговор о купле и продаже драгоценностей, вроде, ни к месту и без повода, и никакого сомнения, что он и есть бандитский посланник, уже не оставалось. Не совпадало только одно – и по виду, и по выговору человек этот был, несомненно, мусульманин, больше того, бакинец. Такой вряд ли опустится до роли посыльного у пришлых бандитов... Он всё-таки купил дорогой столовый сервиз, комплект ножей с серебряными ручками и вилки с ложками. Зачем эти покупки, если его послали большевики? Почти на сто рублей, а пришёл один, без человека. С другой стороны, не в каждой мусульманской семье тогда пользовались столовыми приборами, многие ели руками. Баку не был большим городом, и, скорее всего, Мамед Али должен был знать семью, где пользуются столовым серебром и едят с тарелок саксонского фарфора. Но этого человека он видел впервые.

– А для праздничного плова у меня есть золотые ложки, – пошутил он, скрыто и внимательно наблюдая за реакцией покупателя.

– Мы люди простые, поедим и серебряными, – в тон ему ответил покупатель.

Закрыв магазин, Мамед Али не мог решить, куда идти – к Кяриму, отнести бриллиант, или домой. Посыльный от Кобы так и не появился, глупо было бы самому торопить события. В то же время осведомлённость бандита о магазине в Милане и цвете ставен в доме Алексея сильно его напугала, эти могут начать убивать без дальнейших предупреждений. Пугало и то, что бандиты всё знают о его покупках бриллиантов. Даже его жена ничего не знала о них конкретно. А эти знают в подробностях, знают цены на камни.

...Приказчик из «Блестящего» магазина, уезжавший на три дня домой, в деревню, на другой день вышел на работу, и Мамед Али мог бы пойти к себе в контору при лесопилке. Но он решил до поры до времени затаиться, посмотреть, что бандиты предпримут дальше. Он ведь не отказался платить, большевики сами прервали связь.

– В Баку нет мужчины, кроме Муртазы-бека!..

Когда Мамед Али переступил порог чайханы, запах гашиша остановил его. Но, оглядев зал, он всё же вошёл – люди вроде приличные, мало ли, покурили, а кто не курит? Гашиш здесь неизбежен как нарды. Но стоило только ему сесть за столик, как тут же вскочил этот клоун и, бешено оглядываясь, стал кричать, что в Баку нет мужчин, кроме Муртазы. Ясно, речь о Мухтарове, и не менее ясно, что сейчас крикуна, в лучшем случае, побьют, а могут и пристрелить.

– Как это нет мужчин? А я?

Невысокий человек в изящной папаше, с аккуратно подстриженной бородой, сидевший за одним столиком с крикуном напротив него, покачал головой и сказал с осуждающим видом громко и отчётливо:

– Эх, Джафар, Джафар, совсем тебе курить нельзя, сразу мордобой начинаешь выпрашивать. Взрослый мужчина, тебе ли подобает ходить с битой рожей? Вот, человек, а никак не может небитым оставаться. – И после короткой паузы, уже обращаясь прямо к крикуну, добавил: – Джафар, ты тысячную часть людей в городе знаешь, откуда тебе известно, есть в Баку мужчины или нет?

Джафар, продолжая озираться, выкрикнул:

– Ни одного мужчины!

И сел. Разговоры в чайхане затихли, наступила тишина. Потом один из сидящих поднялся с места со словами:

– Нет, так и не надо, что делать, – и направился к выходу. Но проходя мимо столика, за которым сидел Джафар, повернулся и через стол отвесил ему пощёчину. – Ограш ограшем, людей судишь.

Обкуренный скандалист уронил голову на грудь и притих, будто получить оплеуху было той целью, ради которой он поднял шум. Сидевший напротив Мамеда Али человек пробормотал:

– И мы знаем, что кроме Муртазы-бека в Баку нет настоящих мужчин, но не кричим же, чего, спрашивается, орать? Они от крика не появятся. Вот опять получил за правду, а этот, что его ударил, небось, сам мягким окажется, если в жёсткое место попадёт, тоже мне, мужчина.

– Повтори, что ты сказал, – повернувшись к их столу, потребовал ударивший Джафара.

– Нет, брат, это я так, бормочу просто, ничего против тебя, всё это только про себя.

Оправдывавшийся человек развёл руки и опустил голову – само миролюбие и покорность. Тот отвернулся с победным видом, но вступившийся за Джафара, мгновенно скинув благодетельную мину с лица, а папаху с головы, в прыжке нанёс ему удар головой и, перепрыгнув через поверженного противника, убежал, продолжая держать папаху в руке. Чайханщик с криком выбежал из-за своего стола с самоваром. И, стоя над лежащим ничком «мужчиной», продолжил вскрикивать:

– Хватит, хватит, убили меня, убили. Ни за что убили! Остановитесь, чтоб мне умереть, чтоб мне умереть, будьте людьми! Зачем убивать! Хватит!

«Ясно же, анашой пахнет, чего было сюда заходить, вечно я влипну», – подумал Мамед Али и, выбрав момент, незаметно вышел.

Причину мордобоя в чайхане Мамед Али узнал вечером, когда домой к нему пришёл Изя, радостный и возбуждённый. Отбросив, по своему обыкновению, ритуальные вопросы о делах, здоровье и благополучии домашних, Изя выпалил:

– Ингуши.

Мамед Али почти догадался, о чём речь.

Муртаза Мухтаров, о котором кричал этот дурак в чайхане, известный в городе человек, нефтяной магнат и изобретатель, чей замок строился на Персидской улице, только едва начатый, но уже ставший предметом зависти всех бакинских богачей. Про связи хозяина стройки с ингушскими и чеченскими бандитами в Баку знали все. Известно было, что сидящие во Владикавказской тюрьме арестанты, а больше половины их составляли чеченцы и ингуши, два раза в месяц обедают вкусно и обильно на деньги Муртазы, а по праздникам в тюрьме плов. Отвага и верность ингушей были притчей во языцех по всему Кавказу, а в этом краю трудно удивить людей подобными качествами. Слава пришла к ним во время бунтов в начале века, когда пошла мода нанимать их для охраны поместий. Те брали немного и работали малыми группами по два-три, от силы пять джигитов. Этого хватало, чтобы разогнать сотню бунтовщиков. Хитрые и сноровистые в бандитских делах ингуши выбрали тактику опережения – тайком, сменив одежду, пробирались они к местам народных возмущений и – не дожидаясь, пока толпа организуется и выдвинет вожakov, наметив наиболее громогласных, неожиданно начинали стрельбу. После нескольких таких операций одного только крика «ингуши» было достаточно для разгона толпы, какой бы революционной она ни была, и в какой бы стадии опьянения ни пребывала. Народ трезвел и разбежался.

Муртаза-бек Мухтаров был женат на осетинке знатного рода, Елизавете, дочери генерала Хамбека Асланбековича Тугаева. Елизавета, хоть и носила христианское имя, происходила из мусульманской семьи, отец назвал её в честь императрицы.

Муртаза Мухтаров, не имевший технического образования, существенную часть своего состояния сделал на изобретениях в нефтедобыче. Когда-то он был извозчиком, женился уже в пожилом возрасте на девушке знатной, богатой и молодой. Да, Мухтаров богат, но и Тугаевы не нуждаются, и очевидной причины для генеральского согласия на такой странный выбор дочерью спутника жизни нет. Но генерал согласился, и тридцать джигитов в белых бурках, надевать которые позволено только князьям, приносят подарки, посланные бывшим извозчиком в дом княжны, его невесты. Белые бурки, голубая кровь, карета из серебра для молодожёнов и золото как основной материал всех подарков – это в традициях, здесь любят роскошь и показуху. Но вот молодые князья-джигиты, приносящие дары в дом невесты, с точки зрения мусульманских традиций вещь невозможная, так нельзя. Недопустимо, чтобы мужская рука касалась хонча – подарка для невесты. Символика традиции примитивна и ясна, – мужчина одаривает свою избранницу, при чём тут посредники мужского пола? Мало ли, шайтан не дремлет. Вот бабы пусть и таскают.

Как бы то ни было, свадьба состоялась, и пожилой жених увёз молодую жену в Европу, мир посмотреть и себя показать. Во время путешествия он тщательно зарисовывал здания, понравившиеся Елизавете. А по возвращении вызвал к себе архитектора Плошко и вместе они составили проект дома-подарка. Получилось как хотел Муртаза: замок Лизы мог служить декорацией для волшебной сказки. Лизин подарок стал символом колдовства – любви, способной превратить череду семейных будней в цепь праздничных встреч с любимым человеком.

Платил он щедро, был требователен и вникал в каждую деталь.

Муртаза, а Елизавета его звала – Мур-Мур, был родом из Амираджан, села в пригороде Баку. Людей творческих здесь, по неизвестным никому причинам, всегда рождалось много. Так что отчасти изобретательский и все иные таланты Муртазы бека объяснялись местом его рождения.

И вот этого жителя Амираджан Коба, предпочитавший плевать на детали местного колорита, решил обложить данью в числе всех прочих. Заплатит, и никуда не денется. Такой дворец начал строить, жена из княжеского рода, будет платить, как миленький.

В ответ Мухтаров велел своим вайнахским нукерам хорошенько поколотить наглеца, чтобы к нему вернулся разум. Муртаза был скор на руку, бандитов, отважившихся вымогать у него деньги, бывало, бил сам, и это, как правило, решало дело. Но нужной для такого богатея жестокости в нём не было.

Муртаза-бек, своего потомства не имевший, бравший на воспитание и племянников, и совершенно чужих детей, в силу доброты характера не стал уничтожать рябого грузина. В итоге это стоило жизни не только ему, но, в первую очередь, отважному Робин Гуду Кавказа, Зелимхану Гушмазукаеву. Хотя тот ни сном, ни духом отношения не имел к избиению грузинского бандита. Просто все знали, что Зелимхан и Муртаза – кунаки, следовательно, враждуя с одним, неминуемо попадаешь в число врагов другого. Но что говорить о Зелимхане, впоследствии Сталин отомстил всему непокорному народу Зелимхана, выслав их к чёрту на кулички.

Сами вайнахи бить Рябого не стали, бить скопом одного – это не в их традиции, стыдно. За ящик вина они наняли портовую шпану, осмелевшую не столько от алкоголя, сколько от покровительства вайнахов.

Плюгавый грузин, когда на него напали, сражался отважно и едва не разогнал пьяную шайку, напугав их своей злостью и бесстрашием, но вмешался один из абреков, после его удара Коба упал ничком и уже не мог защищаться. Били лежащего немело и недолго. Вмешались вайнахи и отогнали.

Избитый Коба, по согласованию с большевистским руководством, отправился в ссылку. Ставший после позорного избиения профессионально непригодным в Баку, он мог быть полезным в Сибири, где к тому времени среди сосланных революционеров возобладал дух апатии и пораженчества. Они теперь даже ленились бежать из ссылки. А чего бежать? Спокойная, сытая жизнь, никаких надежд на революцию нет и делать в больших городах нечего. Ещё, чего доброго, придётся на хлеб зарабатывать. В ссылке государство кормило осуждённых. Таким вот случайным образом разрешилось дело лесоторговца Мамеда Али Сафарова и его друга Исаака Шехтмана с бандитом. Коротко эта новость в изложении экспрессивного Изи уложилась в одно слово: «Ингуши!» А потом, смакуя подробности, уже отчасти и придуманные, Изи сообщил, что страшного Кобу избили и выгнали из Баку, как щенка, вайнахские джигиты, нукеры Муртазы Мухтарова. Конечно, последующие события и их подробности не стали известны лесоторговцам. На пути в Сибирь Кобе придали надёжного сопровождающего, жандармского офицера из осетин, Кибирова. А тот выполнял при якобы конвоируемом им агенте ЦК Джугашвили обязанности слуги. Но очарование сибирских просторов, тихая сытая жизнь были не для Кобы. Необходимость выполнения главного условия возвращения висела над ним – надо было очистить свою вотчину, Кавказ, от абреков. Выгнав конкурента, они теперь бандитствовали и грабили в своей манере – лениво, по-кавказски и с оглядкой на так называемых «простых людей», совершенно игнорируя интересы людей не простых, министров и генералов. Для них главное было не количество денег, а бесшабашная жизнь, джигитовка вместо солидной финансово-политической деятельности. Естественно, что в глазах крупных чиновников эти новые бандиты, абреки, проигрывали.

Исаак Аронович, сообщая новости, при этом, по своему обыкновению, имитировал возмущение и недоумение.

– А где ты вообще ходишь, тут такие события разворачиваются, а ты гуляешь неизвестно где...

– События и без меня развернутся или провернутся по божьей воле, а я что?

– О бандитах можешь забыть, их прогнали, их больше нет, этого тебе мало?

В жизнь без бандитов хотелось верить, настолько, что даже Исаак Шехтман увлёкся было этой мечтой. Что же говорить о непросвещённых мусульманах?

После изгнания Кобы авторитет Муртузы-бека возрос до небес. Суеверный и склонный к созданию культов народ почитал его настолько, что люди даже стали клясться его именем. До этого самым почитаемым магнатом был Гаджи Зейналабдин Тагиев, малограмотный, но обладающий необычайно острым умом и широкой душой человек, готовый прийти на помощь всякому, к нему обратившемуся, меценат и масон высокой степени посвящения. Люди в городе знали, что у него над главной сокровищницей – сейфом с документами и деньгами – висит строительный молоток. Всему городу было известно об этом символе, но в силу неграмотности никто не подозревал о его значении. Верили, что Гаджи-бек из сентиментальности хранит свой первый рабочий инструмент. Люди любили и уважали этого человека, но при этом никто не клялся его жизнью. Ведь он не изгнал из города главное зло – пришлых бандитов.

Сообразив, что Мухтаров с его друзьями-чеченцами намного лучше и выгодней, чем прочие покровители, Исаак Аронович стал искать случай установить с ним дружеские отношения. Крутой и независимый нрав Мухтарова был хорошо известен, к такому не придёшь с предложением денег – выставит из кабинета, хорошо, если без рукоприкладства. «Тебя кто звал? Я у тебя что просил?» Да и сколько и под каким предлогом давать? Между друзьями, Исааком и Мамедом Али, решено было поставить ему необходимый лес для строительства замка бесплатно, в дар. По своим каналам Исаак раздобыл эскиз будущего замка, произвёл подсчёты, смета была готова, решили, что к Муртазе пойдёт один Мамед Али, люди должны считать их конкурентами и принимать заказы вместе им никак нельзя.

На другой день с утра Мамед Али был в конторе Мухтарова. Ему пришлось подождать, прежде чем хозяин освободился и принял его – оказалось, рабочий день Муртазы-бека начинался раньше, чем у большинства людей его положения. Когда Мамед Али вошёл, Мухтаров был не один, в кабинете был архитектор Плошко. Мамед Али, увидев их вместе, уловил объединяющее их сходство. Величественная, не пугливая, но и не показная сдержанность манер. «Да они оба франкмасоны», – мелькнула мысль.

Вот в чём разгадка финансового взлёта амираджанского гения. Мало ли гениев прозябает в неизвестности и даже в нищете, ведь без покровителей ничего не достигнуть. И разгадка таинственного брака Муртазы тоже здесь. Князь, конечно, не отдаст свою дочь за извозчика, пусть и разбогатевшего, но вот для вольного каменщика отдать дочь замуж за «брата» более высокого градуса – честь и почёт, даже если жених немолод, в прошлом жил на доход от извоза, а отец невесты – князь. Оба они – члены братства каменщиков и в иерархии этого союза Муртаза наверняка стоит выше.

Едва Мамед Али сделал свой вывод, невидимая стена отчуждения возникла между ним и хозяином стройки с его архитектором. Чужие. Несколько лет назад сам Мамед Али желал посвящения в масоны, но все попытки выйти на людей, чьё содействие было необходимо, закончились ничем. В Астрахани масонами были члены английской миссии, Мамед Али видел, что вступившие в тайное общество обогащались очень быстро, но понять, какими критериями руководствуется братство, принимающая новых членов, он не мог. Определённое, но ускользающее сходство всех «братьев» он заметил ещё в Астрахани...

Говорить при постороннем о том, что лес будет поставлен бесплатно, нежелательно, это может вызвать пересуды, но тогда зачем он вообще здесь? Пришлось говорить при Плошко.

– Муртаза-бек, – начал он на русском, поскольку именно на этом языке говорили между собой магнат и архитектор. – Узнав о вашем проекте уникальной постройки, я отважился предложить вам необходимый строительный лес безвозмездно, как знак уважения. Я составил примерный список материала и хочу просить вас ознакомиться с этим списком. Если вы найдёте его недостаточным, просто дополните его, как считаете нужным.

Мамед Али достал из своего портфеля несколько листов бумаги и, подойдя к столу Муртазы, положил перед магнатом.

Мухтаров посмотрел на лесоторговца с недоумением.

– Впервые вижу, чтобы поставщик предлагал бесплатные поставки, тем более, материала, годного для топки камина. Тут лишнего просто не может быть, пойдёт в камин. Дрова тоже нужны, чем больше, тем лучше. Скажите, если можно, уважаемый, коротко и ясно, что конкретно вы хотите в обмен на лес.

– Извольте ошибаться, высокоуважаемый, интересы таких истинных патриотов и героев, как ваша милость, это забота каждого, кто живёт и работает здесь, в Баку. Ваши интересы – интересы всех жителей нашего города. Есть нечто, что стоит дороже, чем строительный лес. Намного дороже.

Внезапно, без доклада, дверь кабинета Муртазы-бека отворилась, и вошёл Митхад-бек Меликов. Секретарь вбежал вслед за вошедшим, но так и остался стоять за его спиной, испуганно глядя на хозяина.

Поздоровавшись с Муртазой: «Салам, бек», Митхад едва кивнул архитектору и лишь слегка двинул головой в сторону лесоторговца. Вид у вошедшего был смятенный.

– Евреи совершили покушение на Петра Аркадьевича, кажется, они его убили. Неизвестно, жив он или мёртв, в него стреляли, – сообщил вошедший.

– Что ты говоришь, какая жалость, замечательный человек, таких, как он, больше нет. Только нам-то что за дело? Он тебе кто, этот министр? – спросил Муртаза.

– Ты что, правда не в силах понять, что теперь хамы убьют оставшегося без защиты царя и устроят свой рай на земле. И этот их хамский рай будет адом для нас. Какое нам до этого дело, ты поймёшь, когда осуществишь свою дурацкую затею с постройкой своего замка среди этого степного аула, а туда придут хамы. С оружием. Вот какое нам дело.

Произнося эту тираду, Митхад бек преобразился: смятение исчезло, он говорил твёрдо, громко, голосом обвинителя:

– Они уже сейчас имеют больше власти, чем царь. Убивают тех, кого пожелают, кто им мешает. Посмотри, что они творят, вчера они убивали полицейских, честно служащих царю и отказывающихся от взяток, сегодня убили Петра Аркадьевича, завтра убьют самого царя. И начнут убивать всех подряд – тебя за твои миллионы, его, – Митхад пальцем указал на Плошко, – за то, что он архитектор, его, – Митхад перевёл палец на Мамеда Али и на мгновение запнулся, потом махнул рукой, – его тоже, найдут, за что убить.

Муртаза выставил бы за дверь любого, вошедшего так бесцеремонно, и наглец не успел бы произнести и малой доли сказанного Митхадом. Но сейчас он просто сказал:

– Сядь и успокойся, вечно ты нагнетаешь ужас.

И велел секретарю, по-прежнему маячившему в дверях, принести чай. Тотчас появился слуга с подносом.

Митхад сел, сделал глоток, но и сидя со стаканом в руке, продолжал:

– Какое нам дело до того, что будет дальше с нами, да? Сказал бы я тебе...

Мухтаров увещевал его с убедительностью и без всякого раздражения:

– Что ты всё какими-то хамами пугаешь? Да я сам первый хам и есть. И что? Лизин отец князь, а зовут его Хамбек. Ну и что? Что ты против Хамбека имеешь? – Муртаза рассмеялся. – Все на Кавказе знают, Хамбек очень благородный человек. Про таких у нас говорят, куриную ножку не ест, потому что она из задницы растёт, но скажу тебе по секрету то, что ты и без меня знаешь – среди вас, аристократов, хамов не меньше, чем среди нас, простых.

Мамеду Али было неприятно присутствовать при этом разговоре, явно не предназначенном для его ушей. Он отметил, как тень гримасы неудовольствия легла на лицо архитектора Плошко, едва только Муртаза сказал о хамах среди аристократов.

«Наверное, из шляхты», – решил лесоторговец.

Немного поостыв, Митхад-бек довольно бесцеремонно принялся разглядывать лежащие на столе Мухтарова бумаги. Это были эскизы проекта будущего замка, выполненные на картоне. Посмотрев рисунки на картонках, Митхад-бек бросил их обратно на стол.

– Ага, ты забыл, где живёшь, в этом городе люди завидуют друг другу, а все вместе – тебе. От дурачка-нищего до губернатора. Богатство, красавица жена, известность, дружба с грозой Кавказа Зелимханом, думаешь, этого недостаточно для всенародной ненависти? Ты хочешь ещё и замок сюда добавить? Подумай, что ты делаешь. Нефть порождает богатство, а вид чужого богатства порождает сильное чувство, оно называется зависть. Это страшнее чумы. Чумой можно переболеть, иногда она не убивает, а от зависти нет спасения. Ты хочешь жить в замке? Езжай в Италию или во Францию, купи себе какой хочешь дворец и наслаждайся жизнью. Если никакой дворец тебе не по душе, возьми рядом со старым новый построй, или два, один себе, один жене, к ней в гости будешь ходить, так интересней. Денег, думаю, у тебя хватит. Но не строй замка в Баку, это убьёт тебя, не надо. Брось эту затею, езжай в Италию и будь счастлив с Лизой весь срок, отмеренный тебе свыше.

– И зачем это ты меня в Италию отсылаешь? Я что, итальянец? Я мусульманин и хочу жить среди мусульман. Мне азан лучше слышать, чем все их арии и оперы. Я вообще патриот.

– Не смейся, Муртаза, какой ты патриот. И какой мусульманин. – Митхад взял со стола картонку с эскизом замка. – Ты на своём доме хочешь статую крестоносца установить. Ты бы уж сразу заказал изображения шайтана, говорят, дикари в Африке их делают для поклонения – и шайтана на этот замок бы прилепил. Это было бы честнее и логичнее, чем статуя гяура на доме мусульманина.

Архитектор еле сдерживался, слушая разговоры о замке, деньги за проект которого он уже считал лежащими у себя в кармане. А тут этот Меликов со своими рассуждениями. Лучше бы революцией пугал. Муртазу, конечно, отговорить от задуманного, как и напугать, невозможно, но всё равно противно слушать эти разговоры. От заказа Муртаза не откажется, но, послушав этого Меликова, от статуи может отказаться, а это существенный ущерб. Плошко, зная, что ислам запрещает изображения живых существ, и с самого начала имел опасения относительно скульптуры на замке. К счастью, Муртаза нашёлся, как возразить Митхаду.

– Митхад, ты боишься революции, и людей пугаешь взбунтовавшимися хамами. На бунтовщиков есть жандармы и казаки. Никто не посмеет посягнуть на Лизин замок. А если и попробует, пожалеет. – Муртаза недобро усмехнулся. Митхад пожал плечами.

– Хозяин ты, и тебе решать. Мой совет – не надо замка в Баку, а тем более, этой статуи. И никого я революцией не пугаю, не пытайся изобразить меня трусливым идиотом, я трусом никогда не был. Бояться революции может только запуганный дурак. Посмотри на эту шайку, что собралась её совершить, – евреи, грузины, армяне, чухонцы, литвины, чёрт его знает, кого там только нет. Разве они когда-нибудь договорятся между собой? Но безобразия натворить могут много даже порознь.

– Среди этого сброда нет наших татар, никаких – ни казанских, ни астраханских, так что нам революции нечего бояться, – возразил Мухтаров.

– Может быть, и скорее всего, революции действительно не будет, но если это и случится, то будет обозначать конец всему. Дело не ограничится тем, что хамы завладеют нашим достоянием. Они уничтожат всё, что мы создали, им всё равно, что уничтожать – храмы, библиотеки или замки. Лишь бы рушить.

– Митхад, ты обижаешься, когда я называю тебя фантазёром и паникёром. Подумай сам, что ты говоришь? Русские, эти фанатики, позволяют уничтожить свои храмы? Свои православные храмы? Ты думаешь, что говоришь? Как такое возможно? Они их где надо и где не надо строят, а ты – уничтожать. Это невозможно.

– Да, я думаю, и надеюсь, что этого не произойдёт. Они не поладят между собой. Ну, а если поладят, то сами же русские пойдут громить церкви. Границ у безумия нет.

– Митхад, говоришь такую чепуху, а потом обижаешься, когда я тебя паникёром называю. Храмы, даже чужие, никто разрушать не станет, бога побоятся

– Хам боится только занесённой над головой палки, это проверенный факт. Но при чём тут паника, я и сам говорю, что революция невозможна. Но я могу и ошибаться, и если я ошибаюсь, русские снесут и это, – Митхад указал на возвышающуюся над городом громаду собора Александра Невского, – и по всей стране будут уничтожать церкви.

– Не носи чушь!

– И мечети. Но революции не будет. – Митхад повернулся к Плошко. – Не в обиду вам замечу, ведь и поляков в революции много. У нас говорят: леса без шакала не бывает. Но каждая из национальных банд хочет свою, собственную революцию. Армяне свою, грузины – свою. Вот, скажем, поляки, договорятся они с еврейскими революционерами? Как вы считаете?

Плошко сердито взглянул на Митхад-бека, линзы его очков блеснули. Вопрос о статуе интересовал его куда живее, чем о солидарности трудящихся.

– С христопродавцами? Мы народ деликатный, рыцарский, мы – никогда!

Настырность Митхад-бека удивила лесоторговца, среди бакинской элиты был принят отстранённо ироничный взгляд на всё, происходящее в столице империи, такая специфическая форма борьбы за независимость, а этот возмущается убийством премьер-министра, будто его брата убили. Странно. Лесоторговец с удивлением посмотрел на Меликова. Взгляды мужчин встретились, но тут же без интереса разошлись.

Коварство судьбы, кроме прочего, выражается в её умении маскировать самые важные события человеческой жизни обыденностью, придавая им вид заурядных.

Вот и эта встреча лесопромышленника и инженера в кабинете Мухтарова, важная в судьбе каждого из них, причём не только в прижизненной, но и в судьбе посмертной, произошла никак не отмеченной, вполне обыденно. Только Мамед Али почувствовал, не услышал, а будто ощутил, печальное звучание лопнувшей струны. Все подобные сигналы сверхчувственного мира напоминали ему о пугающих визитах господина в клетчатом костюме, оставшихся, как он надеялся, в прошлом. Да ещё эти любимые шайтаном разговоры о разрушении храмов. Мамед Али поспешил попроситься.

А статуя, вызвавшая недовольство Митхад-бека, была очень удачно, за бесценок, куплена архитектором Плошко во время путешествия по Европе. Там она стояла, заброшенная, в старом парке, на засыпанном еловыми шишками газоне. Хозяйка пришедшего в упадок имения отдала статую дешевле цены камня, из которого она была сделана. Плошко статую купил и тут же заломил за неё огромную цену. Мухтаров согласился, хотя необходимости в таком украшении замка вовсе не было. Да и ни о чём подобном они не договаривались заранее. Доставка каменного рыцаря обошлась недёшево. Но и после доставки прибыль от перепродажи составляла хорошую сумму. Коммерческие операции привлекали Плошко намного больше, чем архитектура. Не особенно скрывая раздражение, он распрощался. В тот день последним из кабинета Муртазы ушёл Митхад-бек, сказав на прощанье:

– Всех этих, – Митхад-бек помедлил, – борцов в одну упряжку не запрячь. И революции нечего бояться. А вот зависти опасаться следует. Тем более, таким баловням судьбы, как ты, Муртаза.

***

Когда избитый портовой шпаной Коба уже не мог обеспечивать финансирование большевиков, он стал неинтересен партийной верхушке. Исправить положение можно было только устранением конкурентов, унизивших его. Вайнахов надо было не просто изгнать из Баку, их надо было ликвидировать, да так, чтобы никому и в голову не пришло занять их место. Но вайнахи – это прежде всего неуловимый абрек Зелимхан. Его скрытое, истинное имя силой магии будет впоследствии присвоено столице Чечни – Грозный. Любая попытка противостоять вайнахам из Баку неизбежно приведёт к вражде с этим грозным человеком. Его десять лет безрезультатно пытаются поймать жандармерия. Уже повысили награду за его поимку до восемнадцати тысяч, но всё безрезультатно. Чтобы его убрать, нужен был не обычный, купленный за деньги предатель, а человек, который не побоится мести чеченцев.

Коба вычислял, перебирал кандидатов. Таких немного, но они всё же есть.

Кибиров? Этого осетина выделяет знание Кавказа и его обычаев и, что самое главное, языков. Он подходил лучше всех. Герой русско-японской войны, бесстрашный Кибиров был полновластным хозяином Туруханского края. Как водится, подчинённые усердствовали в написании доносов в Петербург на начальника. При этом

некоторые бумаги доходили до самого министра Макарова, взятки не бравшего, пытавшегося служить честно. Гнев министра был опасен для преступников, и чтобы явное покровительство кавказскому бандиту из революционеров не вызвало министерского гнева, Кибиров приставил к Кобе своего человека, Мерзлякова, для охраны от неприятелей и несения лакейской службы. Ну, а персоны ранга Мерзлякова министерским оком не различимы, да и доносить на такую мелочь нет никакой выгоды. Ни место его занять, ни рвение показать. Так что доносы о дружбе Кибирова и Джугашвили лишились видимых оснований.

Но согласится ли? Шансов сложить голову тут куда больше, чем шансов достичь своей цели. И ничего не мешает ему, согласившись для вида и получив задаток, ходить по разным тропам с Зелымханом, как это делали все его предшественники. Ещё одно препятствие – Коба не любит людей независимых, а этот, кажется, и вовсе неспособен к подчинению. Уверенный, быстрый в помыслах и действиях, немного позёр...

Их решающий разговор состоялся НА БЕРЕГУ ЕНИСЕЯ. Они сидели на низких стульях, сколоченных из распиленных пополам чурок, за столом. В отдалении стоял точно такой же стол с такими же стульями, вокруг которого расположились прислуживавшие им жандармы. И хотя разговор почти всё время шёл на грузинском, это отдаление между столами было соблюдено так, чтобы низшие чины, выполняющие роль прислуги, не слышали разговора поручика и ссыльного.

Коба и Кибиров выпивали, пели грузинские песни. Голос у Кобы был замечательный, поручик лишь подпевал ссыльному. Чужие южные песни среди северного пространства. И было тревожное несоответствие между величественным простором сибирской реки и звучанием грузинских напевов, родившихся в тесных ущельях Кавказских гор.

Коба спросил Кибирова:

– Чего ты хочешь достичь в жизни?

Поручик, подняв склонённую было хмелем голову и посмотрев совершенно трезво, ответил, что предел его мечтаний – сменить это (он пальцем указал на свои погоны) – на полковничьи.

– Почему на полковничьи, лучше на генеральские, – поправил Коба жандарма. – Или боишься, у меня денег не хватит? Хватит, не бойся, мне в Баку много должны, на генеральские хватит. – Ты знаешь, я обещаю на ветер не бросаю. Пообещаю убить, считай покойник, пообещаю помочь, считай полковник.

– А что надо? – Будущий полковник трезво посмотрел прямо в глаза Кобы.

– Зелымхан.

Кибиров криво ухмыльнулся.

– Ясно, пустой разговор.

– Почему пустой, он разве не из мяса и костей?

– Потому разговор пустой, что он абрек. Может не кушать и не пить, три дня не спать, птицу под облаками в глаз застрелить. И ещё говорят, что он уже в Турции, а может, в Персии. Чеченцы убьют меня раньше, чем я узнаю, где.

– Зелымхан неуловим, да, но только потому, что никто всерьёз и не пытался его ловить. Боятся мести. Тебе бояться нечего, вместо тебя целая рота будет числиться в кровниках Гушмазукаева. Пока их всех перебьют, про тебя забудут. И он сам придет туда, где ты его ждешь будешь.

– Мы с тобой выпили, давай не будем вести пустые разговоры. Поешь ты хо-рошо, так давай лучше просто споем вместе какую-нибудь нашу песню.

– Ты говоришь так, будто меня не знаешь. Сколько бандитов я уничтожил в Баку? Там были люди не меньше Зелымхана, может, и побольше были. Я их убрал и за всех них отомстили. Только не мне, а на кого им указано было. А меня родствен-

ники убитых по моему приказу на их поминки приглашали. И за Зелимхана отомстят, но не нам, я такое придумал, когда расскажу, смеяться будешь. Только если согласишься, а так просто говорить не буду.

– Говори, посмотрим.

– Ты согласен?

– Говори, там ясно будет.

– Русские сослали жену Зелимхана вместе с детьми в Сибирь. А мы её вернём. Вот он и прибежит.

– Сможешь вернуть женщину?

– Верну, если договоримся. Ещё обеспечу твою полную власть на Кавказе, никому подчиняться не будешь. Сам себе начальник. Это для начала, а через три года – полковник. Только Зелимхан должен умереть.

– Хорошо, я его убью.

– Договорились. Я верну женщину и ты сам себе начальник будешь.

...Кибиров вернулся на Кавказ, и следом из Петербурга пришла бумага: «беспрекословно и немедленно давать поручику Кибирову войсковую часть или команду по его требованию, не спрашивая, для какой цели». Мечта Кибирова – полковничьи погоны – приблизилась.

...Носить эти погоны Кибиров будет всего чуть больше года, потом его убьют.

Зелимхан действительно был наполовину волк, и постоянный риск обострил его интуицию до максимума. По-волчьи осторожен, по-волчьи храбр и по-волчьи же преданный волчице и щенятам. Осторожность удерживала его от создания собственной постоянной ватаги. Где приближённые, там и предатели. Для каждой вылазки он набирал новых добровольцев. Поэтому когда незнакомый джигит передал через людей, что хочет встретиться с ним, он согласился с одним, постоянным для такой встречи условием – пусть на деле и кровью докажет вражду с властью. Магомет, так представился Георгий Кибиров, легко согласился на проверку и собственноручно, при свидетелях, хладнокровно заколол двух захваченных в плен полицейских.

– Хорошо, пусть придёт, – сказал, узнав об убийстве полицейских, Зелимхан.

С виду Кибиров вроде ему глянулся – высокий, зверь лицом, но вот акцент... На чеченском он говорил с неправильным выговором, так говорят выучившие этот язык.

– Если ты наш, почему так говоришь?

– Русские убили отца, а меня в аманаты забрали, мне пять было, я в Георгиевской крепости вырос. Русские меня Георгием звали. Я родного слова не слышал.

– Скажи, ты против наших воевал?

– Конечно воевал, куда мне деваться. Только я, когда в чечен стрелял, всегда мимо брал. На мне родной крови нет. И всегда случая ждал к своим уйти. Некуда было, вот только ты появился.

Ответы понравились Зелимхану.

Магомет неожиданно протянул руку и взялся за ствол винтовки Зелимхана. Тот инстинктивно дёрнул оружие обратно. Магомет-Георгий улыбнулся:

– Давно мечтал прикоснуться к оружию, из которого убито столько русских. Это честь для меня.

На самом деле Кибиров повернул винтовку так, чтобы стал виден её номер. И он запомнил – 22875. Винтовка – душа абрека, номер его винтовки как имя.

Осторожен был Зелимхан и хитёр.

И перед тем, как напасть, письмом предупреждал – ждите, нападу, и место называл, и время. Предупреждение действовало хорошо, солдатики разбегались, лишь завидев джигитов, вовремя явившихся в обещанном месте. Солдаты разбегались, а слава Зелимхана росла.

...Кибиров же решил ни на какие хитрости не идти. Во время следующей встречи, как только Зелимхан показался, окликнул его и застрелил на месте. А потом уже был разыгран бой, якобы вспыхнувший при задержании Зелимхана, наивные служивые дагестанцы, прятавшиеся до времени в засаде, выполнили приказ и устроили беспорядочную стрельбу в ночи. Их наивность позволила осуществить план Кобы – бойцы милиции согласились сфотографироваться с трупом грозного Зелимхана. Власти распустили слух, будто Зелимхан был убит залпом и что шесть пуль при этом угодили ему в голову. Но цель была достигнута – мстители получили фотографии врагов. Ни один из служивых дагестанцев не прожил и полгода после ликвидации Зелимхана. А поручик Кибиров был объявлен раненым в плечо, для того, чтобы сразу после ликвидации абрека отправить его в Петербургский госпиталь. Так был убит Зелимхан, гроза Кавказа.

***

А в Баку тем временем многое произошло.

Полковник Александров уволился со службы и исчез. Кажется, уехал за границу.

Красота Тани быстро угасла, а Вася, благополучно и так же быстро спившийся, всё же женился на ней. Всё, на что хватало его мужской гордости – это убийство несчастного Волчка – верный пёс потрепал хорошенько нового хозяина. Тот, напившись до чёртиков, убил топором сидящего на цепи пса. Хозяйка рыдала полночи над трупом собаки и своей неудавшейся жизнью. Но уже утром она оправилась от потери единственного верного своего друга и занялась обычными делами. Волчка зарыли прямо возле барака. Почти так же легко она пережила через четыре года и смерть своего сына от рябого любовника. Вася пил, но работал на вышках исправно, несмотря ни на какие изменения во власти. И так бы благополучно дожил до старости, если бы однажды в пьяном угаре не решил изменить свою жизнь к лучшему. К несчастью, он умел писать и попытался напомнить товарищу Сталину о прошлых делах. И бедная Таня, вслед за Волчком и сыном Илюшей, похоронила и мужа.

Имран Касумов, подрядчик, неизвестно по какой надобности взобравшийся в предрассветный час на фронтон замка Мухтарова, встретив страшный каменный взгляд статуи, в ужасе отшатнулся, потерял равновесие и упал на деревянный настил строительных лесов. Он поранился о гвозди, и началась гангрена. Имран умер не сразу, промучился несколько дней, в бреду умоляя прогнать каменного человека. Его жена, красавица Рубаба, по наущению шайтана через неделю после смерти мужа покончила с собой.

Узнав о трагедии, Митхад-бек хотел было сразу отправиться к Муртазе-беку, но потом решил, что идти поздно, надо было в своё время найти слова, способные удержать друга от безумного решения соорудить готический замок в городе Баку. С покойным Имраном у Митхада были дружеские отношения. Их связывало многое, в том числе и театр. Имран был страстным театралом, Митхад же театр не любил. Было о чём поспорить.

– Зачем нам театр? Чтобы женщины во время антракта имели возможность продемонстрировать свои драгоценности? Да мог ли быть король Лир а мусульманской стране? И где встречались бы Ромео с Джульеттой? Фокусы, обезьяны и говорящие попугаи – вот наши зрелища. Да, ещё и канкан, но это только для мужчин.

Имран с Рубабой смеялись, но спорили с Митхад-беком. Теперь их не стало. Двух молодых, красивых и весёлых людей. Митхад говорил, что именно эта пара даёт ему надежду на преобразования в народе, о которых мечтал его отец. После трагедии, случившейся на строительстве замка, Митхад много чего имел сказать Муртазе. Но подумал и решил не говорить и не ходить вообще.

Вскоре тот сам позвал Митхада. По городу ходили слухи, что на недавно построенном замке Мухтарова по ночам стали являться огненные знамения, какие-то фигуры. От визита к Муртазе Митхада удерживала невозможность найти верный тон, в котором бы отсутствовал даже намёк на «я ведь предупреждал». Даже само умолчание темы разговора о неуместности статуи было громким напоминанием. Громким и недостойным.

Муртаза прислал за ним посыльного и ждал Митхада на крыльце замка. Большинство окон было не освещено, только три, расположенных на первом этаже, светились неярым оранжевым светом газовых светильников. И ещё одно окно, круглое, подобное окоу циклопа, разделённое шестиугольником внутренней рамы, в самом верху фасада выделялось в ночи таким же тусклым мерцающим пятном. Громада готического строения, сумеречный свет его окон произвели на Митхада подавляющее впечатление. То, что он видел сейчас, было неоспоримым доказательством его слов о неуместности и ненужности этого замка в древнем азиатском городе. Мощный порыв северного ветра подтолкнул инженера в спину, заставил поспешно сделать несколько вынужденных шагов. Бакинский норд – ожившая, летучая стужа – нёс сухие листья и бумагу вдоль улицы. Муртаза-бек, придерживая левой рукой готовую улететь шляпу, шагнул навстречу Митхаду. Они поздоровались, и Муртаза указал на тёмную сторону замка:

– Вот.

Мрачная стена, тёмные окна, было неясно, на что указывает Муртаза. Потом на фоне стены и окон вспыхнуло бледное оЧёртание какой-то фигуры или знака, вначале слабо освещённое, неразличимое. Муртаза и Митхад молча стояли рядом, почти касаясь плечами. Зеленая линия на стене постепенно становясь ярче, обрисовала профиль фигуры всадника на фоне островерхих горных вершин, потом начала гаснуть, Митхад обратил взгляд на Муртазу, тот в ответ сделал знак рукой – жди. Зеленая линия погасла, но почти тут же начала обозначаться другая, того же цвета, и когда её оЧёртания приобрели законченный вид, то явился силуэт старца в папахе. Длинная борода асакала касалась страниц развёрнутой перед ним книги. И было неясно, что больше вселяло ужас – огненные силуэты, сменяющие один другой, или завывание ветра.

– Пойдём, – пригласил Муртаза.

Когда они вошли в фойе, прислуга зажгла газовые фонари, их свет слился с бликами каминных огней, заставив мрак спрятаться в потаённых углах межкомнатных коридоров. Сохраняя молчание, они сели в широкие кресла. Появился слуга со столиком на колёсах.

– Я хотел скрыть от Лизы, что случилось с бедным Имраном, но разве это возможно скрыть, – нарушил молчание Муртаза. – Кое-как убедил её, что это просто несчастный случай. Но после этих светящихся изображений она, конечно, впала в панику. Я тебя позвал для того, чтобы узнать, что ты думаешь о знамениях на замке. Ты – единственный, кто меня уговаривал отказаться от этого строительства. И, думаю, один из немногих, кто не обрадовался смерти нашего друга.

Вой ветра в камине и ледящий холод, неосязаемый в уютной комнате, но угадывающийся в этих завываниях, и вид замка снаружи, оранжевый, мёртвый свет круглого окна в вышине, всё это, казалось, Митхад уже видел и слышал, возможно, недавно, возможно, очень давно.

– Ты знаешь, брат, что я тебе скажу. И ты знаешь, что я буду прав. А я знаю, что ты – Муртаза, и я напрасно потрачу свои слова. Так вот, если кто-то в этом городе заплатит тебе хоть какие-то деньги, продай замок и уезжай как можно быстрее. Преодолей своё упрямство, бросай всё и уезжай. Если покупатель не найдётся, просто уезжай, бросай и уезжай. Сейчас, стоя перед твоим замком, я почувствовал, как беда опускается на наш город. Уезжай из него, Муртаза.

– Не хочешь выпить? – спросил Муртаза, указывая на бокалы. – Английский виски, пятнадцать лет.

– У тебя в доме появился алкоголь?

– Имран не придерживался шариата, и даже его жена порой составляла ему компанию. Когда он погиб, я ощутил желание помянуть их. И Лиза не была против, чтобы я выпил. Хотя раньше мы решили, что в нашем доме алкоголя никогда не будет.

Всё только что увиденное и услышанное заронило такую тревогу в душу Митхада, что он неожиданно для самого себя стал рассказывать Муртазе о своих смутных опасениях и предвидениях.

– Муртаза, брат, ты видел силуэт всадника. Всадник – это война. Ты видел ствол винтовки у него за плечом? – Муртаза отрицательно покачал головой. – Возможно, мне со страху померещилось, но в любом случае всадник – это символ войны. Пулемёт и аэроплан сделали войну невозможной – пилот аэроплана, стреляя из пулемёта, может уничтожить сотни солдат неприятеля с воздуха, сам не подвергаясь опасности, вести такую войну – чистое безумие, и никто, конечно, на такое не решится. Наш император несколько раз пытался начать разговор о разоружении всех европейских стран. Думаю, в этом нет необходимости. Мощь нашей державы – вот порука безопасности для всего мира. Правительства западных стран помнят опыт Наполеона, и никто не решится его повторить. Война в двадцатом веке невозможна. Война невозможна, но ты помнишь, в прошлый раз я говорил, что революции не будет, потому что бандитам не договориться, а значит, бояться нечего. Сегодня я внезапно понял, что договариваться им незачем. Просто появятся те, которые призовут к топору, и мужик пойдёт за ними. Революция – как ненастье. Чтобы было ненастье, не нужны никакие условия, кроме самого ненастья. И вот если в результате войны рухнет держава, то война, даже с пулемётами, аэропланами и бронепоездами, может начаться. Это будет страшная, невообразимая война, людей погибнет больше, чем выживет, а то, что революционеры учинят здесь, не дано вообразить никому. Они войдут в чужие дома и назовут их своими. Они будут насиловать чужих жён на глазах их мужей и детей. Они захватят твой замок и будут праздновать свои праздники, сидя в Лизином доме, устроят в нём тойхану, Дом Свадеб, в замке, который ты подарил Лизе, они будут устраивать свои свадьбы.

– Ну вот, опять тебя понесло, брат. Какая ерунда, кто же в это поверит?! Да, война и революция возможны, но душа у нашего народа мусульманская, наши люди не язычники, чтобы, выгнав хозяев, праздновать свадьбы в их домах. Люди просто побоятся творить такое, на небе есть Аллах, и он накажет.

– Я знаю, что напрасно трачу слова. Ты старше меня, но ты безнадежно наивен. Отличие хамов – в отсутствии божьего страха. Хам боится только занесённой палки, больше ничего.

– Хорошо, если ты такой умный, чего тогда ты ждёшь? У тебя нет ни замка, ни семьи. На немецком говоришь лучше немцев. Чего же ты здесь делаешь?

– Мама не уедет от папиной могилы и мне не простит, если я уеду. Девочки, сёстры, другое дело. Русские говорят – куда иголка, туда и нитка. Мне нельзя. Я иголка, не нитка.

– Честь не позволяет тебе уехать из постылого города, надо же. А других ты подозреваешь чёрт знает в чём. Думаешь, наши люди придут в чужой дом и будут в нём устраивать праздники. Митхад, знаю, ты в мечеть не ходишь, а напрасно. Помолился бы, чтобы Аллах вернул тебе разум. Никакой мусульманин не придёт в чужой дом против воли хозяина. И если всюду будет война, куда бежать?

– Может, и некуда, дослушай, что я хочу сказать. Аксакал над книгой – это, скорее всего, дух этого города. Он хочет предупредить жителей о грядущем, о записанном в книгу. Увы, мы можем только догадываться, о чём там написано. Всадник и читающий старец – вот предупреждение этому городу.

Варвара проснулась от храпа. И тут же вспомнила вчерашний день. Со страхом посмотрела туда, откуда доносился храп. Белокурый, немного грузный мужчина спал на боку, с повернутым вверх лицом. Рот его был приоткрыт. Правильные, мужественные Чёрты лица... Исправить ничего было нельзя.

Неожиданно человек открыл глаза, потянувшись к ней, обнял и попытался привлечь к себе. В ужасе и со злобой Варвара оттолкнула его двумя руками. Мужчина улыбнулся:

– Если хотите, будем считать, что ничего не было. Хотя сами настаивали, чтобы гостиница была по высшему разряду. Я и постарался, чтоб не только гостиница была по высшему.

Он засмеялся. Голос был знаком Варваре, вчера она слышала слова, сказанные о её красоте, произнесённые этим бархатным, густым басом.

Вчера она провожала Мир-Ахмеда на вокзале. С ней была Ольга Васильевна, её новая и единственная миланская подруга. После того, как поезд, увозящий Мир-Ахмеда, отправился, и они собрались ехать в город, Ольга встретила на перроне своего приятеля, молодого полковника русской армии Анатолия Андреевича. Галантный полковник пригласил женщин в привокзальный ресторан, оказалось, накануне он крупно выиграл в казино и теперь собирался отпраздновать удачу. Варвара было отказалась идти, но Ольга упростила, да Варваре и не хотелось оставаться одной. Полковник был мил и подчеркнута предупредителен, к тому же Варваре после отъезда мужа было не с кем словом обмолвиться – итальянского она не знала, одиночество навалилось сразу.

– Кажется, удача сопутствует мне во всём, надо же, вот только из казино, на вокзал, решил съездить куда-нибудь, раз уж так повезло, а тут ещё и Оленьку встретил. Перст судьбы, милые дамы, давайте вместе отпразднуем удачу.

Анатолий Андреевич улыбался так просто и открыто, Варваре казалось, что она знает этого хорошего человека пропасть времени.

– Анатоль, Варя только что проводила мужа, он по делам отбыл в Россию, мы здесь, на вокзале, случайно и не можем злоупотреблять таким счастливым стечением обстоятельств. Твой выигрыш и наша случайная встреча – так всё совпало!

– Выпьем бутылку шампанского, отпразднуем, чтобы удача, обидевшись, не отвернулась от меня. Кстати, я только что приехал из Парижа, расскажу кучу интересного из тамошней жизни.

Варвара никогда не бывала в Париже, ей стало интересно. О том, что офицер, служивый человек, не может проводить всё своё время в путешествиях, она и не подумала. Только из Парижа и снова собрался в путь.

В ресторане вокзала официант уже открыл вторую бутылку, и откуда-то появился друг Анатолия Андреевича, тоже военный, но служивший не в русской армии, а, судя по его необычного вида форме, сшитой из тонкой белой материи, в какой-то другой. Варваре было интересно, в какой же, и лишь только друг Анатолия Вадим сел за их стол, она, уже выпившая бокал, придавший ей смелости, спросила. В ответ Вадим лишь загадочно улыбнулся. Он сел за стол, и Анатоль тотчас сообщил своему другу о выигрыше в казино.

– И ты тут сидишь и спокойно пьёшь это шампанское? Ты сегодня отмечен удачей, дорогой друг, и просто так отказываться продолжать играть – безумие, она никогда больше не улыбнётся тебе. Единственное твоё оправдание – общество, в котором ты здесь празднуешь свою удачу, точнее, то, что от неё осталось. Единственное оправдание. – Вадим поочерёдно взглянул на Варвару и Ольгу, задумался на мгновение. – Но и это поправимо, дамы составят нам компанию, а мы прямо сейчас вернёмся и продолжим. Едем в казино.

В казино Варвара не была с тех пор, как сбежала с Мир-Ахмедом в Баку. И думала, что никогда больше не будет.

Приехав в казино, женщины и офицеры поделили часть выигранных накануне Анатолием денег, сделали ставки и все проиграли. Тогда решили, что играть должен один только Анатолий, раз уж удача сегодня принадлежит ему. Но и он проиграл, снова поставил и снова проиграл. Полковник даже не пытался скрыть своего раздражения. Товарищ, притащивший его снова играть, видимо, просто позавидовал его удаче.

– Это вот всё, что я выиграл, – сказал он, делая ставку.

Сказал – и выиграл, точнее, отыгрался. Выигрыш подействовал чудесным образом – он снова повеселел. Ольга предложила закончить игру, но Варвара настояла на продолжении.

– У меня есть деньги, я попробую.

Конечно, она проиграла, и Вадим, чтобы её утешить, поставил за неё и за себя. Весь выигрыш он галантно уступил женщине, но сказал, что теперь она, как выигравшая, должна пригласить всю компанию в ресторан.

Когда ехали из казино в ресторан, Варвара оказалась в одном экипаже с Вадимом.

– Этот город полон сказочной красоты, – сказал вдруг тот и указал на собор, будто сделанный из кружева. – Мне кажется, что и ты родом отсюда. – Обращение на «ты» покорило Варвару. – Ты такая же красивая, как этот город. – Она собралась ответить, но неожиданно мужчина уверенным, неторопливым движением снял перчатку и запустил руку к ней в декольте.

Варвара ударила бы его, но он так подвинул её к себе и поцеловал в губы, что на размах не хватило места. Да и силы не хватило, слабость вдруг овладела ею. Одна только мысль – что я делаю, целуюсь с незнакомцем в карете – успела промелькнуть в её голове.

Но они уже и приехали, и Вадим теперь сидел прямо, смотря в окно, как ни в чём не бывало. Не устраивать же скандала, это ещё хуже и вульгарнее. Проще было сделать вид, будто ничего и не было. Вадим, выйдя из экипажа первым, подал руку, но она не оперлась на неё. Ольга сразу подбежала к ней и защелкала о поездке, и вообще, какое чудесное получилось приключение. На её лице отразилось такое искреннее изумление и разочарование, когда Варвара холодно сказала, что едет домой.

– Ты что, Варечка, ты же обещала отвести нас в ресторан, как же так. – И добавила тихо: – Может, Вадим обидел тебя, от этих военных всегда можно ждать чего угодно. Привыкли к грубости обращения, их просто надо держать в рамках. Ну ты же обещала.

Опечаленный вид подруги подействовал на Варвару, к тому же ей не хотелось оставаться одной в опустевшей после отъезда мужа квартире, она боялась одиночества и промолчала, а Ольга, вмиг повеселев, радостно чмокнула её в щёку.

– Ну вот и чудесно, не портить мне такой чудесный день, мы просто отметим нашу удачу, она так ревнива, эта капризная госпожа, поверь мне, с ней шутки плохи.

За столом в ресторане женщины сели рядом, кавалеры напротив – возбуждённая, раскрасневшаяся Ольга смотрела на Варвару с нескрываемым восхищением, редким для женщины, старшей на семь лет своей подруги. После первого тоста за удачу Ольга почти сразу произнесла:

– Выпьем за красоту, господа, а это значит, выпьем за мою Варвару. Красивая всегда, но такой красивой, как сегодня, я её ещё не видела, сегодня она особенно хороша, и я хочу посмотреть, как она осушит свой бокал – а вдруг станет ещё красивее.

«Ну и пусть смотрят, пусть видят, всё равно, ведь ничего не будет, немного развлечёмся и разойдёмся навсегда», – подумала Варвара, ощущая на себе жадные взгляды офицеров.

– Вадим так на тебя смотрит, я ещё не видела, чтобы этот донжуан так смотрел на женщину, обычно он оценивает, а сейчас просто восторгается, – тихо прошептала на ухо Варваре Ольга. Контроль над собой и всем происходящим с ней Варвара утратила, когда к заказанным ей двум бутылкам добавилось ещё две. Уверенный мягкий бас Вадима, весёлый смех Ольги – она воспринимала только звучание слов, но не их смысл. Когда Вадим сказал ей, что они поедут к нему, Варвара, будто очнувшись, ответила твёрдо – нет. Но, потом, кажется, добавила неуверенно:

– Отвези меня в гостиницу.

Но точно она не запомнила, сказала это вслух или только подумала. Он и выполнил её желание. ...Белая военная форма, аккуратно сложенная, лежала теперь на стуле, а её платье, бельё и чулки, смятые как попало, валялись на другом. Решившись, Варвара поднялась и подошла, голая, к зеркалу. Ничего не изменилось в её облике, по-прежнему свежем и юном. Вот только след от поцелуя на нежной шее, а так – словно ничего и не было.

Внезапно ей стало страшно, только теперь, увидев своё отражение в чужом зеркале, она до конца поняла непоправимость произошедшего накануне, и, отойдя от зеркала, начала поспешно одеваться. Вадим, лежа, опершись на локоть, улыбался, наблюдая за ней. Когда она направилась к двери, сказал ей вслед – если захочешь меня найти, спроси у подружки. Она знает, как это сделать.

***

Мир-Ахмед устроившись в купе, было вздремнул, но проснулся, когда вошёл его попутчик – немолодой, очень высокий мужчина с серьёзным, не улыбочивым лицом. Попутчик оказался журналистом из Вены, он ехал по заданию редакции в Варшаву. Несмотря на некоторую свою внешнюю хмурость, попутчик, его звали Макс, оказался общительным и разговорчивым человеком. Макс вёл в своей газете отдел политики.

– Россия проглотила больше, чем сможет переварить. Множество диких народов, их трудно будет удержать в узде. Дикие люди в Азии, дикие евреи и чухонцы на западе страны, их совокупная энергия разорвёт государство, трону не устоять.

Мир-Ахмед не любил разговоров о политике, но из вежливости не прерывал журналиста, а даже поддержал разговор.

– Не такие уж мы и дикие, – возразил он.

– В том то и дело, русские, безусловно, европейский народ, с великой культурой, вы – часть нашей общей европейской цивилизации. Но азиаты, но поляки, жители прибалтийских краёв, евреи, они всегда будут нести разрушительный потенциал, они никогда не приобщатся к цивилизации, это было так неосмотрительно, объединять эти племена в одно государство.

– А я не русский, мой народ скорее сродни туркам, чем русским.

Макс не стал скрывать изумление.

– Но вы так говорите на немецком...

– Словно русский, – засмеялся Ахмед.

Макс поддержал шутку, засмеявшись вслед за Ахмедом.

– Нет, я просто подумал что вы, безусловно, человек европейской культуры, ни на секунду не заподозрив в вас выходца из Азии.

– Я живу сейчас в Милане и у меня русская жена. Наш быт налажен на русский лад, возможно, всё это ввело вас в заблуждение.

– Но вы, наверное, мусульманин, а как же так, ваша жена – она иного вероисповедания.

Любимый женский образ возник в сознании Ахмеда, он улыбнулся.

– Мою жену зовут Варвара, она мне дороже, чем все мусульманские святыни, вместе взятые. Если бы она настояла, я бы перешёл в православие.

***

Анатолий Андреевич и Ольга Васильевна ссорились. Причиной были деньги.

– За такую женщину, как моя Варя, любой бы сам отдал сколько хочешь, а тут я вам ещё и плачу, и тебе всё мало. Поиметь такую и получить за это целую тысячу, да у тебя просто нет совести.

– Не будем о совести, просто не надо об этом, это лишнее, и я никого не имел. Ванька, да, её оттараканил, но и он не тысячу получит, половина тысячи моя. Вот я и говорю – две, одна ему, одна мне. Ты-то сколько будешь иметь с этой курочки? Сколько золотых яичек она тебе принесёт?

Полковника Вадима на самом деле звали Иваном, Вадим – это был его творческий псевдоним, и Ольга с Анатоном между собой называли его настоящим именем.

Ольга искренне жалела, что однажды, поддавшись порыву откровения, вслух произнесла это слово – «курочки». Так она называла всех своих подруг, «обработанных» Анатолием и Иваном. Нет, она никогда не опускалась до прямого шантажа, но и своего не упускала.

– А давай в память о твоём приключении купим этот браслет, – говорила она очередной «курочке», покусывающей губы от бешенства и возмущения, и та, чтобы быстрее избавиться от свидетельницы своего позора, покорно доставала бумажник. – Великолепно, ты посмотри, какая красота, – и Ольга показывала красоту, тут же надетую на своё запястье.

Но отделаться от неё одним браслетом, кольцом или колье было невозможно. Ольга прекрасно была осведомлена о доходах обманутых с её подачи мужей «курочек». И регулярно, мягко напоминая о своей осведомлённости о позоре, требовала проценты с чужого дохода. «Курочки», как правило, платили. А куда деваться? Развод, позор, дети, растущие без отца – вот альтернатива отказа от платы за молчание. Анатолия и Ивана она звала своими полковниками, видимо, в уме числя себя генералом. Суммарный срок службы военачальников составлял круглый ноль, но это несколько не мешало им носить мундиры с пышными эполетами.

Анатолий давно был знаком с Ольгой, Ивана она привлекла к промыслу после, втроём было легче обдывать дела. Правда, делить доходы на троих труднее, споры из-за денег всё чаще угрожали процветанию этой тайной компании. Человек, ставший бы свидетелем спора Ольги с Анатолием о деньгах, не мог бы не восхититься их артистизмом во время работы. Вне профессиональной сферы это были другие люди. Совсем другие, весь лоск и аристократизм были отброшены, какие там манеры, когда распалённая, покрасневшая Ольга кричала:

– Да ты просто хочешь обмануть и ограбить меня, ведь рискую только я одна, и всё делаю я, а ваша работа приятная и безопасная. Вспомни, ты вспомни про осечки. И где вы тогда были?

То, что она называла осечками, случалось не часто, но всё же случалось.

Одна русская аристократка плюнула ей в лицо, едва только Ольга проворковала «а давай купим».

Хуже было случившееся с Евой Спектор, еврейкой из России, любовницей важного итальянского чиновника. Пожилой человек, её любовник, был очень ревнив, и дело казалось решённым заранее, после ночи с «полковником Вадимом» Ева отвалит, сколько ей скажут. Но Ольга не учла темперамента и практицизма Евы. В ответ на её «а давай купим» та сразу запустила ей в голову тяжёлую хрустальную пудреницу. Ольга уклонилась просто чудом, осколки разбившейся пудреницы засыпали её, а появившийся тут же слуга схватил трясушную и отряхивающую платёе женщину и вытолкнул на улицу. Потом Ева ещё преследовала Ольгу, угрожая рассказать своему любовнику о банде аферистов, вздумавших шантажировать её, ни в чём не повинную, страстно любящую своего пожилого возлюбленного. Могло дойти до суда или до дуэли, и лишь щедрые подарки заставили успокоиться полную справедливого гнева Еву.

Но самый плохой и непоправимый оборот дело приняло с молоденькой, как Варвара, тоже русской девушкой, ещё даже не замужней. Всё было так же, как с Варварой, случайная встреча на вокзале, необходимость отпраздновать неожиданный выигрыш, правда, в казино они тогда не вернулись, в случае с Варварой казино появилось потому, что Ольга сумела так расспросить Варвару, что она неосторожно рассказала о своём прошлом увлечении игрой. И Ольга включила в сценарий казино. Дорого, зато верно. А в тот раз после празднования карточного выигрыша женщина просто очнулась в номере с полковником Вадимом. На другой день она повесилась, к счастью, не оставив никаких прощальных писем. Но все убытки понесла одна только Ольга. Вот о какой несправедливости она напомнила Анатолию.

И у него, конечно, тоже были аргументы большой убойной силы.

– А княгиня Печорская, экспонат, барыня из кунсткамеры, пьяная в хлам, разбрызгивавшая слюни, и пудра сыпалась с неё, – люби меня, Анатоль, люби меня. Она чуть ли не в матери мне годилась, и изо рта скверно пахло, она до сих пор, кажется, платит тебе за то, как я её оттараканил. Для тебя ведь старался. Так что не надо, Оля, вспоминать про осечки и про справедливость. Работа есть работа. И я её, при моей всеядности, всегда найду, а вот ты без меня – едва ли.

Подумав, Ольга согласилась добавить ещё пятьсот, тайком от Ивана.

– Он своё и так получил, вдобавок мне вначале необходимо узнать, чем всё у них там закончилось.

– Хорошо всё закончилось, у Ваньки неудач не бывает, всё всегда гладко проходит. А про то, что он и так больше меня получил, это ты права. Ягодка, не женщина. Бюст, попка, кудри – всё при ней. Я ещё долго облизываться буду.

***

Мир-Ахмед настолько подружился с Максом, что они договорились переписываться, Макс хотел знать как можно больше о жизни в азиатской части Российской империи, о межплеменных различиях, о степени готовности туземцев вступить в европейскую жизнь.

– Всё это очень интересно и гораздо лучше было бы, конечно, съездить самому и увидеть своими глазами, но в азиатских странах тебя всегда ждёт настороженность и недоверие туземцев. Вдобавок я, к сожалению, не знаю ни одного из азиатских языков, и даже русского не знаю. Со мной никто из туземцев просто не станет говорить, встреча и знакомство с вами – для меня профессиональная удача. Удача журналиста: вы уже рассказали много такого, чего бы я никогда не узнал, даже если бы прожил в вашем Баку несколько месяцев. Кавказ – самое интересное место на земле. Но и самое опасное.

– Насчёт опасности не стану спорить, а вот интерес, думаю, что здесь вы не правы. Скучная жизнь похожих друг на друга людей, их зависть и хвастовство, взаимные интриги. Вот сейчас я взглянул на всё это вместе с вами, по-новому, глазами европейца, пишущего статьи для газеты, и, согласен, возможно, всё это снаружи интересно. Но жить в этом, поверьте, очень скучно. Так что удача была взаимной, я смог по-новому взглянуть на наш маленький, корыстный, очень примитивный мирок. Жадность и зависть, зависть и жадность, больше ничего и нет.

Макс возразил:

– Но пример вашей семьи, пример двух людей, преодолевших сопротивление традиций и предрассудков, этот пример порождает надежду. Скоро наступят перемены, и на Кавказе люди будут вести достойную жизнь. Вы заинтересовали меня темой Кавказа, и я захотел написать серию очерков об этом месте. Возможно, мы скоро увидимся в вашем древнем Баку.

***

Ольга Васильевна взялась за дело решительно, не видя теперь оснований особо скрывать перед Варварой своей роли в произошедшем накануне. Как говорится, что есть, то и есть, и никуда от этого не деться. Но начала она всё-таки не с разговора о покупке драгоценностей. Весьма осмотрительно.

– Ты знаешь, он просто в восторге от тебя и попросил меня устроить новую встречу, – сказала Ольга Варваре тоном заговорщицким и довольным.

Варвара молча и с тоской смотрела на оживленную, весёлую подругу. Как она раньше могла не видеть её очевидно низкого пошиба, её фальши и плебейской деловитости буквально во всём. Новая встреча. Вот за кого она её принимает. Принимает и не ошибается, всё правильно. Да, она та женщина, что обманывает своего мужа. А Ольга продолжала:

– То, что этот твой человек с гор ничего и никогда не узнает, это моя забота. Но я бы на твоём месте не согласилась сразу на повторение, пусть...

Варвара поднялась с кресла и, глядя сверху вниз на продолжающую сидеть и говорить Ольгу, тихо сказала:

– Ольга Васильевна, в том, что мой муж обо всём узнает, можете ни на секунду не сомневаться. Это уже моя забота.

Дежурное «а давай купим» застряло, оставшись намерением, не успев превратиться в колебания воздуха. Кажется, дело срывалось. И расходы на рестораны, казино и полковников могут лечь теперь на неё одну.

– Ты с ума сошла, он же тебя убьёт. Ничего говорить не надо. Если не сказать, то ничего и не было, – изменив тон, очень быстро и озабоченно произнесла она.

– Уходите, иначе сейчас дворецкого позову, – также тихо продолжила Варвара.

И хотя Ольга знала, что никакого дворецкого нет, и, судя по развороту событий, уже и никогда не будет, она поняла по тону, что лучшее, что можно сделать, это подняться и уйти. Так она и сделала.

Варвара с тоской и удивлением смотрела вслед невысокой, полнеющей женщине, пытавшейся ступать грациозно. Как легко, мимоходом, такое ничтожество побило её жизнь.

***

Информация, полученная майором Максом фон Нортоном от случайного попутчика, была ценной. Наивность редко сопровождается осведомлённостью, но Макс повезло. Мир-Ахмед, истинный сын странного города, с древних времён расположенного на пустынном полуострове в Каспийском море, столь интересного для разведок европейских стран, действительно видел жизнь Баку одновременно изнутри и со стороны. Такое уникальное видение делало его ценным источником полезных сведений. Вдобавок это был простой и прямотдушный человек. В результате правильно построенной и непринуждённой беседы родилось сообщение, переданное майором в генеральный штаб.

«В результате проведённой работы удалось найти подтверждение уже имеющейся информации о том, что южная окраина Российской империи, расположенная между Чёрным и Каспийским морями, представляет собой не однородную субстанцию, а территорию, населённую враждебно настроенными по отношению друг другу и к русским народами. Большая часть здешних народностей и племён исповедуют ислам, отчасти просто оттого, что видят в этом возможность противостоять экспансии русских, но основные народы этого края – и по численности и по значимости – это христианские народы: армяне и грузины, Есть незначительная, но весьма мощная финансово прослойка татов, исповедующих иудаизм.

Среди основных противоречий этого края следует отметить вражду между грузинами и их соседями, меньшими по численности мусульманскими народностями. Вражда эта, то затихая, то вспыхивая с новой силой, длится веками и имеет глубокие корни. А в нефтеносном районе Баку, как естественно, так и с помощью внешних сил, с недавнего времени зародилась вражда между армянами и татарами. Использование этого полезного факта имеет блестящую перспективу. Несмотря на миролюбие обоих этих племён, оба они склонны к мстительности, и их вражда очень успешно может быть использована для разрушения любого государства, объединившего их под своей властью. К счастью, здесь, как и во многих других районах мира, ненависть нашего правителя к англичанам удалось представить в виде любви к мусульманам. Просвещенная верхушка татарского племени разделяет это заблуждение и считает нашу страну дружественной. Армяне и грузины, напротив, настроены на англо-французский лад. Но и эти народности могут быть весьма полезны, поскольку их революционный настрой очевиден.

В революционном движении России и армяне, и грузины играют важную роль. Представляется необходимым использовать эти силы максимальным образом. Но действия в этом направлении должны быть совершенно замаскированы от внимания татар, в своём подавляющем большинстве лояльных по отношению к русской власти. Среди сколько бы то ни значимых революционеров отсутствуют представители татарского племени. Впрочем, можно предполагать изменения настроений внутри этого племени в случае оккупации региона Турцией, этнически и религиозно близкой татарам. Всё будет зависеть во многом от того, насколько сильно будет терроризирована татарская масса организованными и сплочёнными национальной идеей армянами. «Солнце светит только для армян, остальным его лучи достаются по недоразумению», – вот этот лозунг, уже нашедший множество приверженцев, и повсеместное утверждение его имеет весьма благоприятные перспективы в этом краю. Самое главное направление работы на Кавказе – безусловно, использование армяно-татарского антагонизма, стремительно разрастающегося на фоне борьбы за нефть. Все остальные противоречия, как бы глубоки они ни казались, играют второстепенную роль.. Вражда армян и татар должна приобрести, помимо прочего, характер религиозный. Это хорошо укрепит её и наполнит новой энергией».

Доклад майора Макса фон Нортонна хоть и не содержал ни конкретных сведений и цифр, ни новых сведений, был отнесён к числу полезных. Конечно, сведения и заключения майора были сопоставлены с информацией из других источников и перепроверены, в результате он получил указание продолжить свои сообщения. К удаче для майора, это указание совпало с овладевшим Мир-Ахмедом желанием рассказывать обо всём, что он видел вокруг себя, глядя на привычный свой мир если не глазами европейца, то человека, живущего в Европе. Теперь, когда центр его вселенной перенёсся в Милан, и он решил перебраться туда окончательно, многие привычные вещи в Баку вдруг стали казаться ему диковинными, требующими обсуждения с кем-то. Случайный попутчик, любознательный и образованный, безусловно, был таким человеком. Всё в нём располагало к прямому, откровенному рассказу о жизни диковинной, непохожей на европейскую,.

Фон Нортон выглядел как человек действия, не склонный к поддержанию пустых разговоров. И это подталкивало Мир-Ахмеда говорить о вещах конкретных и вызывающих интерес у собеседника. Умение фон Нортонна выражать этот интерес глазами добрыми и умными, неожиданными на грубом, по-лошадиному вытянутом лице, вызвало энтузиазм рассказчика. Сам не зная почему, Мир-Ахмед старался быть интересным.

Прощаясь вскоре после пересечения границы Российской империи, попутчики обменялись почтовыми адресами. И проезжая Владикавказ, Мир-Ахмед поймал себя на том, что мысленно рассказывает обо всём увиденном своему недавнему попутчику.

Встреча с семьёй – событие, по определению, радостное, имело оттенок если не горьковатый, то какой-то странный. Собрались в доме на Малой Крепостной, на третьем этаже, в пустовавшей комнате, так и не ставшей жилищем для семьи Мир-Ахмеда и Варвары. Рассказывая о своей счастливой жизни в Милане, Мир-Ахмед не мог не замечать выражения лиц сестёр, напряжённого и серьёзного, – такого, будто в их присутствии кто-то допускал скабрёзные шутки. Осуждающее, но опущенные и спрятанные взгляды, отрывающиеся от созерцания пола лишь для того, чтобы, встретившись, одобрить и приободрить друг друга, ханжеские улыбочки – всё это не могло миновать внимания рассказчика. И только счастливое лицо Степаниды Никифоровны и спокойный, полный понимания взгляд зятя, давали силы продолжать говорить.

Степанида сдала за последние несколько месяцев, проведённых в беспокойстве. Её доброе морщинистое лицо хоть и светилось счастьем, но выглядело непорочно усталым. Изя, неизбежный участник семейных собраний в доме на Малой Крепостной, томился, во-первых, потому, что неловко было перебивать рассказчика, да и никто бы не стал его слушать. Сидеть же молча ему было трудно. Во-вторых, надо было притворяться, изображая одновременно и радость, и сдержанную скорбь по поводу разлома, произошедшего в семье его друзей. Вроде, рад всему хорошему, но готов и на всякий случай скорбеть, в меру, разумеется. На самом деле Исаак, конечно же, просто радовался, что теперь у него есть друг в большом европейском городе. Случись туда поехать, а он уже планировал это, будет близкий человек на чужбине. Ну и естественная радость за сумевшего хорошо устроиться друга, радость, которую лучше скрывать от его сестёр, недолюбливавших Изю и ненавидевших Варвару. Лишь один только раз Исаак не удержался от выражения чувств, вызванных рассказом Мир-Ахмеда о чудесном городе Милане.

– Да, – протяжно и с нескрываемой завистью сказал он, – хорошо, конечно, надо и мне туда поехать, посмотреть, что и как. Может, и я там останусь. Мне-то чего, был еврей, стал европей, надо навести справки, разузнать и поехать. Так что жди в гости...

Мэстан выражал незамысловатые свои чувства по поводу приезда Мир-Ахмеда. За время отсутствия Мир-Ахмеда кот лишился правого глаза и приобрёл вид разбойничий и бесшабашный. Но слова, угадывавшиеся в его радостном мурлыканье, были полны счастья и покоя. Вот, появился, наконец, хозяин и друг, можно покойно устроиться у него на коленях и урчать, урчать сколько хочешь. Кот даже отбросил обычное напускное своё высокомерие победителя и триумфатора множества поединков на крепостных крышах, он просто как самый обыкновенный домашний мурлыка сидел и исполнял радостный кошачий напев. Жёлтый свет его единственного глаза теплел, утрачивая кошачью беспощадность.

Родственники коснулись финансовых вопросов лишь вскользь. Мир-Ахмед сказал, что магазин на Ольгинской лучше продать, теперь он будет, скорее, в обузу. Мамед Али ответил коротко: «Обсудим».

А про себя подумал – сделать деньги, продавая магазины, нельзя. Их можно сделать, лишь покупая магазины. Аллах, одаривая человека любовью, взамен всегда забирает разум. Решать надо всё самому. Но говорить об этом сейчас не время и не место. Когда собрались расходиться, Тора-ханым сказала сестре, громко вздохнув:

– Вода, налитая в стакан, становится питьевой, – и добавила со сладкой улыбкой, – нам что, лишь бы он счастлив был. – После этого, не в силах удержаться, добавила с доброй улыбкой, обратив на Исаака безжалостный взгляд: – Вот и тебе пора бы жениться.

Это было едва ли не в первый раз, когда она унизилась до прямого обращения к компаньону своего мужа.

Описывая приезд в родной город, Мир-Ахмед кратко сообщил фон Нортону, что встречать его собрались все близкие, родственники и друзья.

«Семейные и родственные отношения среди татар весьма прочные и основательные, и они играют в жизни туземцев едва ли не главную роль», – уведомлял майор своё начальство в очередной реляции.

В генеральном штабе, видимо, нашёлся кто-то, сумевший оценить отвлечённые сообщения, подобные этому. Фон Нортон был поощрён, и теперь дело шло к тому, что ему необходимо самому посетить Кавказ. Эта поездка давала майору шанс превратиться в подполковника. И он написал Мир-Ахмеду, что счастлив был бы принять его и его уважаемую супругу у себя в Вене. Трёхэтажный дворец в центре города, холостяцкое жилище «журналиста», будет в их распоряжении.

Расчёт оказался верен, в ответе на это письмо Мир-Ахмед пригласил майора в Баку, нисколько не веря в реальную возможность его появления здесь.

Макс фон Нортон вначале всё же отправился в Тифлис, считавшийся тогда столицей Кавказа. И уже оттуда намеревался посетить и Баку, рассчитывая успеть застать там своего нового знакомого.

А Мир-Ахмед был захвачен устройством своих дел. Он дал объявление о продаже «Блестящего» магазина на Ольгинской в газету «Каспий» и предложения посыпались щедро, как из рога изобилия. Понятно, каждое из них требовало внимательного изучения.

Мамед Али помогал Мир-Ахмеду разбираться с предложениями, непоколебимо, но скрытно стоя на позиции сохранения магазина. Его расчёт был прост – чистый доход от магазина составляет от семидесяти до восьмидесяти тысяч в год. Семь лет – время, за которое, в основном, происходят радикальные перемены в жизни. Значит, минимальная сумма продажи должна составлять пятьсот шестьдесят тысяч рублей. Таких денег, конечно, никто не даст, масса людей ежеминутно разоряется в этом городе и распродаёт имущество вынужденно, за копейки. В числе прочего много продаётся и магазинов. Ну и хорошо, не надо продавать, лучше нанять управляющего, пусть в меру вороватого, и иметь какой-то стабильный доход, чем бездумно отдать за бесценок выгодное дело. Сдать в аренду, в конце концов. Но делиться этими соображениями с человеком, грезящим о счастливой жизни в Милане с любимой женщиной – недопустимая глупость. Пройдёт время и он, возможно, поумнев, будет благодарен за сохранённый магазин прямо в центре богатого Баку. А сейчас – лучше подождать. Тем более, что половину своего долга ему Мир-Ахмед уже вернул.

Продажа магазина задерживала отъезд Мир-Ахмеда. Он торопился в Милан. А пока почти всё своё время Мир-Ахмед проводил, занимаясь поисками покупателей магазина. С разными людьми сталкивали его эти поиски, и он был настолько занят этими делами, что даже изменившийся тон писем любимой жены прошёл мимо внимания, не насторожил его. Слегка покоробил, не более того. Она больше не называла его «котиком» и писала редко, за месяц он получил всего два коротких, холодных письма, будто и не ею писанных. Но был он слишком уверен в своей жене, чтобы подозревать что-то плохое.

«Вот приеду, и всё наладится. Надо быстрее избавляться от магазина», – думал он.

Между тем, переписка с железнодорожным попутчиком принесла неожиданный результат. Журналист приехал в Баку после визита в Тифлис. Мир-Ахмед встретил фон Нортон на вокзале и, отказавшись везти гостя в гостиницу, привёз домой, на Малую Крепостную.

Комната на третьем этаже пустовала, а веранда с видом на крепостные крыши очаровала австрийца, вдобавок, во второй вечер пребывания Макса фон Нортон,

Мир-Ахмед для полноты впечатления пригласил Ягуба, и гость по достоинству оценил искусство музыканта. Мамед Али не знал немецкого языка, и, чтобы фон Нортону не было скучно, был приглашён Изя, и Макс мог расспрашивать его на все интересные темы. Это было хорошим подарком для любопытного журналиста, суждения Изи о местной жизни были беспристрастны, даже безжалостны, но полны точных наблюдений и остроумны.

Мугам, мусульманская музыка, интересная австрийцу своей экзотичностью, Изе была неинтересна ни в каком качестве. И он бесцеремонно и громко обращался к гостю, стараясь быть громче тара.

– Здесь хорошо, – Изя делал широкий жест, указывая на ступенчатое чёрное поле крыш и на далёкую перспективу, – хорошо, не громят. Да, туземцы, когда пытаются петь, воют и плачут, но это издержки, это можно потерпеть, в Германии, например, музыка куда лучше, но там время от времени громят. Нечасто, но регулярно. Убивают, запирают евреев целыми семьями в их родных домах и поджигают эти дома. В своих летописях записывают, что евреи, завидев немцев, бегущих спасать их от собственного безумия, пугаются и поджигают свои дома. Понятно, что сгоревшие не оставляют никаких письменных свидетельств, есть только немецкие. В Германии всегда громили евреев, а здесь туземцы сами воют и плачут. – Изя даже поморщился, чтобы прояснить своё отношение к местной музыке, и продолжил, выровняв лицо, – но зато не громят. Плач и вой их музыкантов лучше, чем плач оставшихся в живых женщин на руинах разгромленных домов. Те, кто сам так любит плакать, не пойдут громить чужие дома. Плакса не годится в громилы. Поэтому здесь спокойней. Кроме всего прочего, у татар есть замечательное свойство – приобщение к культуре делает их добрее и лучше. Противостоящие им во всём армяне – наоборот. Чем образованней армянин, тем чётче в нём звучит национальная нота, и общение на отвлечённые темы с ними невозможно, они ни о чём другом, кроме достоинств и величия своего племени, говорить просто не могут. Взять хотя бы моих друзей. Оба – выпускники реальных училищ, и с ними приятно общаться, есть о чём поговорить. Армянин, прочитавший три книги, обязательно почерпнёт из них сведения об уникальном значении своего народа. Я еврей, – Исаак указал ладонью себе в грудь, замолкнув на мгновение, чтобы дать собеседнику время осознать значимость этого сообщения. – Зачем мне их величие? А в остальном татары и армяне очень схожи между собой, хотя первые выдают себя за магометан, а вторые за христиан, на самом деле ни те, ни другие, к счастью, таковыми не являются.

Перед тем, как лечь спать, журналист записывал все новые впечатления. В том числе, и разговоры с Исааком Шехтманом.

А днём, чтобы максимально заполнить время австрийца новыми впечатлениями, Мир-Ахмед брал его с собой в магазин, и присутствие импозантного иностранца повышало интерес к магазину, а фон Нортону интересно было разглядывать покупателей.

Дело о продаже магазина Мир-Ахмед переложил на Мамеда Али, а сам, расположившись на стуле в углу, рядом с гостем, объяснял ему суть происходящего. Вот пришёл покупатель, человек с деньгами, это видно было по многим внешним признакам, к тому же Мир-Ахмед знал его, это был старший брат его одноклассника по реальному училищу Вазген Аракелян. Вазгену было уже за сорок и вид он имел внушительный – наполовину седая борода, орлиный профиль, баранья шапка на голове и большой золотой крест на груди. Переговоры с ним вёл Мамед Али, и покупатель магазина то ли не обратил внимание на Мир-Ахмеда, то ли действительно не узнал его. Он был старше своего брата на одиннадцать лет и вполне мог не помнить его товарищей по училищу.

Мамед Али начал разговор на русском языке. Вазген не поддержал, заговорил на татарском, с ошибками и сильным акцентом. Возможно, на русском он говорит ещё хуже, заключил Мамед Али и уже не пытался изменить язык разговора.

– Пятьсот шестьдесят тысяч, – заявил Мамед Али. – Доход – семьдесят тысяч в год, магазин «лёгкий», три в год платим Исмеду Ясамальскому, три – Тофику Алатавинскому, тысячу – городничему, тут и городская Дума, и губернатор, и все. Другие им по четыре-пять тысяч платят, мы договорились – тысяча. Пятьсот получает Сары Ваха, чеченец. Но сейчас, говорят, убили Зелимхана, и теперь чеченцам можно не платить. Всё, остальное копейки, налоги в казну.

Вазген молча слушал, не выражая ни согласия, ни возражения. Замолчал и Мамед Али. Вазген молчал очень естественно и непринуждённо, первым не выдержал Мамед Али, нарушил молчание. Впрочем, он уже понял, покупать магазин Аракелян не собирается, пришёл с разведкой, и было жалко терять время на пустые разговоры. Какая разница, кто первым нарушит молчание, если он не хотел продавать, а приходивший – не собирался покупать. Но он всё же продолжил:

– У тебя, конечно, будут сложности с вашими, они тоже захотят, но не дай бог, узнает Исмед. Он Тофику разрешает здесь деньги брать, потому что они почти как братья, всё у них вместе – и игра, и артистки, и лей-пей, сегодня один платит, завтра другой. Не дай бог, кто со стороны придёт. Не знаю, как ты тут. Я слышал, дашнаки до десяти процентов от дохода требуют.

– Дашнаки нам не требуют, я сам дашнак, что мне дашнаки. Ты свой магазин с продажи убирай. Считай, я его уже купил. Завтра половина денег, после нотариуса – остальное.

Мир-Ахмед так удивился той лёгкости, с которой покупатель согласился, не торгуясь, с высокой ценой, что забыл переводить разговор своему пребывающему в неведении гостю.

Но Мамед Али не усомнился в своих подозрениях. «Темнит этот Аракелян, а чего он хочет, это вопрос. Во всяком случае, магазин он покупать не собирается».

– Чего переносить на завтра, чек сейчас напиши, я деньги в банке возьму, а завтра всё и закончим.

Зная, что Вазген магазин не купит, Мамед Али блефовал, вроде бы подталкивая покупателя к сделке.

– Деньги сейчас хочешь, значит, тебе деньги срочно нужны. Хорошо, я тебе помогу, сейчас тебе двадцать пять подпишу, иди, бери, трать. Остальное – завтра.

– Только не двадцать пять, а двести пятьдесят.

Вазген помолчал, потом сказал как бы нехотя:

– Ты ошибку совершил, когда мне такую сумму назвал. Может, не умышленную ошибку, наверное, не подумал хорошо. Я тебе дам не пятьдесят шесть, шестьдесят дам, раз ты так нуждаешься. Это хорошая цена, шестьдесят тысяч – хорошие деньги. Я тебе не какой-нибудь проходимец, я покупаю не ради себя. Я тебе деньги даю ради себя и тебя. Веди счёт деньгам, ставь на карман и будем друзьями.

– Надо пятьсот шестьдесят. – Мамед Али поднялся с кресла и повторил: – пятьсот шестьдесят тысяч.

Вазген изобразил возмущение.

– Ты хочешь сказать, что я в коммерции ничего не смыслю, такие глупости мне говоришь. Я – Вазген Аракелян, если надо будет, что надо будет, то и сделаю.

Мамед Али счёл за лучшее свести скандал на нет.

– Я тебе сказать лучшего не хочу, кроме цены за магазин. Я свой магазин продаю, всё, больше ничего.

Теперь покупатель, кажется, разолился не на шутку.

– Продавай, продавай, посмотрю, кому продашь, после того, как Аракеляну отдал.

Разговор выходил за пределы допустимого, ясно, что покупатель угрожал своими связями, по городу ходили слухи, что губернатор сидит на долговом аркане у армянских магнатов. Слухи эти, судя по многим фактам, имели под собой реальную основу.

Его предшественника, князя Накашидзе, убили армяне только за то, что он отказался поддержать резню мусульман. Дашнаки, затеяв резню, рассчитывали на христианскую солидарность грузина Накашидзе. Он не оправдал их надежд, и своей смертью от рук армянских террористов преподал урок всем: армяне – сплочённая сила, бороться с которой опасно. Но и пассивность, идти на уступки тут нельзя, уступишь, завтра придут и попытаются отнять бесплатно. Сейчас своими угрозами Аракелян определённо хотел спровоцировать конфликт. А вот этого никак нельзя допустить. С одной стороны, была опасность, что пойдёт слух, как армянский магнат «взял на горло» и унизил мусульманина, запросившего высокую цену за магазин, но с другой стороны, ссориться всерьёз с человеком, который каждый четверг сидит за одним игральным столом с губернатором и регулярно проигрывает ему немалые деньги, нежелательно.

– Почему отказал, назови свою цену, может и сговоримся.

– Я назвал хорошую цену, ты мне как ответил? Ты сказал, что я ишак и не понимаю в торговле ничего.

– Вазген, хватит, не начинай. Кто тебя ишаком назовёт, сам настоящий ишак, ты зачем такие слова говоришь, противно слушать. Магазин хороший, я тебе уступил, и ещё бы уступил, но деньги нужны. Может, он тебе и не нужен, ну, а мне деньги очень нужны. Причина продажи – переезд в другое место, ничего плохого на магазине нет. Хочешь – бери, хочешь – не бери, я тебе что скажу? Лучше тебя покупателя мне не нужно, но и деньги, ты пойми, здесь одного товару только больше, чем на сто тысяч, ну, а это здание в самом центре города, что, уже ничего не стоит? Стены в аршин, из дашкесанского камня, зимой почти топить не надо, окна с зеркалами, дубовый паркет – это денег не стоит?

Спокойный, вопрошающий тон подействовал, Вазген тоже заговорил спокойнее.

– Хорошо, твой магазин, как хочешь, так и продаёшь. А я подожду, всё равно ко мне придёшь.

И величественно удалился в сопровождении своих нукеров, почтительно шагавших чуть позади хозяина.

Мир-Ахмед следил за происходящим с таким напряжением, что забыл о своём госте и не переводил ему разговор покупателя с Мамедом Али. Лишь когда Аракелян ушёл, он очнулся и стал рассказывать Максу суть состоявшегося разговора.

– А почему у этого человека такой большой крест на груди, как у священника, он что, не мусульманин?

– Он христианин, армянин, армяне любят носить большие кресты.

– Я это ещё в Грузии заметил, они носят свои кресты как украшения. Но, непонятно, если христианин, почему в бараньей шапке здесь сидел, это странно.

– Я же тебе говорил, что много странного есть на Кавказе. Но здесь странное – это не обязательно интересно, чаще просто скучно. Странно и скучно. Вон наши бандиты, гочи, они, конечно, кресты не носят, а носят огромные папахи. Чем больше папаху, тем страшнее вид, легче деньги отнимать. Бывает, русские начальники срыгают с них папаху и топчут их. Если у кого-то потоптали папаху, считай, он умер. Даже хуже, чем умер. Но против силы не пойдёшь. А они всё равно носят папаху, от начальников прячутся, но в своих папахах ходят. Интеллигенты тоже в папахах, но у них маленькие, а у бандитов большие. Ещё больше папаху только у дагестанцев и чеченцев.

– А ты и твой родственник в европейских шляпах ходите...

– Нам так проще, мы ведь ни с кого деньги не выколачиваем, мы их зарабатываем, а если приходится с полицией говорить, то с шляпы меньше надо платить, чем с папахи.

– Пожалуй, ты прав, Кавказ – очень странное место.

...Следующий покупатель, будто в подтверждение слов Мир-Ахмеда, явился в огромной папахе, его сопровождал жалкий, тщедушный человек в европейском костюме и шляпе канотье, оставшийся стоять, когда человек в папахе устроился удобнее в кресле и жестом разрешил ему сесть. Только после этого гость удостоил хозяев взглядом:

– Меня зовут Чёрный Аббас, сейчас я куплю твой магазин. – И, обращаясь уже к своему спутнику, добавил: – Приготовься, сейчас писать будешь.

Человек в европейском костюме поспешил открыть свой портфель, достать бумагу, чернильницу и ручку из слоновой кости.

– Так, пиши, – скомандовал пришедший.

Мамед Али пристально, в упор разглядывал наглеца, на его скулах играли желваки. Чёрный Аббас будто и не замечал испепеляющего взгляда.

– Значит, я тебе дам двенадцать тысяч сейчас и ещё... – он выдержал паузу, – дам двенадцать потом.

– Ты, может, узнать хочешь, почём продаётся магазин? – спросил Мамед Али

– Мне твоя цена не нужна, моя цена очень хорошая, двадцать четыре, сейчас бумагу напишем, дело закончим. Значит, так, ты пиши, что я тебе говорю, – велел Аббас, по-прежнему не замечая испепеляющего взгляда хозяина и не называя имени своего слуги.

– Слушай, Аббас, магазин стоит шестьсот восемьдесят тысяч, и если ты прямо сейчас мне дашь наличными шестьсот семьдесят девять девятьсот девяносто девять, я его не продам.

– Не продашь, а потом, когда он завтра сгорит, пожалеешь о своей жадности.

– Сгорит так сгорит, люди говорят, что сгорело, то не сгниёт, а Исмед Ясамальский сильно расстроится, когда узнает, что мой магазин сгорел. А ты знаешь, как горько плачут матери тех, кто Исмеда расстроил. Хочешь, человека пошлю за Исмедом, ты сам с ним прямо здесь поговори, он, наверное, тебя отговорит мой магазин поджигать...

Чёрный Аббас, услышав имя – Исмед Ясамальский – растерянно взглянул на сопровождающего его человека и было открыл рот, чтобы ответить, но Мамед Али опередил его:

– Счастливого тебе пути, Чёрный Аббас, и смотри, чтобы тебе не побелеть, постарайся мой магазин далеко обходить. Далекое – тебе понятно? Упаси Аллах тебя близко появиться, тогда я Исмеду скажу, что ты мне сильно надоел и мешаешь моей торговле. А может, ты хочешь, чтобы я сам прирезал тебя здесь, как поганую свинью? Честно скажи, не стесняйся. Все свои, чужих нет. Ты только скажи, я готов. Если не зарежу, что хочешь мне потом скажи. А этот, – Мамед Али указал на сопровождавшего Аббаса человечка, – подтвердит на суде, что ты на меня с кинжалом напал, хотел убить и требовал денег. А я, защищаясь, был вынужден тебя убить. После его слов сколько судья с меня возьмёт?

Все убийцы имеют власть над людьми. И Мамед Али, после убийства трёх бандитов в Крепости, ощутил этот свой дар. И он продолжал напирать, теперь уже на человека с письменным прибором.

– Подтвердишь на суде, что я скажу, деньги за это получишь, или я тебя вместе с твоим хозяином сейчас... – Мамед Али, по-прежнему пристально глядя на покупателя, склонил голову к плечу и прищурился. – Гара Аббас, дай Аллах тебе и твоим близким здоровья, вставай и пошёл вон, пока я не разозлился. Убирайся.

Мамед Али опустил руку в карман пиджака. Человек в папаше встал проворней, чем усаживался.

На этот раз Мир-Ахмед не забыл переводить разговор для Макса. Австриец наблюдал за происходящим с неподдельным интересом, переводя взгляд с одного участника перепалки на другого. Уже дома он спросил Мир-Ахмеда, почему они продают магазин через газету, а не через аукцион, что выгоднее и проще. Неожиданность этого вопроса-предложения лишила Мир-Ахмеда способности взвесить его и оценить, ему показалось: вот оно, самое правильное решение, к тому же, очевидно простое и выгодное. Мамед Али, узнав о предложении австрийца, лишь покачал головой и в обычной манере погладил свою голову раскрытой пятернёй.

– Аукцион? Да, я слышал, но что-то не припоминаю, чтобы аукцион устраивали для продажи магазина. Тут надо подумать.

Думать он привык в компании Исаака Шехтмана. А Изя, лишь только услышав о выставлении магазина на аукцион, сразу возмутился:

– Это точно, австрияк придумал, бред и бред, магазин в Баку продавать через аукцион. Тут такое начнётся, и магазин пропадёт, и мы вместе с ним. Слушай, давай отдадим этому Меджуну, сколько он хочет, и себе магазин возьмём. Только он ведь с тебя денег не возьмёт, и даже с меня не возьмёт, вот в чём беда. Но лучше всего было бы самим купить и управляющего поставить. – Изя скривил лицо. – Только ведь он скажет – так берите, продавать не станет... Забудем про магазин, пусть делает, что хочет.

А Мир-Ахмед решил воспользоваться подсказкой европейца. И уже через неделю в гостинице «Новая Европа» был назначен аукцион. Появился странный человек неопределённых занятий и непонятной нации, назвавшийся Сулейманом Вениаминовичем и взявшийся устроить дело. Он сказал, что имеет богатый опыт и даже попытался показать какие-то бумаги, написанные на немецком языке. Мир-Ахмеда немного насторожили эти бумаги, оказавшиеся разрешением таможни на вывоз домашнего имущества. Когда он прочитал вслух бумагу, перевёл и с недоумением взглянул на Сулеймана Вениаминовича, тот, ничуть не смутившись, подробно и ни разу не запнувшись, рассказал, что всё это имущество он впоследствии продал с большой выгодой на согласованном с властями аукционе.

– Да что там говорить, вот мой молоток, – и он неожиданно извлёк откуда-то деревянный молоток. – Сколько я с этим молотком в руках товара распродал, вы не поверите.

Может, Мир-Ахмед и Мамед Али и не поверили ему, но на аукцион почему-то согласились. Сама идея показалась слишком красивой – без особой мороки продать магазин по максимальной цене.

Людей на аукцион пришло много, большинство, конечно, просто чтобы посмотреть на невидаль – продажу с молотка, но были и такие, кто мог купить. Сулейман Вениаминович сказал, что на участие в торгах записалось двенадцать человек. Но то ли соврал, то ли никто из записавшихся не отважился участвовать, потому что как только ведущий назвал предмет торга, адрес магазина и стартовую цену в сто тысяч, Чёрный Аббас, сидевший в первом ряду, поднял руку и громко сказал – сто тысяч пятьсот рублей. А два типа самой бандитской наружности, как по команде, поднялись со своих мест и стали расхаживать по залу, демонстративно положив руки на рукоятки кинжалов и нагло всматриваясь в лица богатеев, способных отважиться перебить покупку магазина за бросовую цену. Богатеи, народ пугливый и осторожный, подумав, не стали вступать в торги.

Только теперь Мир-Ахмед понял опрометчивость своего шага – он не знал, может ли отказаться от продажи по не устраивавшей его цене, но в любом случае, если дело дойдёт до суда, на подкуп судей уйдёт столько денег, что лучше и не начинать процесс.

Он посмотрел на Мамеда Али и увидел, как тот побледнел. И даже ничего не понимавший австрийский журналист застыл, как изваяние, видимо, просто почувствовав трагичность, неправильность и непоправимость происходящего. Взяли и своими руками отдали за бесценок такой магазин в центре города.

– Сто тысяч пятьсот раз, – молоток аукциониста поднялся, – сто тысяч пятьсот два... – Мир-Ахмед краем глаза заметил в зале довольное, улыбающееся лицо Аракеяна. – Сто тысяч пятьсот три...

Но не успел молоток опуститься на пюпитр, как в зале поднялся торжествующий Изя и звонким от волнения голосом произнёс.

– Четыреста тысяч.

Аукционист, по договору имеющий процент от разницы между первоначальной суммой и суммой продажи, кажется, тоже растерялся. Ощутимая сумма неожиданно шла ему прямо в руки. Но помимо этого обозначилась и вражда с Чёрным Аббасом, который уже успел ему пригрозить. Однако, придя в себя, аукционист тут же зататорил:

– Четыреста тысяч раз, – желающих вступить в торг, конечно же, не находилось, – четыреста тысяч два, четыреста тысяч три. – Стукнул молоток. – Магазин на Ольгинской продан господину в очках из последнего ряда.

В зале произошло незаметное, не бросающиеся в глаза, но, тем не менее, вполне реальное и зримое чудо. Два лица, два совершенно не похожие друг на друга лица – круглое, с двойным подбородком и с толстым, похожим на сливу носом лицо Чёрного Аббаса и вытянутое, с заострёнными, энергичными Чёртами лицо Аракеяна, в один миг обрели вдруг поразительное сходство, почти волшебное тождество. Близнецы. Настолько явно злость, разочарование и досада отразились на этих лицах. Простые две маски, выражающие досаду и ненависть.

Люди, пришедшие поглазеть на аукцион, начали подниматься со своих мест, Мамед Али тоже встал и подошёл к своему компаньону. Исаак был очевидно возбуждён только что произошедшим. Глаза у него светились, как у Мэстана, слышавшего мышиную возню под полом. Не ответив на приветствие, он сказал:

– Теперь я должен буду заплатить тысячу Соломону, этому аферисту с молотком. Тысячу, потому что он сделает мне скидку, как родственнику, хоть и дальнему. Другому пришлось бы отдать две, и это минимум. Пойди, спроси у вашего друга из Европы, не хочет ли он дать ещё какой-нибудь полезный совет, а то как мы тут, в Азии, без него.

– Изя, ты гений, такой простой ход, а я ведь не сориентировался и даже не подал заявку на участие в аукционе. Ещё секунда и магазин бы ушёл навсегда.

– Я, конечно, гений, – охотно согласился Исаак, – особенно в сравнении с вами. Ты вообще думаешь, что делаешь? Где Баку и где аукцион? Совсем сдурел.

...Счастливым избавившись от опасности лишиться магазина, приносящего хороший доход, Мир-Ахмед на радостях устроил несколько экскурсий для гостя по окрестностям города. В результате этих экскурсий австриец заметил, как внешний вид жителей окрестных сёл отличается от вида горожан.

– Совершенно другие люди, вначале я не различал, а теперь, кажется, всех горожан в лицо знаю.

Они посетили Мардакян. Мир-Ахмед приготовил это село «на сладкое» из-за дач местных богатей. В благоустройство этого места было вложено столько денег, сколько даже представить себе трудно.

Но австрийцу Мардакян не понравился.

– Сколько сил и денег затрачено на то, чтобы придать этому месту приличный вид, но в результате я вижу одни заборы.

– Ты ведь бывал в Италии? Там вокруг вилл тоже есть заборы.

– Но заборы в Италии не придают виллам сходство с тюрьмами, они создают впечатление уюта, не так ли?

Возразить Мир-Ахмеду было нечего, он нехотя произнёс:

– Италия, Апеннинский полуостров вообще – такое волшебное место, оно мало похоже на любое другое, тем более на наш Абшеронский полуостров. У нас не Италия. Брат Абшерона – русский Крым. Так же пыльно, всюду виноград и татары. Русские, которые не были в Италии, думают, что в Крыму – красиво. Но я так не думаю – это просто второй Абшерон. Ничего особенно привлекательного.

– Русским в спину метёт свой вечный снег Сибирь, поэтому они Крым считают привлекательным. Европейцы же оценивают Крым как южную оконечность Сибири, где летом снег почти полностью тает. Да, ты правильно сделал, что в Милан уехал.

– Я потому уехал, что моей Варваре климат не подошёл, она здесь болела всё время.

– Неудивительно, я и в Индии бывал, и в Африке работал, и ничего, но здесь, побудь немного дольше, я тоже бы заболел. Этот нескончаемый ураганный ветер, ядовитая пыль от него и комары, чей укус опасен, как змеиный.

Журналист выражался как можно более дипломатично. Зато в разговоре с Исааком, не опасаясь затронуть его патриотические чувства, он прямо излагал истинное своё впечатление от увиденного:

– Я не могу отделаться от впечатления, что в этом краю время определённо движется вспять, нигде больше мне не доводилось видеть столь очевидных признаков регресса, как к югу от Кавказского горного массива. Ни в Индии, не на Цейлоне, ни в африканских странах. Там, пусть медленно, но идёт развитие цивилизации, здесь, наоборот, налицо обратный процесс. И все попытки преодолеть это роковое свойство данной местности лишь подчёркивают ущербный характер туземной жизни. Мне даже пришло в голову устроить такой эксперимент: привезти сюда новенькую динамо-машину и посмотреть, не превратится ли она сама по себе в ветряную мельницу или нечто подобное, какой-нибудь примитивный механизм. Настолько здесь всё само по себе упрощается, думаю, даже в самый мощный современный телескоп здесь видны только те планеты, что были известны мусульманским звездочётам в средневековье. Не примите на свой счёт, к вам это отношения не имеет по вполне понятной причине, но согласитесь, что карикатурное подобие племён, населяющих пространство между Каспием и Чёрным морем, и великих средиземноморских народов, создавших очаги европейской цивилизации, подобно отражению в кривом зеркале комнаты смеха. Армяне, грузины, татары, испанцы, итальянцы, греки, – они похожи между собой, это родственники. Взгляните, жители самой западной части Закавказья – грузины – могут быть сравнены с жителями Пиренейского полуострова – испанцами. На удивление, самоназвание этих двух мест совпадает – Иберия. Также совпадает и множество слов этих двух разных языков. Золото испанцы называют орро, а грузины называют очень похоже – окро. И там, и здесь в женской одежде преобладает чёрный цвет, и это верно даже для молодых, они часто и охотно носят платья чёрного цвета. Вино и танцы занимают в их жизни одинаковое место. Далее, в Средиземноморье, следуя на восток, в Европе живут итальянцы, наследники великого Рима, а здесь, в кавказском средиморье, живёт народ, охваченный общенациональным бредом величия – Великой Арменией, якобы когда-то объединявшей под своей властью весь регион, подобно тому, как Рим объединял народы всего древнего мира. Отсутствие каких-либо свидетельств былого величия и даже прямые и неоспоримые свидетельства обратного нисколько не отрезвляют «патриотов». В Тифлисе мне рассказывали доверительно, но с непоколебимым убеждением, что и архитектурные, и литературные, и иные памятники их былого великолепия уничтожены врагами и завистниками. Татары – наиболее отсталый из трёх крупных народов этого региона. Опять-таки, это суждение нельзя отнести, например, к вашим

друзьям. Мир-Ахмед, Мамед Али – вполне европейцы, я же говорю о народе в целом. Отсталость этого племени выражается уже в том, что оно до сих пор не имеет определённого названия – кто зовёт их азербайджанскими татарами, кто персьюками, кто тюрками. Сходство этого племени с современными греками неоспоримо доказывается тем, что греки, живущие в Закавказье колониями, утратили, в силу общего одичания, характерного для всего этого региона, свой родной язык, говорят на одном из диалектов азербайджанского наречия.

Идея о сходстве Средиземноморья и Закавказья понравилась Исааку, он тут же её поддержал:

– Это одичание очень характерно для всего средиморья – пространства, заключённого между Каспийским и Чёрным морями. Село Раманы, возле города Баку, было основано римскими легионерами, что видно уже из одного только его названия. Но в настоящее время оно не имеет и не сохранило никаких признаков принадлежности в прошлом к цивилизованному миру. Это фатальная склонность к одичанию отличает жителей Закавказья, как вы верно заметили. Также неоспоримо внешнее сходство представителей туземных народностей с их великими прототипами. Я знаком с местной жизнью хорошо, не понаслышке, по собственному опыту, и у меня нет возражений против ваших заключений. Свежий взгляд со стороны на многое открывает глаза.

Знал бы Изя, что его невинные беседы с интересным собеседником из Европы способствуют написанию репортажей по службе, вроде этой!

«Очевидна излишняя перенаселённость этого региона и неспособность Петербурга использовать имеющиеся возможности решения этой проблемы. Помимо трёх самых многочисленных туземных народов, здесь живут племена воинственные и склонные к грабежу. Предоставив армянам, грузинам и мусульманам возможность военного выяснения отношений, можно очень удобно и плодотворно использовать малые горские народы для решения главной региональной задачи – очистки земель, богатых и могущих быть полезными, от местного населения. Косность царского режима мешает ему идти прямо и решительно к, очевидно, этой цели – очистке Кавказа. Для обслуживания бакинских нефтеприисков и транзитной железной дороги с изытком достаточно одной десятой части живущих там сегодня».

Наверняка, мнивший себя человеком проницательным и осторожным в высказываниях, Исаак Шехтман лишился бы дара речи, прочитай он подобное. Ведь он действительно был и проницателен, и осторожен, но только на своём, бытовом уровне. Майор фон Нортон был обитателем иного уровня существования.

Толковый доклад был оценён, майор получил повышение по службе.

В итоге все остались довольны визитом барона фон Нортон. Ахмед отделался от тяготившего его имущества и получил деньги и свободу, Шехтман расширил торговое дело, назначив управляющим новым магазином молодого еврея, якобы своего племянника, некоего Песаха. Магазин он перевёл на имя Мамеда Али, обязав его следить за делами и Песахом.

– У меня этот Петя всё равно так или иначе будет воровать, а про тебя я ему расскажу, сколько жуликов ты уже отправил на тот свет, уличив в нечестности. Человек он трусоватый и не решится у тебя воровать столько, сколько бы крал у меня. Только не забывай покрикивать и напускать на себя грозный вид.

Барон уехал к себе в Вену. А через два дня отбыл в Милан и Мир-Ахмед, к своей любимой, но ставшей неверной жене. Он вёз ей в подарок два бидона – один с чёрным зернистым солёным деликатесом, второй – с инжирным вареньем. С сёстрами он распрощался весьма холодно, но зятя и Исаака при расставании настойчиво звал в гости. Хотел показать им чудесный город, в котором, как он думал, теперь будет счастливо жить.

Организовав ликвидацию кавказского Робин Гуда, Зелимхана Гушмазукаева, Коба не торопился возвращаться на Кавказ. Слишком хорошо он знал, как полнится слухами земля, и как смелы и последовательны в делах мести вайнахи. Кебилов тоже это знал, и, как он себя ни настраивал на триумфальный лад, это начало понемногу истощать и подтачивать его дух. Не страх, даже не тревога и уж, конечно, не раскаяние, а что-то иное, до сих пор не известное. Он просто перестал быть тем джигитом на службе у русского царя, которым был до сих пор. Взгляд Зелимхана, когда Георгий, назвавшийся Магомедом, ухватился за ствол его винтовки и сказал с одобрением о застреленных из этого оружия русских, смелый, доверчивый и открытый взгляд, преследовал его. Зелимхан умер таким же, каким и жил, а он, Кебилов, сумевший обмануть абрека, уже никогда не будет снова таким, каким был до этого. Да, его сразу повысили на два чина, как Коба и обещал, и до полковника остался один шаг. Только лучше бы он оставался поручиком.

Зато Коба, отомстивший за своё унижение и избиение в Баку, никаких сложных чувств не испытывал. Он, не оглядываясь, шёл к намеченной цели.

***

Всего, конечно, предусмотреть нельзя. Что-нибудь, да получится не так, как рассчитываешь. Уж на что практичной и предусмотрительной женщиной была Ольга, разве могла она предугадать, что неосторожная её жалоба своим компаньонам на глупое упрямство Варвары Алексеевны, собравшейся открыть мужу правду о своей измене, может её погубить. Просто хотела пожаловаться на то, что куш явно уплывает из рук, и она, уже заплатившая их долю в этом шантаже, осталась в проигрыше, и не малом, если подсчитать и суммировать все затраты. Ясно, денег они не вернут, не те это люди, ну так пусть хоть знают, как на самом деле всё обернулось. Но Ольга забыла о том, что она раньше, убеждая своих «полковников» в беспроегрышности дела, обмолвилась, что муж у Варвары – зовут его то ли Памир, то ли Эмир, не то черкес, не то армянин, – в общем, с Кавказа родом, мусульманин, наверняка страшный ревнивец, и «курочка» никуда не денется, заплатит, сколько скажут. Кавказец, он ведь за измену может убить.

Иван, человек, ещё более предусмотрительный, чем Ольга, сразу понял, чем это может для него лично обернуться. Эта шлюха и алкоголичка, кажется, вдобавок ещё и истеричка, и она действительно может рассказать своему мужу о нём, а что будет из этого, не знает никто. Может, и скорее всего, ничего не будет, эта ненормальная побоится рассказать, а если и расскажет, то муж поскандалит и успокоится, а может, разведётся с ней, и делу конец. Но не исключено, что этот Памир-Эльмир захочет отомстить ему за поруганную честь своей жены. Кто знает, что придёт в голову этому дикарю. Но лучше не испытывать судьбу, оборвать концы и скрыться. Жалко только бросать такой доходный и приятный во всех отношениях способ заработка. Но и это можно решить. Нужны деньги.

В своей жизни он уже убивал однажды. Женщину, с помощью яда. Это была его кузина, засидевшаяся в девках, и она вот-вот должна была получить приличное наследство, её отец дышал на ладан, а других наследников у старика не было. Если же она внезапно умрёт, единственным наследником становился он. То, что кузина тайно влюблена в своего очаровательного и романтического кузена, облегчало дело. Если бы не эта тщательно скрываемая, но очевидная влюблённость, Анастасия уже несколько лет назад была бы замужем, и Ивану ни на какое наследство нечего было бы рассчитывать. Неприметность внешности девушки с избытком компенсировалась размерами приданого. Но некрасивая и романтическая Настя, лишь услышав густой бас кузена, лишь увидев его мужественный облик, тут же впадала в любовное оцепене-

ние, мешавшее ей ответить согласием на предложение о замужестве очередного охотника за приданым. Иван, не то, чтобы с определённой целью, а так, на всякий случай, ловко и умело поддерживал влюблённость несчастной. А потом, когда перспектива завладеть её наследством обрела реальность: она вышла из возраста невесты, а отец одряхлел настолько, что ясно стало – смерти дочери ему не перенести, Иван решил действовать решительно, как он это понимал. Нашёл фармацевта, готового на всё, заплатил, не торгуясь.

– Здесь двойная доза, – расшедрился в ответ фармацевт, а предусмотрительный Иван использовал половину препарата и сохранил на всякий случай оставшийся порошок, завернув его в фольгу. «Всякий случай» наступил, когда Иван решил избавиться от ставшей опасной для него компаньонки.

Тогда, в первый раз, причина внезапной смерти девушки, как и обещал фармацевт, не была установлена, а отец пережил её всего на две недели. Но вот дальше всё пошло не так, как рассчитывал Иван. Старик, видимо, что-то перед смертью почувствовал, едва ли это были подозрения, нет, человек он был слишком простодушный для подозрений, но почему-то завещал всё своё наследство женскому монастырю. От такой неожиданности Иван было утратил контроль над собой, пытался опротестовать завещание через суд. В результате не добился ничего, но поползли нехорошие слухи, и едва не было заведено уголовное дело. Вспоминать обо всём этом Иван не любил. Он ведь уже считал дядькины деньги своими, да и покупка яда влетела в копейку. Пришлось уехать, почти бежать, от греха подальше, за границу, где он и познакомился с Ольгой. Они понимали друг друга с полуслова, всё складывалось чудесно, но вот вмешались обстоятельства, и снова возникла необходимость «действовать решительно». Ольга, уже ощутившая признаки старения, двадцать шесть – это не шестнадцать, была удивлена и даже польщена неожиданным желанием Ивана – «разделить её одиночество». Она его пригласила, выпили у неё дома. Когда у нее пошла пена изо рта и невыносимая боль заставила её скрючиться на софе, где только что она сидела, уютно и кокетливо поджав ноги, полная предвкушения ощущений, прямо противоположных этой дикой боли и предсмертной тоске, охвативших её, Иван будничным голосом, не пряча взгляда, сказал, что да, у него есть противоядие, и показал при этом склянку с пилюльками от головной боли.

– Но, – добавил он, – Оля, в обмен ты должна отдать свою шкатулку с драгоценностями.

Лицо женщины было искажено болью, она согласно и поспешно несколько раз подряд кивнула, с мычанием указала на шкаф. Потом её протянутая за спасительными пилюльками рука бессильно упала, а молящий взгляд погас, и она умерла, скорчившись на софе. Иван, взяв стоявшую возле камина кочергу, осторожно взломал дверцу шкафа, запертую на замок, вытащил оттуда инкрустированную перламутром шкатулку чёрного дерева, потом взломал тем же инструментом и крышку этой шкатулки и, увидев сверкающие камушки на чёрном бархате, накрыл драгоценности поломанной крышкой и швырнул шкатулку в саквояж, предусмотрительно захваченный перед визитом к подруге и компаньонке. Напоследок он бросил взгляд на лежащий ничком на софе труп с протянутой рукой и ушёл. В тот же день он уехал из Милана в Неаполь. То, что он не потрудился переложить драгоценности из шкатулки с поломанной крышкой, сыграло роковую для него роль – его задержали при посадке на пароход, идущий в Америку, и он не смог ни перечислить и описать толком найденные при нём драгоценности, ни объяснить, почему у шкатулки сломана крышка.

Взяли Ивана по той причине, что комиссар Асанья следил за группой русских уже несколько месяцев. Эти люди показались странными ему, а встретил он их случайно, на прогулке в ботаническом саду. Комиссар задался вопросом, кто это такие, подозрительные люди, русские, судя по речи, но ни на русских аристократов, ни на вполне чётко отличимых от них магнатов-нуборишей, выходцев из России, не похо-

жие. Главное, что привлекло внимание, был белый военный мундир одного из них. Мундир и эполеты, не принадлежавшие ни одной европейской армии. Явный маскарад, вероятно, скрывающий что-то криминальное. По всему – по повадке, по тому, что свой и без того никому не понятный разговор они вели тихо, почти шёпотом, и ещё по множеству признаков было ясно, что эта дама и два сопровождающих её сеньора преступники. Также его поразила шляпка круглой формы на голове у русской. Лицо женщины было тоже абсолютно круглое, будто очерченное циркулем, от этого казалось, что два одинаковых обруча продеты один в другой под углом в девяносто градусов. Странно всё это, нелепый головной убор женщины, неожиданное и необъяснимое общество старших офицеров, судя по всему, аристократов, у женщины из простого народа, всё это бросалось в глаза. Что-то тут не так, – подумал Асанья, не сумев определить, что именно, и, оставаясь неприметным, выследил подозрительную троицу. На всякий случай он установил наблюдение за домом, в который ушла, попрощавшись с кавалерами, странная дама в нелепой шляпке. И когда агенты ему сообщили, что в доме обнаружен труп женщины, он уже знал, что у убитой круглое лицо. Опознав женщину, комиссар тут же передал словесный портрет её приятелей во все полицейские участки на вокзалах и в портах.

Взяли «полковника» Ивана на трапе судна, отправлявшегося из Неаполя в Нью-Йорк, и после этого носильщик ещё донёс его чемоданы до палубы и поставил их возле верхнего конца трапа, прямо у борта, сразу потеряв надежду на оплату своего труда. Задержание полицией пассажиров даже самого respectable вида на трапе отплывающего в Америку судна в те времена было явлением распространённым, и носильщики привыкли, что в этих случаях никто не оплачивает их труд.

На другой день по приказу комиссара Асаньи был задержан и другой «полковник», и на их очной ставке вскрылась вся история. Оказалось, что «полковники» в качестве преступников ни на что не годятся, они сыпали показаниями, словно наперегонки. Комиссар, ведя протокол, тщательно отфильтровал признания этих двух, оставив лишь самые необходимые для суда, и сохранив в тайне все, на его взгляд, лишние для огласки. Осведомительницы из привилегированных слоёв – мечта любой полицейской ищейки. С такими помощницами достичь можно очень многого. Варваре повезло, её имени не оказалось в красивой записной книжечке с переплётом из крокодиловой кожи, что лежала среди драгоценностей в шкатулке с полуманной крышкой. Это был список «курочек» Ольги Васильевны. Список был обширен и комиссар просто поленился допрашивать всех женщин, упомянутых обвиняемыми, но не фигурировавших в нём.

***

Тревогу Мир-Ахмед ощутил только, когда не увидел жену на перроне вокзала. Он предупредил её телеграммой о своём приезде, но Варвары не было. Первой его мыслью стало, что он, возможно, сам того не подозревая, чем-то обидел её. Хотя чем? Да и Варвара не стала бы так выражать обиду. Надо быстрее встретиться. Вещей с собой у него было много, и он взял извозчика с носильщиком. Но носильщик носильщиком, а бидоны с икрой и инжирным вареньем Мир-Ахмед нёс сам. Когда он вошёл с этими двумя бидонами, Варвара поднялась ему навстречу. Строгая, чужая, в своём тёмном платье, с воротником, как в гимназической форме.

– Мы больше не можем быть вместе, – сообщила она мужу – В день твоего отъезда я изменила тебе.

Мир-Ахмед поставил бидоны на пол и сел в кресло. Ставшие мягкими и слабыми ноги не держали его.

– Зачем?

– Так вышло. Так вышло по моей вине.

– Ты... – начал было Мир-Ахмед.

– Не спрашивай о подробностях. Исправить теперь ничего нельзя.

– Ладно, – сказал Мир-Ахмед. – Я вот тебе икры привёз и варенье, какое ты любишь. Всё, я пошёл.

– Прощай.

Он расплатился с ожидавшим его носильщиком, велел отнести вещи в квартиру, потом снова сел в экипаж и поехал в гостиницу. Оплатил номер и, не раздеваясь, лег на постель. Портье поднялся вслед за ним, самоубийства в гостиницах всегда влекут за собой множество проблем для хозяев, а этот иностранец сразу вызвал подозрения. То ли любовная драма, то ли тотальный проигрыш, до разорения в пух и прах, написаны на лице.

– Не прикажите ли чего? – спросил портье через дверь.

Ответ, произнесённый совершенно спокойно, ровным голосом, немного успокоил портье:

– Пока ничего не надо, может быть, попозже.

И, недоверчиво покачав головой, портье спустился в холл.

Рыдания, сдерживать которые было бесполезно, сотрясали Мир-Ахмеда долго, он лежал на постели вниз лицом, трясаясь, как в лихорадке. Потом уснул. Когда проснулся, часы показывали четыре. Порылся в карманах, достал кошелек. Денег там было немного, на дорогу до Баку не хватит. Да и возвращаться не хотелось. Нет, возврата быть не может. Он привык жить в ожидании Вари, даже если она просто вышла в соседнюю комнату. Теперь ждать было некого. За дверью была пустота, такая же, как и в душе. Потом он подумал об убийстве её соблазнителя. Но как? Из-за угла, просто найти и убить? Но что это изменит? Вызвать на дуэль? Смешно, он никогда в жизни не стрелял ни из ружья, ни из пистолета. Отнявший честь отнимет и жизнь, вот и всё, это так очевидно, и то если вообще примет вызов, что маловероятно. Нет, убивать никого не надо, ведь это просто попытка исправить неисправимое. Умереть самому? Хорошо бы, конечно, но человек не волен распоряжаться своей смертью, от него, и то в малой степени, зависит лишь жизнь. День смерти назначает только Всевышний. Так думал Мир-Ахмед.

Может, всё же вернуться в Баку? Его приезд обрадует всех, он в этом несколько не сомневался, но он сам, каково будет ему? Нет, возврата быть не может. Он вспомнил недавно прочитанное в газете сообщение о наборе в Иностраннный легион. Вот куда, в Париж, а там бог сам распорядится его ненужной и обременительной теперь жизнью.

***

Двое элегантных мужчин в модных белых костюмах сидели в чайхане на бульваре. Один был худ и строен, другой, чуть ниже ростом, выглядел поплотнее. Эти серьёзные люди, Исаак и Мамед Али, занимались пустым, обречённым на провал, и потому несерьёзным делом – они пытались заглянуть в будущее. А ничто так не придаёт видимость значимости людям, как занятие пустыми делами, будь то чтение утренних газет или игра в гольф. И парень, приносящий чай, обращаясь к ним, почтительно называл их «муэллимляр» – учителя. Говорили «учителя» на непонятном чайханщику русском, и поэтому казалось, что беседа идёт о вещах значительных и недоступных пониманию людей простых. На самом деле это было не так. На самом деле, избавившись, по счастливой случайности, от вымогателей, и вдобавок приобретя приносящий хороший доход магазин, Исаак и Мамед Али столкнулись с задачей, посложнее той, и без того непростой, как сделать деньги. Теперь надо было решать, что делать с этими, уже не малыми финансами.

Ясно, что приобретать бриллианты в Персии больше нельзя, это оказалось не лучше и не безопасней, чем класть деньги в банк, и равнозначно было прямой их передаче бандитам. Мамед Али считал, что лучше все деньги вкладывать в расширение дела, Исаак предлагал помещать их в европейские банки.

– Не будем повторять ошибок старших, всегда должно быть заранее подготовленное место, куда бежать. Тут у нас с тобой всё прекрасно, есть свой человек в Европе, переведём туда деньги, и когда здесь начнут громить, мы спокойно уедем в Италию.

– В Италии, ты точно знаешь, громить не будут?

– Может, будут и в Италии, но тогда мы туда просто не поедem, и всё. А в России точно будут, и не только евреев, а всех подряд. Эта сволочь, что сейчас деньги на революцию вымогает, придёт к власти, и начнутся погромы. Царь не удержится, ребёнку ясно, дни Николая сочтены. На его трон бандиты посадят своего и будут бандитствовать, сколько захотят. Потом перебьют друг друга. А мы с тобой в Италии, мы пьём вино, слушаем музыку и кушаем спагетти. Ты знаешь, что такое спагетти?

– Я знаю только, что ты большой фантазёр. Ты же всегда говорил, что в Баку погромов не будет. Надо жить там, где...

Мамед Али запнулся, понимая абсурдность того, что было собрано произнести. Изя радостно улыбнулся

– Да, да, поезжай в Персию, там тебя ждут. Всегда рады. И открытки с видами от меня получать будешь регулярно. Это я тебе обещаю. Правда, если в зиндане не принимают открытки, тогда извини заранее. Ты не представляешь, что за жизнь в Европе. Свобода, парламенты, банки, – Изя приложил два пальца к губам, чмокнул и легко и быстро взмахнул рукой, очевидно, отсылая поцелуй и парламентариям и банкирам одновременно. – Никаких бандитов.

– Фантазёр ты, Изя. Взрослый мужчина, а как ребёнок, как это может быть – без бандитов?! Куда же они, по твоему, делись? Их всех перебили? Кто же может перебить бандитов кроме других, худших, чем они сами, бандитов? Без бандитов не бывает. Эти сказки про Европу ты в другом месте рассказывай. Парламенты, банки, нет бандитов. Противно слушать.

– Противно, не слушай, но твой Мир-Ахмед как раз про такую Европу рассказывал.

– Постой, дай время, посмотрим, что он потом запоёт, когда лучше разберётся.

...Решить, что делать с деньгами, они никак не могли. Куда их поместить, чтобы не потерять, а лучше – увеличить капитал? Ведь есть только один способ заглянуть в будущее, дожидаться, пока оно станет настоящим. И с этого зыбкого, короткого, длинной всего в один миг, мостика, что называется «настоящим», и можно попытаться осмотреться. Но и это почти бесполезно. Слишком зыбок мостик, слишком пугающе выглядят бездонные и ненасытные пропасти небытия по обе стороны от него. А страх – плохой советчик.

***

По дороге в Париж Мир-Ахмед немного свыкнулся со своей потерей и своим одиночеством. Ну что же, иной теряет конечности, а некоторые даже зрение. И продолжают жить. Он потерял любимую и тоже, возможно, продолжит своё существование. Иностраный легион – неплохая идея в его плохом положении.

Но где в Париже искать место набора рекрутов? Он решил идти наудачу, ноги сами приведут, надо только довериться судьбе.

Проходя под мостом мимо группы клошаров, расположившихся обедать прямо на тротуаре, он встретился взглядом с одним из них – худым патлатым брюнетом. Прямой, крупный, торчащий нос, высокий лоб, длинные волосы, дерзость во взгляде.

Худощавый брюнет, глядя на Мир-Ахмеда, сделал широкий жест, простирая длинную руку над развёрнутой на тротуаре газетой со всякой едой и бутылкой.

– Садитесь, мосье иностранец, будьте гостем и другом.

Мир-Ахмед даже улыбнулся – таким неожиданным и, если подумать, уместным было приглашение к этой трапезе клошаров. Двое мужчин одинаково неопределённого возраста, от тридцати до пятидесяти, состарившийся д'Артаньян и две женщины – одна уже почти старуха с растрёпанными волосами, другая лет тридцати, она сидела прямо на тротуаре, вытянув единственную свою левую ногу к газете с лежащей на ней едой, а костыли валялись рядом с ней. Её редкие светлые волосы тяжело свисали на плечи – видимо, их мыли не очень часто. Опершись на руки, женщина чуть приподнялась и переместилась в сторону, давая Мир-Ахмеду место рядом. Он сел, скрестив ноги. Женщина налила ему стакан красного вина, и только выпив его, он понял, насколько нуждался в этом стакане последние три дня.

– Мир, – представился он. – Меня зовут Мир, я из России.

– Лола, – отозвалась одноногая; другая женщина пробормотала недовольным голосом что-то невнятное, что никак не могло быть её именем.

Мужчины промолчали, только пригласивший Мир-Ахмеда человек улыбнулся и ободрил его.

– Приятного аппетита, мой друг, бери, тут есть всё.

– Но как ты понял, что я иностранец? – спросил Мир-Ахмед.

– У тебя не французский взгляд, ты на нас посмотрел. Французы нас не видят, а ты увидел. Неудобно есть, не пригласив того, кто видит, как ты ешь.

– А как же люди в кафе на улицах?

– Спроси у них, мы не из их числа. Для меня эти люди тоже загадка, как и для тебя.

Главным в компании был тот, кто пригласил его сесть, он так и не назвал своё имя, но другие звали его Поль.

Мир-Ахмед поблагодарил его и поднялся.

– Куда ты, возьми, поешь чего-нибудь, – сказала безногая.

– Я сейчас, – отозвался Ахмед.

Он и вправду вскоре вернулся с двумя бутылками вина. Компания сразу заметно оживилась.

– Хочу поступить в Иностраннный легион, – сообщил он Полю. – Но мне уже почти тридцать, не знаю, возьмут ли?

Поль подчёркнуто удивлённо, широко раскрыв глаза и откинувшись, посмотрел на Мир-Ахмеда, потом ответил вопросом на его вопрос:

– Ты хорошо представляешь, что такое Иностраннный легион? Ты воевал?

Мир-Ахмед отрицательно покачал головой.

– Тебе тридцать лет, ты не воевал, и ты хочешь в Иностраннный легион. Может, тебе проще в Сену? Я бы на твоём месте предпочёл Сену. Правда, там сыро, но лучше, чем в Легионе, и не так мерзко. Но к чему крайние меры. Лучше выпей вина...

Когда начало смеркаться, клошары засобирались уходить. Мир-Ахмед помог Лоле подняться, она подхватила костыли, опёрлась на них, пригатавливаясь идти. Кажется, ноги она лишилась не так давно, подумал Мир-Ахмед. Grimаса боли и решимости бороться с этой болью, обычная для калек, ещё не стала постоянной маской на её лице.

Идти до заброшенного дома, приюта клошаров, было недалеко, всего полчаса. И то полчаса – это для Лолы. Спины остальных быстро исчезли из вида, женщина на одной ноге не могла поспевать за ними. Кажется, у каждого клошара была своя комната в этом двухэтажном доме без окон и дверей. Лола привела его в свою, в углу валялся старый матрас и куча тряпок возле матраса. Вечером было прохладно. «Как же тут зимой?», – подумал Мир-Ахмед.

Когда они устроились на матрасе и женщина, вытянувшись, прижалась к нему, Мир-Ахмед ощутил пустоту вместо её правой ноги, эта пустота была как присутствие чего-то страшного, это та пустота, что возникает только когда исчезает самое необходимое. Пустота, когда не просто нет, а пустота, остающаяся после исчезновения того, без чего нельзя жить, пустота, поглощающая всё самое нужное и дорогое безвозвратно, навсегда. Эта пустота, в которой исчезла Варвара, и скоро, вслед за ней, исчезнет всё...

Мир-Ахмед быстро усвоил простые правила этикета клошаров. И это было трудно. Запретов, притом очень нестрогих, было немного. Нельзя вспоминать о прошлом, это могло привести к такому взрыву чувств, за которым неминуемо следовала драка, и также нельзя строить планов на будущее, никто не поддержит такую беседу, время остановилось в мирке бездомных, и всякая попытка напомнить о его движении здесь осуждалась. Мир-Ахмед понял это по однообразию реакции на его попытки заговорить о наступающих холодах. Неподвижные лица, пустой, холодный взгляд, молчание в ответ. Осень не наступит, если о ней не вспоминать. Но она уже наступила. Из оконных проёмов соседнего, тоже заброшенного и полуразрушенного дома выросли трубы – дымоотводы, иногда, по вечерам, из них валил дым. Там жили цыгане. Клошары сторонились цыган и, кажется, побаивались их – среди цыган были молодые, здоровые мужчины и держались они сплочённо. На рассвете сентябрьского дня клошаров разбудили свистки полицейских. Попытаться бежать мог один только Поль – худой, длинноногий, похожий на охотничьего пса, он мог бы попытаться счастья. Но Поль не пытался бежать. Оскалившись, он вытащил и раскрыл складной нож с явным намерением обороняться. Полицейские остановились, старший приказал бросить оружие и сдаться. Поль ответил бешеной тирадой на непонятном языке. Возможно, на каталонском. Старший полицейский повторил приказ сдаться и направил пистолет на бродягу. Казалось, Поль только этого и ждал. Он бросился вперёд, отчаянно и бесстрашно, с ножом на пистолет.

«Может, тебе проще в Сену? Я бы на твоём месте предпочёл Сену», – сказал он Мир-Ахмеду при первом знакомстве, кажется, невзначай открыв свои сокровенные мысли. Сейчас, видимо, пришёл его час. Полицейский начал стрелять на втором шаге Поля. Их разделяло не больше пяти метров. Прозвучало два выстрела, Поль получил две пули в живот. Когда всех бродяг уже перехватывали, их предводитель ещё мучился, продолжал дергаться и хрипеть на мостовой. Клошаров загружали в кареты с решётками на окнах. Лола прижалась к своему другу, Мир-Ахмед крепко обнял женщину. Полицейский ударил его дубинкой сзади по почкам, и он упал на мостовую. Женщина закричала дико, будто ударили её. Полицейский помог ей дойти до экипажа. Их посадили в разные кареты и больше они никогда не встречались.

Свой российский паспорт Мир-Ахмед отдал полицейским в участке, и, изучив его внимательно, комиссар спросил, есть ли у мосье деньги на железнодорожный билет. Мир-Ахмед отрицательно мотнул склонённой головой, комиссар развёл руки в стороны.

– Я вынужден депортировать мосье с первой же оказией в Россию.

Мир-Ахмеда держали в участке десять дней. И только потом, под охраной полицейского, его и ещё троих бедолаг товарным вагоном отправили в Россию.

***

...Его появление дома, в Баку, на Малой Крепостной, было встречено спокойно и ласково. Никакого ехидства со стороны сестёр. Тора и Месьма встретили брата точно так же, как встречали всегда, когда он возвращался из путешествий – их радость не казалась фальшивой. Про Варвару не спрашивали, поняли, что лучше не надо. Мамед Али, если и был удивлён внезапным появлением шурина, то скрывал

своё удивление. Просто сказал, что его приезд очень кстати, надо познакомиться с женихом Месьмы, Джавадом, а брата нет, но теперь он как раз приехал. Расположился Мир-Ахмед на первом этаже, рядом с комнатой Степаниды Никифоровны. Мачеха была единственным человеком, спросившем его о произошедшем. И он рассказал ей всё, что знал сам. Но дальше Степаниды этот рассказ не пошёл.

Сил подняться на третий этаж, к себе в комнаты, где он жил когда-то с женой, у него, ещё в самом начале, когда он только приехал, не хватило, хотя он и собирался, ну, а вскоре заболел, перестал выходить куда-либо. Целыми днями он лежал, отвернувшись к стене, сёстры, иногда вместе, иногда по одной, приходили, пытались кормить и разговаривать с ним. Их участие и забота превосходили все пределы, и трудно было определить, чего тут было больше – раскаяния за прежнее жестокое упрямство или скрытого упрека: видишь теперь, кто на самом деле тебе родные люди. Да и какое это теперь имело значение!

Приходил и Мамед Али, на его предложение сразиться в шахматы Мир-Ахмед молча отрицательно покачал головой. Отвечал он пытавшимся заговорить с ним сёстрами и зятю нехотя, изредка и невпопад. Сёстры переглядывались, но вслух ничего друг другу не говорили, лишь сообщали лежащему к ним спиной брату излишне радостными и громкими голосами разные новости, которые, по их соображению, могли его заинтересовать. Но не было таких новостей. Даже если бы приехала сама Варвара, это едва ли бы возымело воздействие на Мир-Ахмеда. Его сознание, в отчаянной попытке сохранить себя, перестало воспринимать сигналы реальности, он был где-то невообразимо далеко. Там, где образы двух женщин смешивались, переходя одна в другую, Лолу с пышными светлыми чистыми кудрями сменяла Варвара, стоящая на костылях. Варвара умоляла вернуть ей ногу и просила прощения. Мир-Ахмед разговаривал с ними, не произнося ни слова. Это были очень важные и значимые разговоры, но о чём они, он никак не мог запомнить. Жизнь быстро, толчками, вытекала из него, как вода вытекает из упавшего на бок графина.

Ветреная, холодная, бесснежная, но сырая бакинская зима перевалила уже за середину, но если бы кто-то спросил у Мир-Ахмеда, какое сейчас время года, он, скорее всего, затруднился бы ответить. Такие мелочи его уже не интересовали. Только одно живое существо могло воздействовать на несчастного. Мэстан приходил, серьёзный и озабоченный даже больше, чем обычно, запрыгивал на постель и начинал с урчанием мять одеяло передними лапами. В ответ Мир-Ахмед, не оборачиваясь, похлопывал кота по спине и тот, считая свою миссию выполненной, с довольным видом устраивался рядом, вытянувшись вдоль спины хозяина. Мэстан понимал, что происходит с хозяином, смутно он даже помнил его исчезнувшую подругу – кошачья память ещё короче, чем человеческая, но что он мог сделать для утешения Мир-Ахмеда? Однажды кот поймал мышь и принёс её на постель. К несчастью, мышь была обнаружена Торой, Мэстан был бит и изгнан. Обиженный в лучших намерениях, он не приходил домой два дня, но потом чувство долга и сострадание возобладали, кот вернулся.

Приглашали врачей, все они ставили разные диагнозы, обещали вылечить и прописывали разные лекарства. В разговорах с Мамедом Али Исаак Аронович называл врачей шарлатанами, и даже тех, кого сам же и приводил. Эти последние денег никогда не брали, Мамед Али понимал, что Изя заплатил им и предостерег от попыток взять ещё. О размере их гонораров Мамед Али мог судить только по свирепости и ядовитости матерных выражений Изю.

Когда Мир-Ахмед умер, Мэстан поднялся с постели и ушёл из дому.

Вскоре после смерти Мир-Ахмеда умерла и мачеха, точно так же, как и её соперница когда-то умерла вслед за мужем. После похорон брата Тора-ханым сказала сестре, тяжёло вздохнув:

– Была бы она мусульманкой, наш брат не ушёл бы молодым.

Одиннадцатая красная армия продвигалась на юг, не встречая серьёзного сопротивления. Комариные укусы банд дагестанских разбойников, мелкое вредительство, сокрытие провианта и другие мелочи, легко разрешимые военной силой, и не более. Огромный, полный желанной добычи мир окружал движущуюся на юг армию, а после пересечения границы с Азербайджаном стремительное продвижение потока вооружённых людей ускорилося, ибо на этой территории никто уже не пытался никаким образом остановить движение красного воинства. Отряд «Смерть буржуазии» дошёл до Баку, не потеряв ни одного бойца и приобретя много лошадей, отобранных у туземцев. К прибытию Одиннадцатой армии в городе уже были красноармейцы, прибывшие сюда на бронепоездах и на судах Волго-Каспийской флотилии. Коммунистическая власть приехала в Баку по железной дороге, в вагонах бронепоезда и в каютах морских судов.

А правительство маленького государства, попытавшегося быть независимым, собранное наспех и на потребу текущего дня из случайных, не государственных людей, поспешно бежало, успев, как водится в таких случаях, обеспечить свои семьи на несколько десятков лет вперёд. Несчастные идеалисты-мечтатели, вроде председателя парламента Мардан-бека Топчибашева, остались со своими пустыми, несбыточными идеями и не менее пустыми карманами.

Отсутствие сопротивления в Баку не то, чтобы разочаровало красноармейцев, они были, скорее, удивлены – делай что хочешь, бери что нравится, правда, все магазины, склады и конторы закрыты на замки, но что такое замок против сознательного, уже успевшего побывать на винном складе пролетария? Один удар прикладом сверху, и «пудовый» замок, печально звякнув, уже валяется на полу с бессильно распахнутой дужкой. Разделившись на подразделения, «Смерть буржуазии» рыскала по Баку в поисках добычи. Кавалеристы одного из подразделений «Смерти буржуазии» в тридцать сабель, видя отсутствие сопротивления и опасности, уже в темноте разделились на совсем маленькие группки, чтобы тщательнее обследовать доставшийся им район. Неожиданно одна из таких групп наткнулись на невиданную вещь – сказочный замок, стоящий на пустынной улочке города. Устремлённая вверх готическая постройка выглядела совершенным чудом среди низких, распростёртых по земле домов с плоскими крышами. Никто из молодых красноармейцев никогда не бывал ни в Москве, ни в Петербурге, и никогда не видел ни одного красивого строения, за исключением церквей.

– Смотрите, товарищи, точно, что буржуйское логово, – крикнул молодой красноармеец Мишка.

«Буржуйское логово» на самом деле было памятником любви амираджанского извозчика к осетинской княжне.

А непоседа и балагур Мишка был самый идейный и энергичный боец отряда, организатор экспроприаций и расстрелов эксплуататоров, везде и во всём видевший классовую сущность: бьёт пьяный самодур свою жену – это от того, что его в детстве обижали господа, он теперь, «по психу», зло на бабе вымещает, а если кто ленится прохудившуюся крышу починить, то потому, что «устал на господ работать»... В походной сумке у грамотного Мишки лежал томик «Капитала», читать его Мишка, понятно, не читал, но изредка с благоговением доставал книжку и, потрясая ею, говорил:

– Сильная вещь, товарищ Маркс написал, хорошо помогает контру распознавать.

Боец тешил себя надеждой, что как-нибудь возьмётся и прочтёт всё-таки «Капитал». И тогда держись, контра, Мишка с одного взгляда будет видеть, кого к стенке ставить.

И вот будто из-под земли вырос этот замок. Мишка сразу развернул своего коня в сторону буржуйского логова, и тут же три его верных друга последовали за Комиссаром, так в отряде звали Михаила. Хотя никаким комиссаром он не был. Просто, как комиссар, любил шуметь и расстреливать всех, похожих на эксплуататоров.

По совету Митхад-бека Муртаза отправил Лизу подальше из Баку, в портовый Батум, откуда путь открыт куда угодно, если, конечно, есть деньги. Деньги у Лизы, слава Аллаху, были.

– Коммунисты займут Баку, не сомневайся, и никто не будет этому противиться. Европейцы надеются, что они помогут очистить город от туземцев, как они нас называют. Мустафа Кямаль хочет поддержки от русских, какого бы цвета они ни были. Тот грузин, которого ты выгнал из города, Коба, у русских теперь важный начальник. Тебе необходимо бежать.

Доводы Митхад-бека были убедительны, тем более, что Мухтаров уже знал, каким талантом предвидения обладает этот человек.

– А ты сам?

– У меня нет денег на побег, Сафет ещё маленький, Гариб-Солтан явно не в себе, заговаривается и совершает странные поступки, а бросить маму одну, с сумасшедшей дочерью и малолетним сыном? Как ты думаешь, стоит спасать свою шкуру такой ценой?

– Митхад, мне шестьдесят пять, ровно полвека назад я взял судьбу в свои руки. И мне бежать от этих ублюдков, от рябого бандита? Я женился на девушке, на целую жизнь моложе меня. Я хотел видеть её счастливой, для этого я показал ей мир и построил замок. Но человек бессилён против судьбы, ей нужен был ребёнок, а не замок и даже не мир. Время счастья закончилось, и я не знаю, что теперь делать. Скажи, брат, ты действительно думаешь, что они могут устроить в Лизином замке тойхану?

– Ну, или снесут его, или тойхану устроят, или такую мерзость, что нам и в голову не придёт. Это хамы, Муртаза, хамы, пойми. Тебе лучше бежать. Аллах милостив, может, всё поправится, и вернётся нормальная жизнь.

– Ты сам в это веришь?

– Нет.

– Шестьдесят пять, ровно столько отпустил мне милостивый Аллах, а дальше дряхлая старость, и он избавил меня от неё. Надо спасти жену, а моё время закончилось. Наш замок я буду защищать, пока хватит сил. Сам. Я никогда не звал никого на помощь.

Так решил Муртаза-бек, рыцарь круглого стола на одну персону.

Стук в дверь был как гром. Грохот стоял такой, будто сокрушались сами стены замка. Муртаза, сидевший один в темноте и тишине, медленно поднялся, взял со стола маузер и вышел на лоджию, выглянул на улицу. Перед ступенями замка полукругом стояли четыре всадника. Тот, чей белый конь стоял копытами на первой ступени, держал в руке длинную дубину и, наклонившись вперёд, с размаху колотил ею по запертой двери. Оранжевый свет из круглого окна наверху фасада прекрасно освещал мишень. Муртаза, стоявший на тёмной лоджии, был почти не видим с улицы.

– Что вам надо?

Ломавший дверь всадник крикнул:

– Открывай! – и ещё раз ударил по двери.

Муртаза прицелился в голову стучащему. Стоявший за Мишкой-Комиссаром другой красноармеец, верхом на рыжим коне, крикнул в темноту, даже не видя, с кем разговаривает:

– Открывай, до дочки твоей свататься приехали, дочь зови, сейчас с зятьками знакомиться будет.

Он засмеялся и, красуясь, посмотрел на товарищей, положив руку на эфес сабли. Друзья не поддержали его смех, а Муртаза перевёл маузер на всадника с саблей и уже хотел было нажать на курок, как Мишка-Комиссар снова принялся колотить дубиной в дверь. Хозяин замка выстрелил в него. Редкая удача, с тридцати шагов точно в голову. «Капитал» остался так и непрочитанным.

Гришка, красноармеец на рыжем коне, не понял, откуда стреляют. Вторая пуля была его. Перед этим он зачем-то достал из ножен свою шашку. Этот трофей он снял с тела старого генерала, в одиночку атаковавшего «Смерть буржуазии» на марше под городом Моздоком. Гришка тогда метким выстрелом успокоил старика, а шашку забрал себе. Сейчас его рыжий конь только переступил на месте, избавившись от наездника.

Ромка и Ульянов спешили и успели укрыться за выступом портала. Завязалась перестрелка, Ромка, великолепный стрелок, схлопотал пулю совершенно случайно, когда схватил узду своего коня и попытался убрать его с линии огня. Повезло только Ульяну. На звуки выстрелов прискакали другие красноармейцы и дали залп по лоджии, где успели заметить вспышки выстрелов. Последним своим выстрелом Муртаза случайно убил коня Ульяна. Стрелял, уже не целясь, стрелял потому, что был ещё жив. Красноармейцы уже бежали вверх по мраморной лестнице, внутри дворца, когда Муртаза, лёжа на животе, смотрел, как быстро растекается на полу его кровь.

– Лиза, – тихо позвал Муртаза, и в ответ ему послышался голос Митхада: «Это хамы, Муртаза, понимаешь, хамы».

Будущее налетело сзади, как ночной грабитель, и отняло у Мамеда Али всё. В этом кошмаре, что зовётся будущим, не было Мир-Ахмеда, ставшего его братом, и друга Изи, а сам он из владельца лесопилки превратился в классово чуждый элемент, не только без средств существования, но и без шансов обрести их.

В дом Абдуллаевых поселили ещё три семьи, а хозяев уплотнили, оставив за ними лишь треть надстроенной Мир-Ахмедом веранды. Этот закуток имел теперь свой отдельный вход, и ключи от этого входа, бывшие у Мамеда Али, однажды оказались бесполезными. Тора в его отсутствие сменила замок. Вещь понятная и объяснимая, деньги он приносить перестал и даже уговаривал её продать кое-что из купленных в прежние времена драгоценностей. Человек, связывавший семью в одно целое, умер, и дверь квартиры оказалась запертой для него. Всё очень обыденно и просто. Он стал бродяжничать, знакомые люди и родственники жены из жалости иногда давали бездомному приют, правда, всегда вкупе с назидательными советами. Но не спать же на улице. Приходилось выслушивать и советы. Однажды дальняя родственница жены, встретив его случайно на улице, стала убеждать взяться за ум и бросить проклятую Марго, колдунью и скупщицу краденого. «Ладно, что в доме было, ей отнёс, хотя бы детей пожалей, давай я тебе встречу с детьми устрою. Бедные, плачут целыми днями за отцом». Узнав таким случайным образом имя своей любовницы, Мамед Али пожалел детей, и от встречи с ними отказался, но обещал подумать. Был бы жив Мир-Ахмед! Так продолжалось до тех пор, пока он не встретил однажды Саркиса Петросяна.

– Ара, Мамед, ты? – при новой власти Саркис стал говорить на русском. – Это что, я не понял, зачем ты джиндыр-мындыр носишь? – Саркис указал на заметно обветшавший мятый костюм Мамеда Али. – Ты всегда как высший господин одеваешься, теперь от кого-то прячешься или как?

Взгляд Саркиса выражал тревожный вопрос, а сам Саркис одет был аккуратно и чисто.

– От кого тебе теперь прятаться, наша власть пришла, и все знают, как ты трудился на этой лесопилке у проклятых капиталистов. – Саркис не мигнул, а так, чуть прищурил на мгновение левый глаз, и снова открыто и прямо взглянул в глаза старому знакомому. – Может, тебе что надо, скажи.

Мамед Али усмехнулся:

– Долго говорить придётся.

Саркис чуть отстранился назад и окинул Мамеда Али взглядом.

– Ара, я не понял, тебе кто сказал, что Саркис уже не тот? Может, я ослабел или что? Сейчас поедем ко мне, покушаем-выпьем, как положено, расскажешь.

Взяли извозчика и поехали к Саркису в Сабунчи. Там он жил в большом одноэтажном доме. Сколько комнат было в доме, сказать было трудно, но, судя по количеству детишек, бегавших по двору, немало. Саркис никому ничего не приказывал, всё – чистая скатерть, тарелочки с закуской, водка, всё это быстро появилось на столе.

«Действительно, всё как положено», – подумал Мамед Али, научившийся в последнее время скрывать голод. Неспешно взял он кусочек сыра, оторвал немного от лепёшки чурека и огромным усилием воли, не отправляя еду сразу в рот, удерживая хлеб с сыром в руке, сделал паузу, как бы подумал, и поверх сыра положил две веточки кинзы. И только судорожное движение кадыка выдало состояние Мамеда Али. Саркис тоже взял хлеб и сыр, положил их на тарелку и разлил водку по рюмкам.

«Как бы меня не развезло», – подумал Мамед Али, ничего не евший уже больше суток.

Саркис поднял рюмку.

– За нас, трудовых людей, за нашего вождя, товарища Сталина.

Он снова вроде подморгнул и быстрым движением резко опрокинул рюмку. Мамед Али тоже выпил, но только до половины, решил посмотреть, как водка подействует на него. Подействовала, как он и ожидал, сильно. Дворик с тропинками, покрытыми досками, бегающие дети, чахлые инжирные деревца, мангал с горящими дровами, всё пошло кругом и остановить это движение стоило ему усилия воли.

– За мою работу на благо народа, Мамед, партия наградила меня по справедливости. – Сказано это было так неожиданно правильно, почти без акцента, что было ясно – фраза заучена и отработана за много повторений. Откинувшись на спинку стула, Саркис широким жестом указал на двор и дом.

– Всё дали. Всю необходимость, всю продуктивность, всё. А потому, что у меня хватило ума сохранить письмо от товарища Шаумяна, где он благодарил меня за мою работу в подпольной большевистской организации. Шашлык покушаем, я тебе письмо покажу, – пообещал Саркис.

Но водка закончилась прежде, чем был съеден бараний шашлык, открыли вторую бутылку, выпили немного, и настроение Саркиса изменилось.

– Мамед, ты помнишь, какие мы были молодые? Я помню, что ты этим шакалам, как мужчина, никогда ничего не платил.

Хоть и опьянев, Саркис не уточнял, каким именно шакалам не платил Мамед Али.

– Люди знали, что не платишь, даже спорили, разное болтали про тебя и Лёву, но я всем твёрдо говорил: Мамед никому не платит.

– Какой Лёва?

– Твой напарник, еврей, что, не Лёва звали?

– Изя.

– Какая разница, Лева, Изя. Говорили, что вы оба на жандармов работаете, поэтому революционерам не платите. Ну, а я им говорил – а, сволочь, иди, и ты жандармам работай, тебе какой помощь будет? Собачий смерть – больше никакой помощи. Этот письмо, от Шаумяна, мне один русский за три рубля писал. Кто проверять будет? Тебе что надо, пойдём вместе в Баксовет, я скажу, что ты тоже революционно полезный товарищ был.

Саркис открыл правую ладонь и показал её Мамеду Али. Потом закрыл и сказал:

– Вот они у меня где. Письмо от Шаумяна, никто против не пойдёт. А Шаумяна расстреляли. Если бы Шаумян жив остался, я бы, может, не стал. Вдруг его спросят – Степан, ты Саркис знаешь? А он скажет «Какой такой Саркис?» Но мёртвые, они ещё пока никому ничего не сказали. Мёртвый есть мёртвый. Шаумян хороший письмо писал.

Мамед Али остался ночевать у Саркиса, и ему не надо было никого предупреждать, чтобы не беспокоились. Наутро хозяин дома не стал расспрашивать своего гостя об обстоятельствах его жизни, но и в Баксовет уже не звал. Через два дня Мамед Али сам рассказал Саркису правду о своей жизни.

– Здесь живи, сколько хочешь. Считаю, брата дом. Надо будет, сходим, тебе квартиру будем требовать. Письмо от Шаумяна покажем. А так живи, сколько хочешь.

– Лучше дай мне денег на билет до Астрахани.

– Ва, денег я тебе, сколько хочешь, дам, – пытаюсь скрыть облегчение, сказал Саркис.

***

...Мамед Али умер от инфаркта, когда в окнах общего вагона уже замелькали маленькие домишки астраханских пригородов. Боль вначале пронзила измученное, ослабевшее тело, потом было отступила, он ощутил звучание лопнувшей струны. Потом увидел франта-мусульманина в европейской одежде, вроде знакомого, но откуда, было не ясно, фронт чем-то возмущался, кажется, каким-то убийством. Потом странные картины явились угасающему сознанию: молодой военный, почти мальчик, с погонами старшего лейтенанта, на ступенях лестницы, спускающейся из Крепости в сквер имени Сабира. Этот лейтенант – его сын, которому сейчас шесть лет, но он уже вернулся с ещё не начавшейся войны. Всё приводит в изумление, всё непривычно для мальчика в военной форме: что не стреляют, что под ногами асфальт и по нему можно идти, а не перебегать от укрытия к укрытию, запах родного города, мимолётный взгляд зелёных глаз девушки, куда-то спешащей с базарной сеткой, полной тетрадей и книг. Девушка похожа на того франта, да он, кажется, видел его в кабинете у Муртазы Мухтарова. Те же зелёные глаза, тот же тонкий, с горбинкой, нос, точно, отец. Потом возник образ старика, одиноко сидящего перед стеной своего убогого жилища, а на стене напротив, рядом, висят портреты – того франта, из кабинета Мухтарова, и его собственный, в белом пиджаке. Этот старик всматривается в портреты на стене, тщетно силясь получить от мёртвых изображений ответы, которые едва ли получил бы и от живых. Что ж, его желание поговорить с ними можно понять – ведь это их внук, сын девушки с зелёными глазами и старшего лейтенанта. Последние слова Мамеда Али были сказаны на русском: «Как плохо». Что именно плохо, он не сказал, но догадаться не трудно. Чего же хорошего. Похоронили его на городском кладбище в Астрахани.

Исаак тоже умер не у себя в постели, он стал одним из тех миллионов, закончивших в двадцатом веке жизнь в лагере уничтожения. После революций ему удалось эмигрировать в Европу, звал он и друга, Мамеда Али, но тот отказался. Жил Исаак во Франции в полном достатке, но семьёй так и не обзавёлся, мешала память о кишинёвских погромах, боялся заводить детей в этом опасном, необъяснимо жестоком мире. Когда пришли немцы, Исаака арестовали и повезли в лагерь, он понял, что прожил свою жизнь в ожидании чего-то подобного. Стариков, таких как он, по прибытии в лагерь сразу отправляли в баню, купаться. Исаак всё понял, как только увидел множество голых старых мужчин с их некрасивыми, слабыми телами. Ясно, зачем они здесь, ясно, – успел подумать он, прежде чем из душевой колонки вместо воды с сухим шипением вырвался коричневый газ. И всё. Ужасы лагеря обернулись для него мучительным задыханием. Произнести проклятие своим убийцам он не сумел, умер.

Люди, пережившие землетрясение, порой рассказывают о странной, необъяснимой тревоге, охватывавшей их за какое-то время до начала подземной бури, до первого её шквала.

Похожее предчувствие грядущей катастрофы не оставляло Митхад-бека все предреволюционные годы. Он, пожалуй, не смог бы сам сказать, что именно тревожит и настораживает его – вдруг внезапное изменение настроения общества, мелкие нюансы, каждый по отдельности не заслуживающий внимания, в сумме грозно свидетельствовали – грядёт неотвратимое, страшное и мерзкое, против чего нет защиты, остаётся он один-одинёшенек перед безжалостным роком. До самого конца, точнее, до начала революции, он пытался уверить себя и всех вокруг, что ничего рокового не случится, бесовской силы не хватит, порядок установится.

Две кончины, две утраты, не в равной степени, конечно, потрясли его на протяжении четырёх лет. В тысяча девятьсот седьмом году скончался отец, и вспышка боли высветила значение этого человека в его жизни. Отец, вечный оппонент в нескончаемых спорах. Споры оборвала смерть, и лишь теперь Митхад ощутил и понял всю ненужность и ничтожность своих аргументов. Пока был жив отец, мир был прост, добр и немного смешон. Этот трогательно старомодный мир, одной только хрупкостью и незащищённостью своей провоцировал, придавал Митхаду энергию бунта, но отец прекратил участвовать в споре, он просто умер и некого оказалось убеждать в очевидном. И, с исчезновением возможности спорить и доказывать, его уверенность в собственной правоте вдруг поколебалась и внезапно исчезла. Очевидное перестало быть очевидным.

Вторым потрясением стало убийство Столыпина. Смерть премьер-министра через четыре года после смерти отца, не перевернувшая, понятно, душу Митхада в той же степени, что смерть отца, однако выявила обречённость державы, верным пасынком которой он себя считал. Обречённость всего его мира. Если бы Митхад, потомок горских князей, мог бы бояться, он наверняка напугался бы перемен, стремительно нарастающих вокруг.

Ещё до прихода к власти хамов, ровно через те же роковые четыре года, он уже предчувствовал, чем обернётся революция и казнь царя. И отказывался верить. За много поколений до него рыцари горных ущелий, его предки, утратили способность бояться, разучились делать это, ну, а хороший джигит похож на брата своей матери.

Как ни странно, уже после присоединения Азербайджана к красной России, он, старый холостяк, сорока двух лет от роду, женился на молодой девушке из Казани, дочери выкреста из татар и девушки из семьи крепостных крестьян. Жену Митхада звали Лидия, и когда они стали мужем и женой и начали жить вместе, его бесстрашие пугало её. Их маленькую дочь звали Фатима, и Лидия просила мужа ради Тимочки не лезть на рожон, не говорить таких страшных вещей, за которые расстреливают.

– Не бойся, Лялька, ничего они мне не сделают, я ведь им нужен. Я – инженер, могу перегородить плотиной реку и поставить там электростанцию, или построить вокзал, или больницу. А они ничего, кроме как убивать и грабить, не могут. Поэтому, что бы я ни говорил, им придётся терпеть. Я инженер, а они хамы. Будут терпеть. Вождь нужен тем, которые с копьями гонятся за добычей, а я работаю с циркулем и логарифмической линейкой.

И продолжал наивно интересоваться, зачем ему, инженеру, нужен вождь. И, стоя в ожидании трамвая, объяснял испуганным людям, что трамваи по расписанию ходить не могут, потому что у власти – хамы и всё теперь будет идти по-хамски.

Недооценил Митхад-бек Сталина. Вождь необычайно быстро, просто с немыслимой скоростью сумел воспитать молодое поколение создателей, вполне грамотных фанатиков-энтузиастов. И его образование инженера перестало быть чем-то, дающим защиту.

Идея отца объединить аристократии тюркских народов обернулась трагедией для сына. Азербайджанцев он не воспринимал как свой народ, связь с балкарцами утратил.

Среди русских он определённо был чужим. Сам характер русского народа, назвавшего себя богоносцем, двояк, как символ государства, созданный им. Орёл с двумя головами бросает свою призрачную тень на всё в России. Два русских народа, холопы и баре, хранители устоев и революционеры, верующие православные священники, миряне и пьяницы-попы, жёны декабристов и хмельные непотребные девки, всё, каждая вещь двоятся, образы накладываются, заслоняя друг друга, не смешиваясь, но невозможно понять, где суть и где её тень.

Причину этой двойственности Митхад-бек видел в нескончаемой метаморфозе, из года в год повторяющейся и длящейся на протяжении неизмеримого времени. Строгая, кристальная чистота зимней русской природы, неминуемо обращающаяся в дикую, непролазную грязь по весне. Там, где сегодня «под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит», через несколько недель чавкает грязь и колесо телеги тонет по самую ось. А едва пробудившаяся природа – небо с лёгкими весенними кучевыми облаками, голые ветви деревьев с маленькими, стыдливыми, едва набухшими почками – вся эта нарождающаяся красота смотрится на себя во множестве зеркал – дорожных луж. Сочетание крайностей – чистоты и грязи, привычное, как восход и закат солнца, легло в основу русского характера, породило завораживающую неповторимость русской жизни, жизни под сенью крыльев двуглавого орла. Отсюда всё – и поцелуй умирающей в изгнании графини, переданный через мужа старому слуге, оставшемуся из верности хозяевам при разорённой усадьбе, и бессмысленность и беспощадность бунта, и верность женщин, поехавших за сосланными в дикий край мужьями, и пьяное непотребство гулящих девок. Зимняя чистота, мороз и солнце, и чавкающая весенняя грязь.

Но эта волшебная двойственность отталкивала немецкого инженера Меликова. На каждом шагу, и даже без всякого шага, напоминала о его чуждости и неуместности в странном русском мире.

Отстранённость отца от какого-либо конкретного народа сказалась и на судьбе его дочери, Фатимы.

Выросшая среди русских, она, внешне похожая на свою бабушку – Ханифу, по виду типичная балкарка, воспитанная матерью без участия отца, сгинувшего в лагерях, она так никогда и не научилась говорить на азербайджанском языке. Но и русские воспринимали её как чужую.

А самым ярким воспоминанием её детства стал арест отца. Чужие люди пришли к ним домой, вытряхивали содержимое шкафов, смеялись, один из них совершенно бестрепетно взял то, что брать нельзя ни в коем случае – готовальню отца, и высыпал из неё циркули и рейсфедеры на стол. Во время обыска отец, никогда не терявший ни спокойствия, ни чувства юмора, стал вдруг безжизненно бледным и всё время как заведённый просил прощения у неё и у мамы.

Обыск продолжался долго, почти до утра, люди в форме достали принесённые с собой в чемодане саблю и большой устрашающего вида револьвер.

Главный из пришедших сказал, поглядывая на молодую женщину – чекистку, также участвовавшую во вторжении, что теперь-то уж этот Меликов не отвертится, раз нашли оружие, которым он собирался свергнуть советскую власть в Азербайджане. И люди, приведённые как понятые, поспешно и согласно кивали головами. Когда страшные гости ушли и увели с собой отца, мама взяла валявшуюся на столе сигарету и прикурила её. Девочка поняла, что жизнь кончилась, раз папу увели чужие, а мама стала курить.

Очевидный испуг Митхада при аресте прошёл, как только он понял, что ни жену, ни дочь чекисты не тронут.

Взбешённые его первыми показаниями, следователи перестарались, сломали ему пальцы, и он не мог писать, а сами записывать его слова в протокол они боялись, знали, что и с них могут спросить, как можно писать такое, даже пусть и со слов врага, о партии и товарище Сталине. Как могли не отсохнуть при этом руки? Самый находчивый из них нашёлся, записав «хула на партию и её вождя». Но и писать «хула на товарища Сталина» тоже было слишком страшно, и тогда нашёлся ещё более находчивый, заменивший слово «хула» на «клевета», и такое писать было уже почти не страшно. Когда его, еле живого от побоев, бросали в камеру, сознание частично возвращалось мозаичными фрагментами. Девичий шёпот на немецком, балкарская речь матери, стихи на русском, рассказанные когда-то отцом: «Подождите, дети, дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток». Срок дали, десять лет – а вот в приложении к нему шли не белка, не свисток, а другие вещи.

Митхад срок не дотянул, но через пять лет после его ареста, накануне войны, домой к его сестре пришёл человек, сумевший выбраться из сибирского ада, с приветом от брата. Сестра, Гариб-Солтан, жила тогда вместе с женой Митхада и дочерью. Посланец рассказал, что Митхад жив и пользуется авторитетом даже среди уголовников. Седой беззубый старик, он в лагере снова стал тем же, кем и был в детстве. И когда заключённые спорили о чём-то, требующем книжных знаний, то поступали они как дети из Черекского ущелья, шли к Митхаду, чтобы узнать, кто из них прав. Только теперь они называли его Митя.

Детское предчувствие Фатимы оказалось более чем верным, ни только в её жизни, но даже и в жизни её сына никогда не было того, что принято называть счастьем, а её мама курила со дня ареста отца в течение пятнадцати лет, пока у дочери не родился этот самый сын. В день его рождения она бросила курить. Будто Митхад вернулся домой. Судьба распорядилась так, что Фатимино сына воспитывала вдова Митхада, и для мальчика не было большей похвалы, как услышать от бабушки: «Ну, копия дедушка Митхад».

Год 1940 стал последним для Митхада. Он умер по дороге на работу, споткнулся, упал и умер, последнее, что он увидел перед смертью, была долина широкой реки Енисей, в названии которой ему слышалось понятное Ени Сель – Новый Поток – так звали эту реку его давние предки. Потом простор светлой реки сменился узким стремительным зелёным потоком, несущимся между крутыми берегами, с белой пеной вокруг торчащих над бешеной водой камнями и старинной башней из светлого песчаника на левом берегу. Вслед за горной рекой возникла извилина Куры, а когда он уже умер, другая, тихая, темная река потекла перед его взором. Он потянулся и отхлебнул воды из чужой тёмной реки. Вода оказалась солёной, потому что вся вода в ней прошла через людские глаза. Воды Стикса – не что иное, как слёзы умерших по утраченной жизни. Вода этой реки солёно-горькая.

Красноармеец, охранявший заключённых, приказал двум каторжанам закопать труп и следовать дальше на работу. Удача выпала могильщикам: неподалеку возвышался другой могильный холмик, и они быстро раскопали его и перетащили туда труп Митхад-бека. Потом они закидали его землёй и долго, часа два, могли отдыхать возле этой новой могилы.

НИЗАМИ МАМЕДОВ

КОРРУПЦИЯ И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

Коррупция является бичом общества, социального управления, государственной службы, она проявляется в разных формах и масштабах почти во всех странах. Это глобальная проблема, которая нуждается в интегративном осмыслении с позиций психологии, социологии, юриспруденции, культурологии. В статье нашего постоянного автора, доктора философских наук, профессора, эксперта ЮНЕСКО Низами Мамедова истоки коррупции, мотивирующие ее факторы рассматриваются, исходя из представлений о природе человека, его психики, на основе анализа взаимоотношения осознаваемых и неосознаваемых уровней сознания, инстинктивных порывов.

Истоки коррупции, ее причины обычно связывают с противоречиями, имеющими место в социально-политической, экономической и культурной сферах. И многочисленные законодательные инновации, антикоррупционная деятельность правоохранительных органов, гражданского общества в целом направлены на разрешение указанных противоречий. Эти меры, если системно и непрерывно проводятся, подавляют коррупцию, но не ведут к ее полному исчезновению. Остается открытым вопрос – почему человек, имеющий должное образование, соответствующий профессионализм, нередко склонен к злоупотреблению должностными полномочиями. Почему он рассматривает коррупцию как естественный способ достижения личного благосостояния? Представляется, что разобраться в этих вопросах возможно, если мы обратимся к природе человека, проанализируем его психику, рассмотрим предпосылки и условия социализации индивида. Глубинная связь коррупции с природой человека определяет фундаментальность данной проблемы, поиски нетривиальных путей ее решения в разные эпохи.

Коррупция – глобальная проблема. Слово коррупция (лат. corruptio) означает «разложение, порча», и оно отражает сущность данного явления. Это действительно «порча» нравственности, системы социального, государственного управления, которая грозит цивилизованному существованию общества. Ведь коррупция – это не только взятка, не только преступные деяния... Коррупция – это любое неадекватное использование власти для искушения.

Коррупция преследует людей испокон веков и сегодня становится очевидным, что это глобальная проблема, она затрагивает интересы каждого человека на нашей планете и всего человечества, ее решение требует консолидации усилий всего человечества, координации действий на уровне Организации Объединенных Наций.

Отношение к коррупции эволюционировало и становилось всё более нетерпимым по мере модернизации общества, укрепления демократического политического устройства, усиления идей свободы, равенства, гласности. Если когда-то коррупция считалась издержкой экономической деятельности, то сегодня она рассматривается как преступное и разрушительное явление. Осознается, что коррупция угрожает национальной и глобальной безопасности, приводит к деградации гуманистических, нравственных ценностей, существенно понижает уровень социального капитала и эффективность управления в самых различных сферах. Не случайно на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 2003 г. ежегодно 9 декабря отмечается как Международный день борьбы с коррупцией.

В послании Генерального секретаря ООН по случаю Международного дня борьбы с коррупцией от 9 декабря 2020 г. отмечается, что на фоне событий, связан-

ных с COVID-19, возникают дополнительные возможности для коррупции. Разработка вакцин, их распространение, внедрение новых методов лечения увеличивают риск спекуляций. Необходимы широкие партнерские связи для укрепления надзора, подотчетности на основе использования методов, предусмотренных конвенциями Организации Объединенных Наций против коррупции.

«Азербайджанское лицо» коррупции

Небезынтересны проявления коррупции и отношение к ней в Азербайджане в прошлом и в наше время. В этой связи, на мой взгляд, заслуживает внимания обращение к классической азербайджанской литературе, в которой можно найти блистательные страницы, не только отражающие социальную действительность прошлого, но и острую реакцию на попрание человеческих прав и свобод, казнокрадство и взяточничество.

В произведениях Мирзы Фатали Ахундова (1812-1878), Наджаф-бека Везирова (1854-1926), Мирзы Алекпер Сабира (1862-1911), Джалила Мамедулизаде (1866-1932) дано не только отражение религиозного фанатизма, социального гнета, ведущего к невежеству масс, но и истоки социальных противоречий, искушения непомерно богатых людей. Классики азербайджанской литературы остро воспринимали факты коррупции в обществе, они были неравнодушны ко всему, что, по их мнению, препятствовало прогрессу, просвещению и равенству людей.

Так, в комедии Везирова «Герои наших дней» впервые в азербайджанской литературе показан делец, разбогатевший благодаря спекуляции нефтеносными землями, которые он скупал обманным путем за бесценок у крестьян.

Сабир, обращаясь к современникам, отчаянно призывал:

*Не трать усилий, милый мой, обогащенья ради...
Скажи, чего добьешься ты богатствами своими?
Их наживал ты и копил, что делать будешь с ними?
Умрешь – и люди назовут труды твои пустыми!
Пока возможность есть, слепец, иди с людьми простыми,
Одно хоть зданье возведи – свое возвысишь имя,
Пример потомкам покажи поступками такими!*

Со времен великих классиков азербайджанской литературы прошло полтора века, но качественного сдвига в решении проблемы коррупции не произошло. В советское время коррупция была относительно придавлена жестким законодательством, «партийным контролем», но все же имела место. И одной из причин перехода национального лидера Гейдара Алиева в партийную работу в 1969 г., как известно, был разгул коррупции в республике в тот период. Перипетии этого времени отражены в известном фильме «Допрос», снятом по сценарию Рустама Ибрагимбекова режиссером Расимом Оджаговым.

Новая волна коррупции поднялась в 1990-е гг., охватила самые различные сферы. Это было связано с кардинальным изменением социально-экономических отношений в стране, отставанием от этих изменений административных и правовых реформ. В общественном сознании усилился «культ денег», который проявляется и ныне. Злободневно звучат в этой связи слова Сабира:

*Я поклоняюсь, деньги, вам, ценю без края вас...
За вас отца и мать отдам, и душу я отдам!
В одном кармане – вексель, в другом – рубли, рубли, рубли!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!
И пусть для родины моей часы последние пришли –
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!*

Следует подчеркнуть, что правительство независимого Азербайджана ведет принципиальную борьбу с коррупцией. В 2004 году Республика вступила в международную группу государств по борьбе с коррупцией. Были приняты законы «О борьбе с коррупцией» (2004) и «О процедурах декларирования финансовых средств государственными чиновниками» (2005) и ряд других законов. В Азербайджане вступили в силу Конвенция ООН против коррупции (UNCAC), Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» и «О Гражданско-правовой ответственности за коррупцию». В Республике была создана Комиссия по борьбе с коррупцией.

Позитивным практическим шагом в борьбе с коррупцией в 2012—2015 годы было создание государственного агентства по оказанию комплексных услуг гражданам – Службы «ASANxidmət», которая была удостоена премии Организации Объединенных Наций. Азербайджанская модель Службы «ASANxidmət» сейчас применяется во многих странах.

Правительство и общество ныне прекрасно осознают, что коррупция подрывает экономику, на порядок снижает уровень и качество жизни в стране. К сожалению, при этом не происходит перелома в борьбе с коррупцией. В 2016 году Азербайджан в международном рейтинге Transparency International занимал 123 место из 176.

Возникает резонный вопрос: возможно ли, в принципе, предотвратить коррупционные преступления на основе только административных, правовых мер? Не вызывает сомнений, что эти меры необходимы, но они, судя по всему, явно недостаточны. В Китае, где коррупционерам любого ранга однозначно грозит смертная казнь, периодически все равно выявляются коррупционные скандалы. Значит, дело не только и не столько в ужесточении законодательства.

Административные, правовые меры носят внешний, отвлеченный характер, они не затрагивают истоков, мотивов совершения коррупции и вступают в силу после совершения преступления. Очень важно зарождение идеи коррупционного дела, выявление механизмов ее становления. Человек формирует представления о благоприятной жизни и явно или неявно устремляет свою деятельность к достижению такой жизни. Опережающий психологический подход в данном случае может предотвратить преступление. При подборе кадров, соответственно, следует учитывать не только их профессиональные, но и психологические качества, обратить пристальное внимание на сформировавшиеся жизненные установки претендентов на государственную или иную службу.

Психологический контекст коррупции

Фундаментальность проблемы коррупции высвечивается именно при ее рассмотрении сквозь призму природы человека. Человек – биопсихосоциальное существо. Биологическая основа человека – это его анатомия, физиология, генетическая программа развития, естественные потребности, инстинкты. Биологическая основа человека, развиваясь, породила психику – сознание, мышление, память, эмоции, характер. На этой основе появились предпосылки социального в человеке, что выделило родового человека из животного мира, перевело его в надприродную область и открыло безграничные возможности развития.

Определяющее значение в данном историческом процессе имело формирование морали, которую можно считать главным индикатором становления человека. Появление основ морали отделяет первобытное человеческое общество от животного стада. Появление морали привело к тому, что люди, объединяясь в родовые общины, развивали, определяли основы совместного проживания, договаривались о правилах поведения. Впоследствии на основе канонизации моральных принципов родилось право. Утрата морали, ее деградация, по существу, превращает индивида в

человекоподобное существо. Именно здесь следует искать и корни периодически проявляющихся в истории рецидивов варварства – оккупация чужих территорий, этническая чистка, неподчинение общечеловеческим законам...

Однако биопсихические качества человека не исчезают с доминированием в нем социальных качеств. Они неявно проявляются и определяют многие особенности в деятельности человека. Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц в своих трудах подчеркивает, что культурное развитие человека не отделено «горизонтальной чертой» от результатов предшествовавшей биологической эволюции.

Принципиальное значение в данном случае имеет анализ психики человека. Чарльз Дарвин и Пол Экман в работе «О выражении эмоций у человека и животных» раскрыли связь биологических и психических явлений. Они показали, что эволюционный принцип применим не только к биофизическому, но и психолого-поведенческому развитию живого, что между психикой животного и человека нет непреодолимой пропасти. Так были обоснованы единство и непрерывность развития психики на всех уровнях эволюции живого.

Первоначальный уровень психического отражения, как известно, является бессознательным. Примерное время его появления – 500 млн лет назад. Он представлен главным образом инстинктами. К ним относятся: самосохранение, размножение, агрессия, обеспечение избыточности необходимых ресурсов. В принятии человеком решений участвуют все уровни психики. Бессознательный уровень психики играет в жизни человека значительную роль. Считается, что в стрессовых ситуациях регулирующая роль бессознательного возрастает. Представляется, что это может быть не только в острых стрессовых ситуациях, но и при принятии решений в обычных условиях.

В связи с коррупцией особого внимания, на мой взгляд, заслуживает инстинкт обеспечения избыточности необходимых ресурсов. Примером проявления этого инстинкта у животных может служить поведение волка, попавшего в стадо овец. Он убивает почти все стадо, а съедает, в лучшем случае, одного ягненка. Волку «кажется», что он, перебив стадо, создал пищевой ресурс для будущего. С действиями волка можно сравнить поведение коррупционера, имеющего в банках миллионы, миллиарды рублей, но позарившегося на ничтожную по сравнению с его сбережениями взятку. Отличие в том, что у волка нет моральных качеств, он живет в соответствии с естественными инстинктами. А коррупционер знает о недопустимости своих действий с точки зрения морали и права, но, тем не менее, совершает позорное деяние, не остерегаясь возможного осуждения. Инстинктивный уровень его психики в данном случае берет верх над социальным уровнем.

В книге «Агрессия, или Так называемое зло» Конрад Лоренц обращает особое внимание на инстинктивные мотивы стяжательства, тщеславия и т. п., которые поддерживаются в современном обществе, поскольку основными атрибутами общества стали культ денег и коммерческая конкуренция. Лоренц замечает, что опасность для современного человечества происходит из его неспособности разумно направлять процессы социальные, которые во многом обусловлены архаичной природой человека.

Итак, мы с животными имеем общее происхождение, и нами часто руководят такие же инстинкты, какие управляли нашими дочеловеческими предками. Вопрос, таким образом, сводится к тому, как овладеть, управлять этими инстинктами. Регуляторами, тормозящими естественные инстинкты человека, выступают культурные формы поведения, наиболее ранние из которых – обычаи, ритуалы. Кроме них усмиряют «зверя в человеке» религиозные запреты – табу и непрерывный воспитательный процесс в семье в годы обучения и в течение всей жизни. Получается, что моральное совершенствование человека, подавление хищнического потребления и коррупции связаны с гуманизирующей функцией культуры.

Еще мыслители Нового времени видели в культуре главное средство исправления природных пороков человека и предотвращения социальных катаклизмов. Однако очевидны консервативность, инерционность природы человека, его сознания (подсознания). Это получило определенное теоретическое подтверждение (благодаря развитию генетики и психоанализа). Немецкий философ Карл Ясперс считал, что сама человеческая природа, этос¹ человека, доброта и мудрость вообще не подвержены развитию. Прогресс происходит в знаниях, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в субстанции человека.

Но все же, согласно концепции глобального эволюционизма, природа человека меняется, только это происходит в течение длительного времени, в шкале многих тысячелетий. В ходе истории человек в той или иной степени очищается от естественных, животных инстинктов. До сих пор этот процесс происходил стихийно, на него лишь косвенно оказывали влияние различные структуры общественного сознания – религия, мораль, право... Настало время целенаправленно управлять этим судьбоносным для человечества процессом. Мысли о наживе, обогащении без усилий возникают первоначально в умах людей, поэтому в их сознании следует укоренять антикоррупционные идеи, пользуясь возможностями системы воспитания и образования, средств массовой информации, кинематографа, литературы и искусства. Необходимо формирование в обществе установок должного, разумного благосостояния. Особое значение в данном случае имеет пример образа жизни представителей государственной и муниципальной власти, предпринимательского сообщества и деятелей культуры.

Итак, коррупция связана как с природой человека, так и социальными, экономическими, культурными обстоятельствами. Не вызывает сомнений, что она была бы значительно затруднена при неприятии обществом нечестных сделок, уничижительном отношении к персонам, нажившим богатство несправедливым трудом. Сегодня социальная действительность Азербайджана содействует этому. Важными противовесами коррупции становится укрепление институтов гражданского общества, реализация принципов правового государства, информатизация, цифровизация государственной и муниципальной службы.

---

¹ Этос (греч. ἦθος «нрав, характер, душевный склад») — многозначное понятие с неустойчивым терминологическим статусом. Понятие «этос» дало начало понятиям этики и этологии. Термин «этос» в античной философии обозначал привычки, нравы, характеры, темпераменты, обычаи. Предметную область этоса составлял особый срез человеческой реальности (определённый класс индивидуальных качеств, соотносённых с определёнными привычными формами общественного поведения). Этос считался подверженным изменениям и противопоставлялся физису, природе человека, которая полагалась неподвластной ему, неизменной.

Ночью

Селена в трауре над темною водой,
И ясный лик ее под черною вуалью –
Она на небо царственной вдовой
Взошла сиять со скорбью и печалью.
Своя у царской скорби красота...
Мне отвести глаза не позволяет
Морская гладь – могильная плита,
Что в траурном сиянии мерцает.
Великую тоску не превозмочь –
Всех слёз земных единое начало.
Свою любовь оплакивает ночь,
А я уже и плакать перестала.

***

Шальная птица мечется по небу,
Крыла ударом воздух рассекая.
Подброшенный, блестит на солнце жребий –
И ничего по сути не решает.
Зима блаженно луч игривый ловит –
С чужого платья золотую ленту,
Уже совлечены ее покровы
И отданы на развлеченье ветру,
Что вечно юный и небережливый...
Он дразнит в небе сбившуюся птицу –
Когда ей суждено уже разбиться,
И вертит, вертит жребий нерадивый.

***

Что сделало с нами незримое время –
Мы были другими, мы стали не теми.
Поступки разумны, покой неизбежен;
Скандалы всё тише, разлады всё реже.
Мы знаем друг друга – заскоки, привычки,
И взяты в итоге друг другом в кавычки,
Но это неважно, зато не тревожно.
Всё правда – ничто не считается ложным.
Уже безразлично, орёл или решка,
Теперь только прямо, и лучше не мешкай,
Суди по себе – это значит, нестрого.
Иди, лишь идущий осилит дорогу,
Бросая в кювет разногласий остатки,
Ненужные салки, ненужные прятки.
Пусть смысл меняет привычное слово...
Мы оба болели – теперь мы здоровы;
Теперь не страшны никакие недуги,
Мы больше, чем просто (улыбка) супруги.
Ты знаешь, на что это, милый, похоже? –
Мы оба лежим на прокрустовом ложе.

***

Эта жизнь – расстояния
между встречами.
Бесконечным днями я
искалечена.
И конца не видать –
время щедрое,
дальше буду считать
километрами.
Ты же любишь, чтоб было
по-честному,
чтобы тело забыло
телесное,
чтобы все подчинялось
духовности...
Остальное – лишь малость,
условности.
Нам слепые сивиллы
пророчили:
мол – отныне вовеки,
и прочее.
Если б знал ты, как трудно
мне верится.
Все у нас (пусть попутно...)
имеется.
Не хватает лишь капли,
лишь малого:
чтобы ночью тебя
обнимала я...

Посткриптум

И когда-нибудь, где-нибудь на берегу океана –
Тихого, полного мудрости всех времен,
Новой живой материей станут раны
И не спящий рассудок окажется удивлен.
Утомленное око зажмурится от рассвета,
Ровно струны меридианов разрежут ночь,
Из которой однажды решают сбежать поэты,
Продолжая ее везде за собой волочь.
Пусть нелегкой наукой нам будет по одиночке
На просторах заокеанских вразлад гулять.
На чужом языке не улягутся гладко строчки,
На моем языке их не станут уже читать.
Никого не узнаю я в ответах зрячих окон,
А от прежних –
                                безглазых –
                                я сделаюсь далека...
Намотает на тонкий палец пшеничный локон
Океанской волной зацелованная рука.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

MUSIC LOVER

(Мини-повесть в двух частях)

Часть первая

Я, она и простой-и-рыжий

Я Бэлку не убивала. Честное слово, не убивала. Зачем мне это нужно? Бэлка, конечно, дура и стерва – неизвестно, чего больше. И это ещё мягко сказано. Мало ей всех прочих озабоченных и лузеров, так она ещё и маленького Мамедика прибрала к своим нананикюреным ногтям. Малый, кроме учебников по биологии, спрашивал время от времени религиозную литературу. Огорчался, когда перед его носом раскладывали «Справочник атеиста» и «Забавное Евангелие в картинках». Он вполне серьёзно настаивал на том, что Землю, его самого и всех нас создал Бог, и что все мы существуем благодаря Всевышнему. Кажется, Бэлке удалось кое в чём переубедить Мамедика. Хотя бы в том, что в создании лично её, Бэлки, принимал участие сам дьявол. Бэлка показала парню, как можно быть по-настоящему счастливым, лишив его девственности в закутке за книжными стеллажами. И, надо отдать ей должное, она отвадила этого малого от одной из религиозных сект в Интернете. Собственно, это не моё дело...

– Нет, ты только представь себе, что сюда является его папаша и узнаёт, чем тут занимается его пятнадцатилетний сынок с нашей кобылицей? – высказала я вслух свои мысли Мике, зав. нашего отдела.

– Что ж, для папаша у неё тоже найдётся метод успокоения за полками, – с юмором отозвалась Мика.

Бэлку невозможно было напугать ничем. Обладая своеобразным, по большей части плоским юмором, она была на редкость самокритичной и интуитивно угадывала, с кем и как ей следует общаться. Особо нуждающимся сотрудникам Бэлка притаскивала из дому свои штотки. Прежде этим время от времени занималась я, но с появлением Бэлки все мои благотворительные потуги стали незаметными. А ведь я ещё и таскала из дома печёное – особенно той, у которой муж лежал в больнице, а дети-близняшки постоянно прогуливали школу. Ну да ладно. Не в этом дело. Бэлка могла притащить свою косметику и разукрашивать физию всем, кроме меня – меня ей трудно было чем-либо умилостивить. Но она пыталась. Она совала мне статейки из иностранных журнальчиков. Один раз там попался такой текст: ANYONE WHO EVER HELD YOU WOULD TELL YOU, THE WAY I 'M FEELING. В моём переводе с английского дословно это прозвучало бы так: ТОТ, КТО ДАЖЕ ДЕРЖАЛ ТЕБЯ, СКАЗАЛ БЫ ТЕБЕ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ.

Я наверняка бы обиделась, если бы не догадывалась, что Бэлка, скорее всего, сама ни черта не в курсе того текста.

– Ты хоть познакомь меня с тем дебилом, который исполняет подобный эротический бред, – сказала я.

– С лёгкостью! – как-то сразу отреагировала Бэлка. – Могу на днях выслать его тебе в виде музыкального диска.

И она действительно принесла мне диск Мика Харрисона, звезды мирового масштаба. С обложки смотрел рыжекудрый англичанин с лицом, похожим на морду сытого, простодушного кота. Простой-и-рыжий.

Сама Бэлка всегда выглядела ярко и сногшибательно. Дополнительный эффект ей придавали рост и вес. Карие глаза её заметно косили, но Бэлку это не особо портило. К тому же под рукой у неё всегда имелись очки в шикарной оправе – чуть что, она их напяливала.

То, что Бэлка – стерва, я поняла сразу. Правда, всем остальным на это очень скоро стало наплевать. Особенно тем, кого она постоянно гримировала, принимая горячее участие в чужой личной жизни. Под Бэлкиными руками, вооружёнными французской тушью и итальянскими румянами, любые страхолюдные страхуилины превращались в Селин Дионов, Лайзов Минелли и Барбаров Стрейзанд. С Микой, в отличие от меня, Бэлке было намного проще, Мика охотно делилась с ней самым сокровенным.

(– «Сникерс» принёс? (это Бэлка).

– Принёс.

– В ресторан ходили?

– Ходили.

– До дома провожал?

– Провожал.

– А т а к он делал тебе?

– Он ведь взрослый.

– Они т а к все делают. Независимо от возраста).

Находиться поблизости и слышать всё это было просто невыносимо. И не было возможности встать и уйти. Короче говоря, всё это раздражало, но было интересно.

– Никогда не пользуйся дешёвой тушью, – это Бэлка уже мне. – Иначе к сорока годам все ресницы вылезут.

– Ещё увидим, у кого что вылезет, – огрызнулась я.

– Естественно, у меня, у кого же ещё? – невозмутимо и как-то печально согласилась она. Мика хихикнула за стеллажами.

Приходя на работу, я сгребала валяющиеся где попало книги и расставляла их по тёмному фонду, при этом высвечивая себе путь карманным фонариком, как светлячок в ночном саду. Проводка в фонде местами аж обуглилась, а чинить всё это, естественно, никто не собирался. Ни зав. отделом, у которой были поважней дела, в том числе обсуждение своих женихов, с пособием по навешиванию лапши на их несчастные уши, вплоть до гипнотического внушения их половому аппарату. И ни та, у которой дома оставались без надзора головорезы-близнецы, которая часто омывала рабочее место горячими слезами, не забывая при этом вести долгие задушевные беседы с читателями. И ни эта стерва, которая являлась на работу во второй половине дня, распахивая дверь ударом ноги и прижимая к груди кипу кроссвордов. От неё пахивало сложной смесью ликёра с французским парфюмом. «Сучки, привет! – разносился её вопль по всему трёхэтажному зданию. – Пидор у себя?» Сучками звались все незамужние дамы от двадцати до сорока лет. Таких в нашей библиотеке насчитывалось немало. Придя на работу, девчонки сразу же разбегались по своим отделам, словно монашки по кельям. Сидели, прихлёбывая чай, рассказывая про своих племянников и племяншек. А «пидором» Бэлка окрестила нашего главного хранителя библиотечного фонда, который восседал на самом верхнем этаже в уютном и чистом кабинете. Иногда Бэлка называла его ещё и ГНОЙНЫМ П...ДОРОМ. Возможно, в иные времена и при иных обстоятельствах главный хранитель с удовольствием отымел бы эту стерву в хвост и в гриву, и не только морально... но, увы, с его-то возрастом и больной печенью... Впрочем, препятствовало не только это. У предводителя нашего коллектива имелись маниакально ревнивая жена и сын, сидящий за решёткой (о подробностях умолчим). Этот всеми уважаемый пожилой человек спал и видел сладкий

сон, как он передаёт нашу родную библиотеку со всеми её потрохами некоей мафии в обмен на хорошую пенсию. Между тем коллектив наш уже заранее поделён был на две категории – на передаваемых мафии вместе с библиотекой и на выбрасываемых из библиотеки вон вместе с крысиным помётом. И вторые вряд ли догадывались о том, что они – вторые. Рай был обещан поголовно всем, и лишь затем, чтобы повкалывали напоследок, очищая трёхэтажное здание от хлама под названием «книги». Причём за вредность бесплатно раздавалось натуральное молоко, привозимое в металлических бидонах и разливаемое по пластиковым бутылкам; бутылки брали штурмом; хочешь – выпей на месте, а хочешь сохранить для дома, для семьи – к твоим услугам директорский холодильник.

Морально Бэлка не принадлежала ни к первым, ни ко вторым. Она смело вносила в тишайшую, почти девственную атмосферу библиотеки тёрпкую струю разврата. И всё, что интересовало Бэлку в данный момент – это разгадывание кроссвордов, она просто очищала от них киоски по пути на работу. И ещё – регулярный «заполочный» секс. В плане личной жизни терять ей было нечего. И нельзя было заставить её покраснеть. Бэлка сама кого угодно могла вогнать в краску...

– Вагиф-муаллим, там крыса! Вот та-акущая!

– И что? – возмущался случайно вышедший нам навстречу из читального зала директор. – Что вам Вагиф-муаллим – крысолов, что ли? Она здесь не останется.

– За тобой увяжется? – вполголоса спрашивала Бэлка, и тут же, повернувшись в глубину библиотеки, орала: – Эй, крыса, поторопись, Вагиф-муаллим уже уходит!

На месте Бэлкиного мужа я бы ей хорошенько врезала и отпустила на все четыре стороны. И не канючила бы, умоляя вернуться. Но дело, как видно, обстояло иначе. А то Бэлка не пряталась бы в этом храме культуры от своего бывшего супруга и его многочисленных родственников. Так что не стоит ломать голову над тем, какое отношение имел Бэлкин АЗИ Нефтехим к работе в библиотеке. Хотя, надо сказать, в литературе Бэлка разбиралась получше многих из тех, кто закончил библиотечный факультет. Улепётывая от своего последнего по счёту суженого, она оставила ему всё приданое вместе со своим паспортом. Это не имело для неё ровным счётом никакого значения, и паспорт она себе раздобыла новый и без всяких печатей на личной жизни – не без помощи своего влиятельного папы-юриста. Можно сказать, Бэлкина жизнь начиналась с чистого листа... если бы ей не мешала я. Вообще-то, вначале я ей не мешала. Это потом я вдруг стала бороться с Бэлкиной похотливой натурой, как Дон Кихот с ветряными мельницами. Первой Бэлкиной забавой стал Надир. Нет, я всё, конечно, понимаю, Бэлка есть Бэлка, но каким образом она его расколдовала, чтобы тут же обратно заколдовать и приворожить к себе? Надир появился в нашей библиотеке примерно за год до Бэлкиного прихода. Длинный, как жердь, он мерял шагами расстояние между читальным залом и мной, попутно что-то выписывая из каталога и это «что-то» протягивал мне, не говоря ни единого слова. Своей молчаливой напористостью он действовал на нервы так же, как и своим видом. Его руки с длинными пальцами вызывали у меня чувство брезгливости, как и нос Гоголя; кроме того, при ходьбе Надир всегда держал их ладонями назад, словно плывущая утка. Доказать этому парню, что в разделе «философия» у нас нет никаких опытов Монтеня, равно как нет вообще ничего из Монтеня, и нет Бэкона, было очень трудно. Так же нельзя было ему доказать, что у нас нет ничего из Фр. Саган, С.Жапризо и А.Кристи. Книги этих авторов лишь числились в нашем фонде, но их уже сто лет как не было на полках. Мало ли – сгорели, погибли под струями дождя, льющимися сквозь прохудившуюся крышу, исчезли вместе с библиотечными работниками (что само по себе выглядело правдоподобно). И нечего было жаловаться в читальный зал, там всё обстояло не лучше. С тоскливым чувством я уже в который раз перебирала французских классиков – толстого, полуразвалившегося Оноре де Бальзака, пыльного Эмиля Золя, сильно исхудавшего (из-за вырванных страниц) Жан-Батиста Мольера и

вверх тормашками и не по алфавиту всунутого Альфонса Доде... И совершенно случайно наткнулась на новенькую «Анатомию развода» Эри Базена; но данную книгу Надир равнодушно отстранил от себя и вновь пошагал – что-то выписывать. Напрасно я махала руками, как крыльями, перед затемнёнными стёклами его очков, за которыми прятались глубоко запавшие глаза с выражением таким скорбным, словно у Надира повесилась невеста. Или две невесты сразу.

В таких случаях я чисто интуитивно звала на помощь Бэлку с её неизменным темпераментом и талантом отшелушивать от себя всех тех, кто капал ей на мозги, одновременно привораживая всё мужское население, как цветок привораживает массу пчёл...

...– Вам нужен портрет Маркса? Заходите на днях, Я ЕГО ЛИЧНО ДЛЯ ВАС СФОТОГРАФИРУЮ И ВСТАВЛЮ В ЧЁРНУЮ РАМКУ. Вот только с того света подыму и побрею... Нет, молодой человек, у нас нет «Декамерона» на полке...и под полкой тоже нет, у нас там только тапочки. Что значит – я не знаю автора? Я его вот как вас помню! «Майн Кампфа» тоже нет. Еще не завезли из Мюнхенской библиотеки. Как туда проехать? На такси, если только прицепить его к самолёту...Молодой человек, отъ...итесь,пожалуйста! Ну-ка, повернулся носом к двери и ать-два!

И я была бы не прочь так пошутить, но то, что дано было Бэлке, не было дано мне. Юмор давался мне с трудом. Вглядываясь в огромные списки литературы, накарябанные отвратительным почерком, и повинуюсь судьбе, я совершала опасные путешествия по длинным деревянным подмостям, опоясывающим библиотечный зал на высоте третьего этажа, ежеминутно рискуя провалиться – в прямом смысле слова – сквозь прогнившие доски. (– ...Хочешь согреться? Вот тебе списочек... – Пока, я пошла...) И руки мои утопали в грязи по локоть, и меня с восторгом встречали мелкие насекомые-чешуйницы, шныряющие по слипшимся обложкам альманахов советской поэзии. Я проделывала всё это из одного лишь честолюбия. Бывало и так: «Хватит там ковыряться, слезай, наша смена кончилась, пускай теперь она мучается». Это звучал снизу Микин голосок. Всё-таки она мне нравилась, несмотря на свою куклявую внешность и вечные шуры-муры с Бэлкой, несмотря на то, что она взяла с меня денежку – якобы коллектив собирался купить в складчину пепельницу для Бэлки на её день рождения (чтобы вернуть свои кровные, мне тогда пришлось жаловаться Бэлке). И я покорно спускалась, в который раз натыкаясь на Майечкин бюстгальтер, кем-то приспособленный под половую тряпку. Кто такая Майечка? Да работала тут одна сорокалетняя девственница. Спустя два года после моего прихода в библиотеку она уволилась. И слава Богу. Майечкина «крыша» всё съезжала и съезжала, пока, наконец, не съехала окончательно, то ли на почве климакса, то ли на почве затянувшейся девственности. Она являлась на работу в белом трикотажном платьице, обтягивающем её крутые бёдра. Все её ужимки выглядели странно, как и разговоры о том, что её постоянно кто-то пытается изнасиловать. Впрочем, таких, как Майечка, немало было и среди читателей. Вот, к примеру, стоит передо мной чудо в грязно-зелёном плаще и тапочках на босу ногу:

– Мне, пожалуйста, Яна Брейгеля, Яна Брейгеля мне, пожалуйста...

– Это художник, – отбиваюсь, как могу. – Он пишет натюрморты, то есть писал, очень давно, в Голландии...

(Я бы его и не знала, но, к счастью, я знаю его папу, Питера Брейгеля, одного из моих любимых художников)

А она мне:

– Если это художник, то почему «писал»?..

Бэлка нашла бы, что ответить, а моей фантазии хватило лишь на то, чтобы пообещать исправиться – лишь бы отфутболить это явление природы на первый этаж, в отдел искусств. Однако вскоре сумасшедшая снова всплыла передо мной:

– Что вы мне сказки рассказываете?! Он оттуда уже вышел! Вам надо на рынке торговать. К вам дорога идёт через рынок...

Будь я директрисой библиотеки, не поленилась бы ввести ещё одну штатную единицу для психоаналитика. Впрочем, у нашего директора проблем и без того хватало. Бэлкина раскованность явно задевала его за живое. Однажды он даже вызвал её в свой кабинет, и вскоре мы услышали, как его истерические вопли заглушают Бэлкин оборонительный визг. Потом всё смолкло. Бэлка вышла с победоносным видом, хлопнув дверью.

При виде Бэлки Надир стал быстро оттаивать, на его лице появилась улыбка, которая обезображивала его ещё больше. Да, парень, судя по всему, запал не на шутку. Дело явно шло к предложению руки и сердца. Бедняга.

– Пора давать отпор и готовиться к одиночеству.

Бэлка курила. За полками мелькал её красный свитер. Между томами ленинских работ, манифестов, материалов партийных съездов покоились пачка сигарет, чья-то незакрытая мыльница с мылом, наполовину сгрызённым крысами, чей-то шерстяной носок и множество других уже никому не принадлежащих предметов. Бэлка курила, а я в это время пыталась забросить на предпоследнюю полку учебник «Металловедение». Увы, мой рост позволял мне не всё.

– Ты не одна, с тобою вся страна, – откликнулась я угрюмо, имея в виду Бэлкиных многочисленных подруг, замужних и разведённых, и мальчиков, которые притаскивали с собой лёгкие наркотики и которых уже пора было лечить за излишнюю откровенность.

– Ошибаешься. Ох, как ты ошибаешься.

– Помогла бы лучше.

– Да пожалуйста! – Бэлка подошла своим тяжёлым шагом, подхватила увесистое «Металловедение» и так резко втиснула его между книгами, что мне в глаза что-то посыпалось. – Кстати, я увольняюсь. Верни мой диск.

Скатертью дорожка тебе, Бэлочка. Вот только диск твой я не смогу вернуть. Твой диск застрял в моём DVD-плеере и не хочет оттуда вылезать. Его там заклинило. Но воспроизведение работает. Теперь мне остаётся только одно: добравшись до дома, сесть с ногами на диван, нажать на кнопку «Пуск» и медленно, медленно погружаться в nirvanу в сопровождении Мика Харрисона, отхлёбывая при этом кофе со сливками, раскусывая «Рузанну» (нежное вишнёвое суфле покрыто тончайшим слоем шоколада)...ай эм геттинг хай! – как говорят англичане: я на вершине блаженства. Под все эти чувственные блюзы и гитарные соло хочется мысленно мастурбировать, улетаая под облака, покачиваясь на волнах Тихого океана...Что ещё можно делать после того, как переглядишь три мужские сорочки, пособираешь выстиранные и высохшие носки, вывернешь их налицо и запихаешь в кулёк?.. Мик, а вот интересно, твоя жена тоже всем этим занимается? Или ты дал ей под зад коленом после того, как она родила тебе ребёнка? Она тебе уже не нужна, равно как не нужна и твоему чаду. Ты его сам воспитаешь и сделаешь это супер! Ты завалишь его игрушками, выстроишь вокруг него аттракционы с гномами, эльфами, со всякой живностью, включая и диких зверей. Ты ведь капиталист, Мик, ты не ограничен в своих возможностях, так же, как и в желаниях...Ну же, Мик, пожелай меня мысленно, а я пожелаю тебя, под твой кошачий баритон, переходящий в душераздирающие вопли... пока ещё не остыл мой кофе, пока мой муж не вернется с работы («дорогая, тебе ещё не надоел этот мяукающий придурок?») Как ты это делаешь, Мик? Вероятно, и сам не знаешь. Просто ты таким родился... Мик, я даю тебе слово, что когда заведу себе рыжего кота, то назову его твоим именем, и он будет жить у меня долго, он будет сытым и холёным, и безумно ласковым, не дающимся в руки кому попало из опасения попортить свой лоск. А когда он всё же умрёт, я высеку на его белом надгробном камне над-

пись... Нет, надписей будет две, одна из них будет гласить: «Это всё, что я имела и чего у меня не будет никогда», а вторая – «В этом мире ничего нельзя достигнуть, ибо всё достигнутое тут же превращается в тоскливую бессмысленную реальность». Бэлка уволилась. Надир долго ещё ходил за мной по переулкам, делая вид, будто не замечает меня. Куда я со своим пекинесом, туда и он, словно я могла пропитаться Бэлкиными ароматами. Моя собака задира лапу на кучи строительного песка, а Надир утыкался носом в витрины и рекламные щиты, якобы что-то рассматривая через свои очки. «Надир, – позвала я его осторожно. – Нади-ир...» «А? – обернулся он. – А, это ты...» «Да, Надир, это я, и я, если ты заметил – не она...И ты напрасно убиваешься, у неё вот так хватает» – я провела большим пальцем по своему подбородку. «Что у неё «вот так?» – не понял он. «Таких несчастных, как ты» Тогда он резко повернулся и зашагал прочь. И у меня возникло ощущение, словно я уже совершила своё первое убийство. Даже не знаю, дошёл ли он тогда до своего дома. Больше я не видела его никогда. Исчезнув из Бэлкиной жизни, он заодно исчез и из моих серых будней. Зато на работе меня ожидал сюрприз. На Бэлкином рабочем стуле я вдруг обнаружила новое существо. Оно оказалось уже не просто стервой – кое-чем похлеще. У Бэлки, по крайней мере, присутствовал интеллект. А у этой, как говорят в подобных случаях, была всего одна извилина, да и та промеж ног. «Ай гыз, ты, кажется, порвала юбку», – заметила я не без издевки. «Это разрез», – тупо отреагировала девица, пытаясь накинуть отваливающуюся боковину юбки на свою голую ляжку. Она пила чай, раскладывая мокрые пакетики прямо на абонементе, отчего абонемент оказался разрисован тёмными пятнами. Делать замечания было более чем неуместно, можно было наклеить на себя неприятности – например, подмену твоего целого стула на стул с поломанной ножкой. Вот что-то, а Бэлка, открытая душа, была совершенно не способна на подлянки. Я просто не попевала за этим чудодюдом. Из отдела научной литературы девица, чтобы зря не мучиться, выгребала буквально всё, обслуживая одного лишь читателя. «Майскую ночь...» искала на букву «М», а «утопленницу» на букву «У», не подозревая, что это название одного и того же произведения, и что у него есть, оказывается, ещё и автор. Астрид Линдгрен она путала с Александром Грином, Александра Грина – с Грэмом Грином; видимо, со зрением и со слухом у девицы были нелады. Зато под окнами библиотеки для этой крошки время от времени бибикало импортное авто с сорокалетним любовником внутри. Однажды она явилась на работу вся зарёванная. В чём дело? Оказывается, любовник разбился в лепёшку на своей тачке. Мне даже стало в какой-то степени жаль это тупое существо. Кто же теперь станет оплачивать её эксклюзивные одеяния? Неужели мама, торгующая за углом пирожками?.. Бэлуся, золотце моё, стерва! Вернись, я всё прощу! Я закрою глаза на все твои прелюбодеяния и наплюю на нашу с тобой психологическую несовместимость. Хотя, как утверждают психологи, психологической совместимости в этом мире не существует. Девица ушла. Канула, растворилась, лопнула, как мыльный пузырь. Такие никогда не задерживаются в библиотеках надолго. А Бэлка вернулась. Она с восторгом поведала о том, как сказала своему теперь уже бывшему боссу, главе какой-то иностранной компании, куда она устроилась, что жвачка в её рту – не член и работать ей не мешает. С возвращением Бэлки всё завертелось. Ой, Бэлка, как ты хорошо выглядишь... Где же ты так долго пропадала, Бэла?! Бэла, тебя тут спрашивали двое. Один весь телефон оборвал... Бэлусь, ты не проверишь на прочность моего кавалера? Вот тебе телефончик... А косметика у тебя с собой?..

...Пярвиз не стал вторым или третьим по счёту. Он был лишь одним из тех многих, на кого Бэлка выпустила коготки. К тому времени наши с ней отношения уже дали трещину, к ней примешалась ещё и драчка по поводу выходных дней. Видите ли, именно в мой выходной у этой стервы намечалась пирушка, тогда как я уже до-

говорила с зубным врачом. «Что важнее – твоя пирушка или мой поход к врачу?!» Мика меня не поддержала. Бэлка презентовала ей на Восьмое марта недешёвый перстенёк, наверняка из своей коллекции. Куда уж нам с нашей нищенской зарплатой до таких подарков коллегам! По сути дела, Бэлкой подкупалось всё и вся. И я вышла на работу в свой субботний выходной, ненавидя себя за постоянные свои уступки и вечную роль козла отпущения. А эта стерва явилась на вторые сутки пьяная в дымину, почти что на четвереньках, опоздав к тому же на два часа, зажимая под мышкой марочный коньяк, предназначенный для пидора-директора в качестве компенсации или взятки – как ему удобнее будет принять. И он принял, хотя до этого случая его интересовали лишь денежные купюры. Директор даже не обратил внимания на то, что в кабинет к нему Бэлка не вошла, а вползла, и обратно по лестнице она тоже сползала.

– Ладно, иди домой, – сжалилась надо мной Мика. – Я повкалываю за вас двоих.

– Ой, спасибочки!

А потом...

– Пярвиз, – я поманила к себе пальцем стройного очкастого красавца, студента третьего курса юрфака. – Пярвиз, держись от этой стервы подальше.

Парень смущённо улыбнулся в ответ:

– Спасибо, я сам как-нибудь разберусь.

Он вдобавок ко всему оказался ещё и умным!

– Пярвиз, – продолжала я, – ей тридцать пять лет, она четыре раза была замужем. Последний муж измутил её до полусмерти. Сказать, за что?

– Не надо, – он снова улыбнулся, но при этом попятился.

– Мне, конечно, всё равно, что она тут вытворяет с другими, но пусть это будешь не ты.

Парень молча покидал учебники в авоську и вышел на лестничную площадку.

Теперь я ждала, когда зайвится Бэлка и усядется рядом со мной решать кроссворды, или пойдёт курить в глубины фонда.

Заявилась.

– Этот чувак зовёт меня в кафе. Ты случайно не знаешь, за каким таким?..

– Пярвиз пригласил тебя в кафе? – Бэлка не сумела скрыть удивления. – Хочешь, я сделаю тебе макияж?

Её великодушие чуть было не пробудило во мне совесть.

– Да нет, Бэлка, что ты! Не хватало ещё, чтобы он возомнил себя сердцеедом. Ещё подумает, что это я из-за него так разукрасилась.

– Ладно. Тогда я тебе сегодня же вечером позвоню, и ты расскажешь, чем всё кончилось.

Ты была бы не ты, если б не позвонила! Я даже не потрудилась придумать название кафе, и кто чего из нас двоих заказал. Зато по телефону я экспромтом выдала тебе такую хрень, что мне самой стало не по себе. И теперь я с ужасом наблюдала, как вы оба становитесь героями срежиссированной мною пьесы. Как Пярвиз заискивающе улыбается при виде тебя, а ты буквально обливаешь его холодом и чуть ли не матом кроешь...

– Я ведь предупреждала: будет больно! – бросала я ему в отсутствие тебя, стерва. А вот это уже ей:

– Этот нахал стал звонить мне по ночам. Не пора ли избавиться от него, как ты думаешь?

К счастью, психика Пярвиза оказалась крепче психики Надира. Да и в личной жизни у такого красавца всё должно быть, думаю, ништяк! И Бэлка для него – лишь промежуточный этап, гимнастическое бревно, которым он – с моей помощью – так и не смог воспользоваться.

...Мик, мы обязательно с тобой встретимся. Иначе зачем я изучаю этот твой долбаный английский? Забывая слова, спотыкаясь на каждом слоге...Я уже десять лет как его изучаю. Видимо, мои способности не выше средних. Надеюсь, что с тобой мне много слов не понадобится...Мик...Ты – мой рыжий кот. Самый рыжий и самый котовый из всех котов в мире...Мне всё напоминает о тебе. И этот колючий кактус, и даже разросшийся членистостильный декабрист, не желающий цвести ни в декабре, ни в мае. Тогда ты будешь только моим. Я порву в клочья любую душу, которая к тебе приблизится. Но всё это будет лишь на том свете, так как за э т о т свет я не отвечаю и не знаю, что в нём должно произойти, чтобы мы с тобой встретились, какой потоп, какая катастрофа... Порой мне кажется, что нас с тобой просто не существует. Есть лишь две ходячие оболочки. Одна из них – я. Снующая меж пыльных полок под недоумевающие взгляды крыс...

...– Чего ты хочешь? – Бэлка уставилась на меня в упор, демонстрируя своё согласие. – Чего ты добиваешься своими нравами и эгоизмом?

– Я хочу, чтобы ты убралась отсюда как можно быстрее и навсегда, пока я не наделала ещё каких-нибудь глупостей и не объявила всем, кто ты есть.

– Иди, объявляй. Делай свои глупости. Но без меня ты тут пропадёшь. Или ты хочешь, чтобы я тебе заплатила?

А вот это уже интересно: как бы выглядела твоя взятка, чтобы я забыла случайно увиденную пухлую и волосатую, пардон, задницу Казановы, пристроившуюся между твоих ляжек? Как назло, я тогда вышла с тобой в одну смену, не сообразив, что это тебе на руку. И я, как покладистая овечка, бросилась обслуживать сразу два стола – стол школяров и студентов и стол домохозяек и пенсионеров, стучащих кулаками по столешнице и требующих детективы. Мне предстояло обслужить школьника, который никак не мог попасть в точку – то ли ему нужен был «Вишнёвый парк», то ли «Вишнёвый сад». И мне пришлось вызвать из фонда нашу усатую Гюльшан по прозвищу Кинг-Конг. Она искала эту книгу в разделе «Садоводство», не обращая внимания на заголовочные возню и стоны. Ты подцепила его случайно, на улице, возле Драмтеатра, где этот Казанова...впрочем, у него есть имя – Байрам Салманов... где он играл до обидного мелкие роли. Со своим ростом (тебе до пупа) и темпераментом он запросто смог бы сыграть Наполеона в объятиях Жозефины, но играл почему-то чайханщиков, и ещё не вполне одушевлённые предметы – ну, типа дерева, под которым укладывался подремать дон Педро. Через неделю мы с Бэлкой уже обе охотились за этим несбывшимся Наполеоном с восхитительнейшей улыбкой и потными ладонями. Вот только цели мы преследовали разные. И надо же – мне удалось перехватить его первой!

– Ну вот что, потный деятель эротических искусств, я застукала тебя здесь за непотребным делом. Пошёл вон! Пока вся твоя театральная труппа не выстроилась в кабинете у библиотечного нашего монстра, созерцая твою голую задницу...

Было сказано веско, даже слишком. Наш директор, по сути, и мухи обидеть не мог, но этот гадёныш мне поверил. Бэлка погналась за ним, голося на всю лестничную клетку, чтобы выяснить, что же произошло. Он, обладая артистической памятью, передал ей все мои изречения слово в слово. Не знаю, догадалась ли она о том, что мои рассказы о походах с Пярвизом в кафе и прочем были сплошной выдумкой?..

– И сколько ты мне заплатишь? Надеюсь, на «Мерседес» хватит?

– «Мерседеса» даже у меня нет, – не полезла за словом в карман Бэлка. Кого угодно она могла послать на три буквы, но со мной и с Микой вела себя сдержанно. – Нет, я, конечно, понимаю, он тебе нравится, но тебе следует поменять тактику.

С чего это ты, стерва, взяла, что этот мелкий актёршишка мог меня пленить? Он, конечно, артистически раскован, похотлив, сексуально мерзок и наверняка непо-

стоянен, и как никто другой подходит тебе, но лишь затем, чтобы покалякать и потискаться с ним. В том, кто мне действительно нравится, все эти качества тоже присутствуют, но в разумных пределах. И в сочетании с истинным талантом и высокой работоспособностью. Сюда ещё можно добавить интеллект. И ты, стерва, никогда не будешь достойна его. Ни ты и ни твой доморощенный Казанова. Боюсь, что во всём нашем Отечестве не найдётся ему равных по таланту и обаянию. Мик, я целую тебя в твой рыжий пушок под нижней губой...

– Я диск тебе подарила? – продолжала муржиться меня Бэлка.

– Ну, подарила.

– Разве я плохого мужа тебе сосватала?

– Вовсе нет. Муж просто исключительный. Вот только я как-то не догадывалась, что это ты мне его сосватала, – уже без всякой иронии ответила я, вспоминая, как в один прекрасный день в библиотеку вшагнуло что-то большое и жутко голодное (я пожертвовала ему два своих пирожка, а после и всю свою зарплату), жутко начитанное и безумно интеллигентное. Правда, потом выяснилось, что он матерится, как грузчик, и именно во время занятий любовью. Но, могу поклясться, Бэлка его не тронула. Ни-ни, как только поняла: это – м о ё. То, что это мой супруг, поняли сразу все, сидящие в отделах и смотрящие в оба. Все, разумеется, кроме меня самой. Но даже когда я это поняла и почувствовала на себе, даже тогда из меня невозможно было ничего выдавить, ничего интимного и откровенного. Я молчала, как знаменитая партизанка. И тут у меня из глаз хлынули слёзы. Бэлка попятилась, через секунду всунула мне в руку свою бутылку с минералкой:

– Господи, ещё одно несчастье на мою светлую голову! Ну-ка, давай колись, что там у тебя с Сабиром произошло?

Ну уж нет, дура. Откровенничать я с тобой не собираюсь, ни при каких обстоятельствах. Даже теперь. И ни к чему тебе и всем остальным знать о том, что мне всё чаще и чаще хочется растащить наше брачное ложе на две половины и всунуть между ними тумбочку, тогда как мои ноги по инерции всё ещё бегают по подземкам, выискивая стильные сорочки и модельную обувь за приемлимую цену. Вероятно, так устроена большая часть женского населения, за исключением, конечно, такой не зависимой ни от кого и ни от чего стервы, как ты. И ты, с энтузиазмом закадривая каждого приглянувшегося тебе придурка, ещё смеешь толковать мне о своём одиночестве?! И я тебе не скажу о том, что во мне живёт абсолютно другая жизнь с тех пор, как у меня появился диск Мика Харрисона...

– У меня душа устала, она ни на чём не отдыхает, – пропищала я сквозь слёзы.

– Душа устала, – повторила Бэлка, которой ничего не надо было объяснять. – Может быть, позовём маленького Мамедика, чтобы он направил наши души на путь истинный? – попыталась она развеселить меня. – А впрочем, ну его на ...! Вот тебе ключи от домика. Далековато, правда, но я надеюсь, на поездку как-нибудь наскребёте. Договорись с нашим пидором. Поживёте с муженьком недельку в окружении иностранного контингента. А там, глядишь, – и наладится, – Бэлка многозначительно подмигнула косым глазом.

Я ушла, а Бэлка осталась.

А в конце рабочего дня её вынесли из библиотеки с ножом, торчащим из тела. Это был тот самый нож, которым обычно резали торт, справляя в библиотеке чей-либо день рождения. Думаю, это был Надир. Хотя... Утверждать не берусь.

Мик... Кажется. Я схожу с ума. Я накупила целую кипу дисков с твоими песнями и клипами. Хожу по квартире, нажимаю на кнопки пультов, и отовсюду льёшься ты, заполняя пространство вне меня и внутри меня. Как жаль, что диски с тобой нельзя вставить в стиральную машину, микроволновую печь и кофеварку!.. И как жаль, что ты до сих пор не явился ни в один из моих снов. Что ты не сможешь принадлежать

мне даже постаревший и мёртвый. А знаешь, что самое нелепое в моих чувствах к тебе? То, что я завидую вовсе не тебе и даже не твоей жене. Я завидую твоему б э – б и. Не знаю, кто это, мальчик или девочка. Но я точно знаю содержание тех СМС – ок, которые тебе посылаются: HOW CAN YOU MAKE IS LATE? THAT`S A WHOLE MINUTE OF MY LIFE! («Как ты можешь опаздывать? Ведь это целая минута моей жизни!»)

Часть вторая

Собственно Music lover

Итак, я совершенно непричастна к тому, что случилось с Бэлкой. Однако её ключики от далёкого домика в дачном посёлке для иностранцев всё ещё позвякивали в моей сумке на каждом шагу, попав в пустую чашку...И я почти сутки не могла заставить себя прикоснуться к ключикам. К ним прикоснулся мой муженёк. Он с любопытством рассматривал брелок в виде голой куколки с выпуклыми прелестями. «Ну что, едем?» – задумчиво проговорил он. «Едем», – отозвалась я, выхватывая у него ключи. Действительно, давно уже хотелось выехать куда-нибудь. Туда, где леса, горы, овраги, ущелья – хоть в тартарары, лишь бы подальше от мегаполиса! К тому же ключи уже были, считай, моими. И ещё очень хотелось опробовать чемодан на колёсиках с выдвижной ручкой. Он выглядел совсем ещё новеньким, хоть муж и приловок его с мусорки. Он часто притаскивал оттуда что-нибудь привлекательное; один раз там же подобрал модное кепи и дешёвый синтезатор (нет, что ни говори, а есть всё-таки польза от наводнивших наш район иностранцев!). Я всё порывалась спустить его с пятого этажа... нет, не мужа, а синтезатор; мужа я и так семь раз на дню мысленно спускала с лестницы и примерно столько же раз мысленно его жалела. Особенно во мне пробуждалась жуткая агрессия накануне месячных. А тут ещё прямо с утра тётушкин звонок (а ей под девяносто лет): «У вас газ идёт?» «У нас газ идёт» «Идёт у вас газ?» «Идёт у нас газ!!» «Так что, у вас газа нет?..» «Тьфу!!!» – я бросила трубку. Зачем, спрашивается, звонить, если ты окончательно оглохла? На всякий случай я поплелась на кухню. Газа действительно не было. Мой кайф с чашкой горячего кофе пролетал. Чтобы как-то отвлечься от головной и поясничной боли, я взяла чистую влажную тряпку и стала протирать чемодан. Он был очень вместительным. Суй, что хочешь, вплоть до постельного белья и кроссовок. Впрочем, стоит ли тащить эту машину за город? Кроссовки, пока они новые, можно, не стыдясь, и на ноги надеть.

...Автобус кренился то в одну сторону, то в другую, трясло, как на арбе, с багажных полок на головы сыпались мягкие игрушки (хорошо, что мягкие!). Наконец... О, блаженство! Нас повезли по гладкому «серпантину», вдали и внизу мелькали акkuratные разноцветные коттеджи...

Автобус остановился посреди бесхозной равнины. «Простите, нам нужно в...» – деликатно кашлянул муж, называя нужный населённый пункт. «Туда не еду», – коротко сказал водила. «А как же?..» Водитель пожал плечами: «Хотите – пешком, хотите – ловите...» «А что нам ловить?» – спросила я, не расслышав. «Бабочек!» – сыронизировал мой муж, вытаскивая меня вместе с чемоданом из автобуса. И мы пошли по указанной дороге, начало которой было украшено выцветшим и перекосившимся транспарантом: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВХОЗ «СВЕТЛЫЙ ПУТЬ!» Мы дошли до крутого подъёма, усыпанного булыжниками. «Ну и куда это мы приплыли?» – с издевкой поинтересовался муж. «Ты меня спрашиваешь? – огрызнулась я, чувствуя нарастающее раздражение. – Бэлка говорила, тут полно иностранцев» «А, так это они там транспарант намалевали, а сами смылись, – съехидничал муж. – А ну-ка, давай сюда твою гениальную карту местности!» Я с отвращением протянула ему Бэлкин план. «Та-ак, ещё не всё потеряно...Нам туда, в самый конец» И мы поперлись

вверх по булыжной мостовой... «Зря я надела на него белые кеды, – буравила меня мысль при виде мужа, шедшего впереди меня и катящего грохочущий чемодан. – А носки!..» О Боже, я так и знала! Он надел в путешествие самые дорогие, самые лучшие носки, которые я купила ему под цвет новой жилетки! «Вот доберёмся до места, и я учиню тебе разборку!» – зрела во мне ненависть к ни в чём не повинному родному существу, и всё из-за жуткой, внезапно навалившейся жары, а также из-за моего состояния, о котором в приличном обществе умалчивают. «Хорошая вещь, но не для таких прогулок», – ворчал муж, имея в виду чемодан. «Смотри, колёсики не отбей», – предостерегла я. «Колёсики!.. – негодовал он. – Каких кирпичей, дорогая, ты туда напихала?» «Я, дорогой, напихала туда банку моего любимого кофе, банку сгущёнки и три пачки твоих любимых пряников!» «Хорошо ещё, ночной горшок не положила...» «Теперь думаю, что плохо...»

Мимо проплывали белокаменные стены и железные ворота, и деревянные лавочки у ворот. Впереди послышался чей-то пьяный мат. «Это твои иностранцы нас так приветствуют», – съязвил муж.

Бэлка, стерва, ты сумела-таки напоследок отомстить мне за испорченное мною твоё любовное свидание! Небось, сейчас смотришь на нас сверху и думаешь: «Ну, бл...ди, как я вас сделала!» «Всё, дальше не могу», – произнесла я, плюхаясь прямо на булыжники, поскольку лавочки давно уже кончились. «А дальше и не надо», – заметил муж, оценивающе разглядывая проволочную сетку, которой был обнесён предназначенный для нас таинственный дом. «Интересно, какой ключ сюда подходит?» – сказала я, разглядывая громадный ржавый замок. «Сейчас покажу, какой», – ответил муж, распахивая калитку носком белого кеда. – Добро пожаловать! И пойду поищу хотя бы туалет для начала нашего великого отдыха» «Угу, – согласилась я. – И не забудь разыскать для меня джакузи» «А вот это, скорее всего, у соседа вон за той крепостной стеной с куполами, а мы уж как-нибудь из шланга», – сказал муж, удаляясь куда-то вниз по пологой дорожке. Я осталась наедине с тишиной, присев на обширный пенёк, бывший в своё время раскидистым деревом, на котором когда-то, вполне возможно, висели качели. Всё-таки это был рай – вернее, предчувствие рая. Муж долго не появлялся. Его соитие с природой явно затянулось. Мне следовало отправиться на его поиски... но тут он наконец появился, жуя яблоко. «Послушай, там такое чудо! – воскликнул он. – Там такой роскошный сад, совсем неухоженный, но кое-что плодоносит». «Ещё бы не плодоносить, – ответила я, брезгливо морща нос. – Похоже, на эту площадку со времён Екатерины Великой не ступала нога ассенизатора...» Муж чуть не подавился яблоком. «Ты, как всегда, нежна в своих высказываниях, подобно майской розе», – пробурчал он. «Ну так с кем поведёшься!.. И вообще – довольно комплиментов, пока не поссорились, как всегда...Ты нашёл туалет?» «Найти-то я нашёл, но тебе с твоей брезгливостью, лапуля, лучше сходить куда-нибудь под кустик» «Ясное дело», – отозвалась я, направляясь к саду. «Смотри, не заблудись!» – напутствовал меня муж. Он явно имел в виду – «смотри, не провались!», но я смолчала.

Я прошла вниз по дорожке всего несколько шагов. Да, это действительно блаженство! Здесь было тенисто и прохладно, смягчённый солнечный свет проникал сквозь листву деревьев. Следовало поставить здесь раскладушку или, на худой конец, расстелить старое одеяло и развалиться на нём. А нет одеяла – можно и так... Это что такое?! Носки! Я так и знала! Этот гадкий мальчик снял с себя свои новые, по ошибке надевшие носки и повесил их на покосившуюся изгородь, отдающую наш сад от соседнего! В надежде, что я ничего не замечу и не устрою скандала! Я сдернула бордовые носки, чуть на зацепившись ими за торчащий ржавый гвоздь, и отправилась назад. Одолёв подъём наполовину, я вдруг поняла, что держу в руках ч у ж и е носки: запах был не тот, к которому привык мой нос, да и цвет был посочнее... Надо быстро вернуть нечаянно украденную вещь... или вещи, учитывая, что носков всё же пара...

Когда я спустилась к изгороди, возле неё стоял и смотрел на меня голубоглазый иностранец. Почему я решила, что он иностранец? Да потому что они заметно от нас отличаются и долго ещё будут отличаться. Он смотрел на меня безо всякого укора. «Экскьюз ми, – пролепетала я, – ай сынк, ит из май хазбентс...» (как по-английски «носки», я, конечно же, не помнила). «О' кей, – согласился иностранец и добавил: – Ит из май презент фо ю!» С этими словами он удалился. А вот это уже наглость, подумала я, соображая, как по-английски будет «наглость»; я совершенно не нуждаюсь в подачках от заморских гостей! Тем более, что носки не новые... И нечего мне тут демонстрировать своё высокомерие. Подумаешь, обмотался шарфом в тридцатиградусную жару и разгуливает тут!

По шаткой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж сильно вросшего в землю дома, я поднялась легко, как на крыльях. Дверь уже была отперта моим мужем. Пройдя через малюсенькую лоджию, я оказалась в комнате, где за столом сидел муж и увлечённо читал раздобытый где-то детский журнал «Мурзилка» за 1975 год. «На тебе есть носки?» – атаковала я его. Он машинально задрал штанину, пощупал ступню. «Никаких. Я их где-то сдёрнул, во дворе» – ответил он. «И куда повесил?» «Не помню». «А какого цвета они были?» «Да не помню я! – заорал муж. – Мы сюда отдыхать приехали или выяснять отношения про носки?» Я хлопнула дверь.

Дорога в сад показалась мне намного короче, чем в первый раз. И я успела в самый раз – носки моего мужа только что оказались в чужих руках, загорелых и веснушчатых. Я буквально вырвала носки из этих рук. «Oh, my God», – поморщился иностранец, по-джентльменски уступая, и сделал красноречивый жест, означающий: возьмите же вы это себе, если вам это так уж необходимо! И тут...

Мик, Мик Хариссон, звезда мирового масштаба с диска, подаренного мне Бэлкой... это ведь ты, обожаемый мною Мик... это же твоя улыбка...твой волнистый рыжий волос, на этот раз коротко подстриженный и безо всякой химзавивки... и твой пирсинг... Невероятно! Невозможно! Непостижимо! Что ты делаешь в этой глухомани? Тут ведь далеко не Кипр. Скрываешься от назойливых, нелюбимых тобою журналистов? Создаешь новые хиты среди кавказских гор? Собираешь лопухи для своего любимого салата «ромэн»?.. Лечишь заболевшее горло у местной знахарки?.. Приехал по приглашению какого-нибудь местного олигарха петь на свадьбе его сына-дочери?.. Всё это мне предстояло выяснить. А пока что ты был для меня бриллиантом в драгоценной оправе, найденным на дороге... не считая моего суженого, ладно, пусть он будет первый бриллиант, а ты – второй... Я не должна тебя упускать. Я бы никогда себе этого не простила. В моей голове зашелестел, подобно перелистываемой книге, курс английского языка Илоны Давыдовой, и я выдала всё, что знала на тему о природе, о погоде и так далее.

«Очень содержательно», – сказал ты по-английски. «А главное – поэтично», – сказала я по-русски.

Ты улыбнулся через плечо, твои маленькие, чуть припухшие глазки, такие голубые и поэтично бездонные, способные вместить в себя полнеба и полмира, глядели устало и довольно равнодушно. В данный момент ты явно не был готов общаться с представительницей прекрасного пола и улыбался мне только из вежливости. «Где вы изучали язык?» – поинтересовался ты. «Ит из майселф», – гордо заявила я. «Oh, yourself!» – шуточно восхитился ты и стал удаляться в глубь сада. «Нет!» – сказала я себе. Мне не оставалось ничего другого, как только схватить тебя за руку и потащить через лазейку в изгороди прямо в горы. Ты был на редкость покладист, как дитя; похоже, жизнь научила тебя не оказывать сопротивления шизанутым поклонникам – во избежание худшего. О Мик, если б ты вздумал сопротивляться мне, я проглотила бы тебя целиком, без остатка, чтобы сохранить тебя в себе! Я слышала за собой шлёпанье твоих босых ног в коричневых тапочках (я успела заметить рыжий

пушок на большом пальце твоей ноги с ногтем, подстриженным настолько аккуратно, что хоть бери палец в рот). Мне казалось, что в данную минуту я краду тебя, увожу от всех, и не было в моей жизни мига слаще! Мик, ты – мой самый счастливый миг! Вот бы взять у тебя обширное интервью в горах и поместить его в газете «Зеркало» на весь разворот, не всё же там печататься моему знаменитому супругу.

Так мы взобрались на первую попавшуюся возвышенность, откуда всё было видно, как на ладони – далёкое водохранилище, множество кемпингов вокруг него, дорожки, огибающие дома, сады и огороды. А закат сводил с ума своими потрясающими красками! Я уже собиралась наемкнуть тебе (разумеется, по-английски), что неплохо было бы снять здесь твой новый клип, как вдруг заметила, что смотришь ты совсем в другую сторону. Как это ни прискорбно, но нас с тобой интересовали совсем разные вещи. Я проследила за твоим взглядом и увидела далеко внизу каких-то людишек, тянувшихся муравьиной цепочкой от одного из домов (похоже, это был соседний с нами дом).

«Я в восторге от нашей прогулки, моя золотая леди, – наконец-то промолвил ты с присущим тебе юмором. – И я восхищён тем, что вам удалось сделать невозможное. Этих ребят я жду уже целую неделю. Без них мне не выбраться отсюда». Сказав это, ты начал неторопливо спускаться по склону. «Мик!!! – вырвался вопль из моей истерзанной души вслед тебе. – Мы вдвоём покорили эту вершину и с твоей стороны будет непорядочно оставить меня на этой чёртовой горе одну. Ты будешь просто последней сволочью, Мик, если не протянешь мне руку помощи!» Кажется, ты коротко, но энергично выругался, прежде чем вернуться. И мы, взявшись за руки, поскакали вниз по склону, игнорируя тропинки, и у тебя ещё хватило совести, англосаксонская твоя морда, отпустить мою руку на самой середине спуска!.. Я так и врезалась в этот могучий чертополох!..

«Ну что, погрёмся в горы?» – этими словами меня встретил бодрый и весёлый муж. Он сидел на пеньке, обстругивая ножом длинный сук, и не заметил ни ободранных моих коленок, ни растерзанных кед, ни огромной шишки на моём лбу. Зато из кармана моих когда-то белых, а теперь землисто-бурых шортиков всё ещё торчали бордовые носки...

Я попыталась запихать их поглубже, но карман затрещал по швам и носки вообще вывалились. «Так-то ты блюдёшь супружескую верность», – с горечью произнёс муж. «Успокойся, милый, – ответила я. – Единственно, с кем мне удалось изменить тебе сегодня, это с двухметровым репейником. Зато тебе, как я погляжу, больше по вкусу развлекаться с этой корягой, чем со мной. Ведь ты меня даже не ищешь в этой чужой стороне...» «Кстати, я нашёл свои носки», – объявил муж, не замечая моей обиды. «Рада за тебя! Вот только боюсь, наш с тобой поход в горы сегодня не состоится». «Ты, как всегда, права. Не стоит рисковать после заката. Мы всё начнём с рассветом. Эх, сейчас бы горячего чайку с бутербродами!» «Неплохая идея, – согласилась я. – Претворяй её в жизнь, пока я буду ставить себе примочки». «Эй, ты куда опять?» – кричит муж. «Да тут сосед в нашем саду золотой портсигар обронил...»

Мик, я иду к тебе с твоими дорогими душистыми носками. Вот уж никогда не думала, что стану фетишисткой! Зато я, кажется, поняла, почему ты повесил носки на нашей стороне. Они должны были служить своеобразным ориентиром для твоих импрессионаристов, чтобы они не проскочили мимо твоего дома... Но всё равно ты их повесил не туда, куда было нужно. Помешала этому я. Так уж получается, что я всем мешаю в этой жизни.

А ты сидишь в пластмассовом кресле под деревом и сосредоточенно извлекаешь колючку из подушечки большого пальца на правой ноге, совершенно непохожий на супергероя из своих романтических клипов, и явно посылаешь к чёртовой прабабушке всех, в том числе и меня... Не надо, Мик! Хотя у меня сегодня такое настроение, что я готова каждую минуту мстить сильной половине человечества за все

свои испорченные мечты и надежды, а чем ты не из их числа?! На твоей стороне есть хотя бы импровизированный душ, а на моей... э, да что там говорить! И ты мне предоставишь... нет, ты просто о б я з а н предоставить мне душ после такого неудачного спуска с горы! И ты дашь мне своё полотенце... нет, ты обернёшь меня своим полотенцем, когда я выйду из душа...

Размечталась!!!

Ты окинул меня быстрым, оценивающим взглядом, на миг оторвавшись от ключки в ноге: «Это было незабываемо». «О да, Мик! Ты снимешь об этом клип?» «Я сниму об этом три клипа». «А в главной роли буду я!»

Наглеть – так наглеть до конца, – подумала я, погружаясь в джакузи, в неудобную с непривычки ёмкость с ароматической пеной и...

...и тут надо мной нависла Кэт – отвратительный ребёнок с лицом дауна и душой злобной крысятини (последнее выяснилось со временем). Ты привёз меня не на побережье в Малибу, и не в Амстердам, и не в Лондон даже – ты привёз меня в чумазый портовый город Манчестер, где на каждом углу торгуют тухлятиной и просят милостыню афробританцы, где в супермаркетах продаются в пластиковых коробках безвкусные, как пластмасса, салаты, а вместо хлеба – воздушные, длинные французские батоны, где самым таинственным и романтичным местом считается старое кладбище, которое фигурировало в твоём первом клипе. Я всё понимаю, Мик, тут тоже люди живут, и ты не настолько богат... скорее, ты не настолько расточителен, чтобы покупать у русской мафии земельные участки на Багамах. Я готова терпеть твои greatest hits tours по полгода, но только после нашего свадебного путешествия с ездом на Канары, Лонсорото и Коста-Рику (турне по Тихому океану на комфортабельном лайнере не в счёт).

Теперь о Кэт. Я охотно верю, что это твоя дочь, она такая же рыжая. Весьма своеобразный ребёнок. С наполовину высунутым языком, всегда готовая на пакость, и вовсе не потому, что она ревнует тебя ко мне (я не знаю, способны ли вообще на ревность дауны). Своими короткими, вечно липкими пальцами она открывала любые замки, разбирала мою косметику, чуть ли не в задницу себе запихивала мою губную помаду. Она даже ухитрилась вынуть камень из подаренного тобою кольца. В доме для этой бестии никаких преград не существовало. Её сухотелая чернокожая нянька пожимала плечами – мол, невозможно ничего поделаться с этим ребёнком. Наиболее безобидный из поступков Кэт – когда она своими липкими ручонками вкладывала DVD-диск в плейер, а потом вылизывала языком экран, на котором ты давал интервью японским журналистам... бродил по рыбному рынку в Стамбуле, особо не стараясь быть узанным, спотыкаясь о рыбные хвосты и головы, спрашивая у продавцов названия тех или иных рыб... Ты двигался на экране, а дочь вылизывала твоё изображение, приговаривая: daddy, daddy, папочка... Бр-р-р! Отвратительное зрелище!

«Мик, а где же мать Кэт?» – задала я совершенно естественный вопрос, когда мы голышом загорали на твоей персональной яхте. Ты ответил не сразу: «Если тебе так важно это знать, она находится в Лондоне, в психоневрологической клинике». Больше ты ничего не сказал. Я почувствовала в тебе очаг давней боли, и я не в силах была с этой болью справиться, равно как и заменить тебе кого-то. «Кэт – мой единственный ребёнок, в ближайшее время у меня не должно быть детей». «Мик, объясни, что означают твои слова?» «Моя жизнь – мой бизнес, и я должен, ту honey, уметь её планировать... тем более в условиях кризиса». И ты широко улыбнулся мне, совсем как music lover. «Я рад, что у меня русская любовница, и что между нами существует договорённость во всём». И мне вдруг захотелось дать тебе затрещину, прежде чем умереть от обожания и нежности к тебе, просматривая в твоё отсутствие твои знаменитые хиты, катаясь по пустой постели в эротических снах...

«Насчёт бэби, ту honey, я пошутил, не всё так безнадежно...»

Мик, ты всегда шутил. И все твои ответы на мои вопросы были абсолютно логичны, мне не к чему было придрататься, И ты был по-своему заносчив, проведя чёткую линию между нашими с тобой отношениями и своей личной жизнью. Чтобы жить с тобой, надо быть либо эмансипированной стервой, либо всецело принадлежать тебе, как кошка, узнающая и любящая только своего хозяина, и не вмешиваться ни в какие твои дела.

«Мик, ты меня любишь?» «Of course, my honey». «Тогда почему ты стучишься в мою спальню, а свою комнату при этом запираешь на замок?» «Потому что ложе существует не только для любви, но и для отдыха, и для мыслей...». «Мик, ты помнишь, что ты вытворял вчера на вечеринке у Джонсонов?» «И что же такое я вытворял?» «Ты напился вдрызг, ползал на четвереньках, ел с пола упавший торт...». «Я вёл себя как честный пьяница, не нарушая ничьих прав, не вступая в позорную драку, моей скромной пьяной выходке мог бы позавидовать сам премьер-министр...». Мик, в свободное от репетиций время ты гоняешь мяч по спортивной площадке и лихо забиваешь голы, гребёшь на каноэ по океану, отправляешься на ночные съёмки за город. В поездках жуёшь гамбургеры, запивая их кока-колой. Поедаешь кос-салат, берегущий твои голосовые связки. В перерывах между репетициями ты ещё успеваешь выучить несколько фраз на языке той страны, в которой тебе предстоит гастролировать, для того лишь, чтобы непринуждённо болтать со сцены с залом, отпуская шутки, крутя микрофоном. Ты хороший психолог, Мик. Своими шутками ты способен и мёртвого расшевелить. В твоём здоровом образе жизни – слишком здоровом для меня – почти не остаётся для меня места. Равно, как нет и никакого соприкосновения с твоими рубашками и носками, поскольку всем этим в доме занимается Хема, толстая и страшная индианка со спутанными волосами... Ты просто помешан на «цветной» расе! По-твоему, чем темнее цвет кожи – тем талантливее личность. Но у меня своё мнение на этот счёт: Мик, я совершенно точно для себя определила, что мой шофёр и моя кухарка должны быть родом с Кавказских гор! Ты согласен, Мик? Ты так уморительно задумался над моим предложением, пообещав в ближайшее время обсудить этот вопрос, что мне хотелось снова и снова ловить тебя на непонимании простого русского юмора. «Мик, отгадай загадку: два конца, два кольца... ну ладно, чтобы ты не мучился, это – свадьба «голубых»... веуэддинг блюю'с». «Ты имеешь в виду свадебный марш?» «Нет, я имела в виду однополый брак... но не учла, что у вас над этим вообще не шутят, и что слово «голубые» у вас звучит иначе...». Мои чувства к тебе каждый раз спотыкались о твой англосаксонский стереотип. В разгар нашего с тобою спора прибежала Кэт и неожиданно уселась ко мне на колени, обхватив мою шею руками. Её слюнявый язык коснулся моей щеки, мне пришлось сносить её ласки, не морщась. «Ещё одна загадка... Сидит дед, во сто шуб одет... Ситтинг олд мен, дрессед ин хандрид винтер коутс, – продолжаю я, ужасаясь собственному переводу. – Нет, Мик, это не партизан из русского боевика, это овощ, понимаешь? Репчатый лук». Как перевести слово «репчатый», я не знаю, равно как и слово «лук», и мои объяснения заводят меня саму в тупик. Кэт у меня на коленях неприятно хохочет, явно ничего не понимая, но тебе нравится смех твоей дочери. «Продолжаем, – говорю я. – Сидит красна девица в темнице... э-э-э... ред леди ту призон... Да ладно, не пугайся ты, хорошо, я скажу, это всего лишь-навсего морковь!» «That`s enough! – перебиваешь ты меня с напускной серьёзностью. – Достаточно! Я не желаю больше слушать эти ужасы про русские овощи!» Кэт заливается смехом. «Ладно, Мик, – соглашаюсь я, подмигивая Кэт. – Теперь твоя очередь загадывать». «О`кей. Одна полоска жёлтая, другая синяя, сверху зелёная...», – несёшь ты какую-то хрень. «Да тут и думать нечего, – отвечаю я. – Это лодка нашего соседа Билла, раскрашенная им собственноручно!» Мы хохочем все втроём. «Но Билл иначе раскрашивает свои лодки», – серьёзно говоришь ты потом, готовый дать разгадку. «Погоди, Мик, у меня есть одно МА-аленькое предложение: ты разводишься с матерью Кэт, и мы с тобой путеше-

ствуем; затем ты подыскиваешь мне место в своём музыкальном бизнесе – если я, конечно, нахожу отгадку к твоей нелепой, бессмысленной загадке». Твои глаза округляются, темнеют, и из прозрачно-голубых становятся синими. Это глаза кота, умоляющего не брать его за шкуру и не топить. «Ну уж нет, – медленно отвечаешь ты. – Скорее уж я буду спать с трёхтрубками, sleep with the Tribbles». «Что?! Что ты сказал?! С кем ты собираешься спать?!» В твоих глазах мелькает растерянность. «Ты не поняла, baby. Ещё говорят: только добавь личинок, just add maggots». Я окончательно выхожу из себя: «Спать с личинками?! Неужели я до такой степени тебе противна?!» Ты растеряна ещё больше. «Да нет же! – кричишь ты. – Я имею в виду to be in Abraham`s bossom, «быть в груди Абрахама»...Я не понимаю вообще ни черта, и тут ты наконец выпаливаешь: «Умереть! Это всё означает «умереть», baby. Так вот, я скорей умру, чем разведусь со своей женой – вот что я имел в виду!» Я остываю. Что ж, классная месть за мои русские загадки. И большое спасибо, Мик, за откровенность. Ты убедил меня в том, что я для тебя ничего не значу...

А знаешь, что самое смешное, Мик? То, что рассказывая тебе русские анекдоты и загадывая русские загадки, ловя тебя на тупизне, я не перестаю обожать тебя. Может, мои чувства ещё далеки от настоящей любви, но я умираю, когда тебя нет рядом. Умираю ещё и от безделья, от ненужности самой себе. В твоих музыкальных клипах ты красив до умопомрачения, ты страстен так, что дух захватывает... а в жизни небрежен, холоден, эгоистичен. Ты и должен быть таким. Я настолько в тебя влюблена, что уже ненавижу... Мик! Ты меня куда-то волочишь. Укладываешь на заднее сиденье машины. В голове у меня гудит, в глазах – чёртики. Тошнота подступает к горлу. Кажется, я испачкала тебе пиджак. Надеюсь, Хема его отстирает. Я много чего перепробовала – и из любопытства, и чтобы тебе меньше осталось: и виски с содовой, и джин с тоником, и бренди, и ром... Пожалуй, перед русской водкой я бы остановилась, но водки там не было. Джонсоны хорошие люди, они полицию вызывать не станут, хотя бы из уважения к тебе... Мик, скажи правду – я похожа на русскую тварь, которая подбирается к твоим честно заработанным счетам в банке? «Немного, – улыбаешься ты. – Но не беспокойся насчёт моих счетов, их надёжно заморозил кризис...Теперь вся моя надежда – на живые концерты». И ты уезжаешь, не попрощавшись даже с Кэт. Ты вообще не любишь прощаться. Твой маленький серебристый самолёт исчезает в облаках вместе с тобой на борту, а также с двумя Джонсонами-клавишниками, бас-гитаристом мексиканского происхождения Зузукой и прочей разношерстной шоблой, в составе которой имеются две чернокожие солистки с отменными голосами. Рядом с тобой они в своих белых балетных «пачках» так похожи на дрессированных макак!.. Да-да, я очень хорошо помню, что мне нельзя ни к кому и ни к чему ревновать тебя. Это глупо, бессмысленно, отвратительно. Именно так и выглядела бы моя ревность. К тому же она была бы ещё и смешной... Ведь эти две шоколадные леди, они потому повсюду с тобой, что могут петь. А что могу я, Мик? Каждую секунду произносить твоё имя?.. Ведь ты принадлежишь не мне, а музыкальной своре, которую считаешь своей семьёй! Что ж, ты прав, как всегда, нам пора разойтись по своим семьям. Я хватаю свой старый помощный чемодан (Хема так и не отважилась его выбросить, предвидя, наверное, скорый конец нашей дружбы). Хема, даун и нянька Амалия сейчас в разных комнатах. А на пороге моей комнаты застыла фигура Элис, жены Джонсона-среднего и матери двоих Джонсонов-младших. После моего постыдного бузинга (попойки) мне больно смотреть ей в глаза. И ещё после того, как ты оставил меня с её оголтелыми детьми, а сам оккупировал песчаный берег на время своей трёхчасовой репетиции.

«Хелен, – начала она (здесь все называют меня почему-то именно так), – Хелен, я должна тебе что-то сказать».

«Я слушаю, Элис, говори», – отзываюсь я, продолжая швырять в чемодан всё своё, минус твои подарки и минус вещи, купленные в кредит. Пусть моя совесть будет

чиста. Сейчас она сообщит мне, что твой самолёт, пролетая над Скалистыми горами, разбился вдребезги. Неплохой конец для романа.

«Мне надо с тобой поговорить». Да говори же, чёрт тебя дери!

«Мик... Он очень ранимый и очень доверчивый, – начинает Элис. – Если он бывает в чём-то непреклонен, то это всего лишь его защита, его панцирь...»

«Понимаю». Кто бы здесь понял мою ранимую душу...

«Женщины часто обманывают таких, как он...»

(А нечего зашибать такие бабки!)

«Он восхищён твоим интеллектом и вашей дружбой с Кэт», – продолжает Элис.

(О Мик, дорогой, в том, что наши с тобой отношения целиком зависят от моих отношений с твоим ребёнком – ничуть не сомневалась, терпя выходки избалованного даунёнка!)

«Но он влюблён в свою жену?» – предполагаю я.

Элис замотала головой: «Свою жену он знает с детства, они снялись вместе в одном из клипов, в том самом, где парень пытается спасти свою девушку от наркотиков...»

(Видела. Шикарный клип, шикарная музыка. Хотя смысл слов я уловила плохо)

«Она долго не могла родить Мику ребёнка. А когда родила – случилась двойная непоправимая трагедия. Надеюсь, понимаешь, о чём я?»

«Скажи, а у Мика нет детей, кроме Кэт?» – задаю я не очень тактичный, может быть, вопрос.

«Ты о чём?» – оторопевает Элис.

«Я видела клип, где он поёт в окружении разноцветных малышей».

«О, нет, – улыбнулась Элис. – Это всего лишь клип. Просто Мик хорошо относится к «цветным»...

(Я это заметила)

«Мик чувствует себя виноватым перед своей женой», – говорит Элис.

Ну вот, не хватало ещё, чтобы он чувствовал себя виноватым ещё и передо мной! На мои глаза наворачиваются слёзы, к горлу подкатывает комок. Любить любого ребёнка и дружить с темнокожими – это то, чего так не хватает мне. И в этом отношении я гораздо эгоистичнее моего MUSIC LOVER`а, моего рыжего голубоглазого котяры с трогательной – Голливуд отдыхает! – улыбкой, с манерами самого нежного и деликатного донжуана на свете, по-детски ранимого, с простым, но логичным мышлением и кучей прочих достоинств и недостатков.

«Если ты сейчас исчезнешь, ты причинишь ему новую боль. Не делай Мику больно», – умоляет меня Элис. Но я уже не слышу её. Я просто бьюсь в безмолвной истерике и уже предвкушаю сны, в которых ты являешься мне раненым, окровавленным, и я буквально вылизываю твои раны, потом хватаю тебя в охапку и ору, что никогда и никому тебя не отдам... А потом снова и снова выискиваю тебя среди обломков самолёта... но все эти сны будут потом. А пока что я произношу самую эгоистичную из своих фраз: «Если я ему так нужна, то пусть хотя бы попытается меня вернуть!» Должен же в этой жизни хоть кто-то попытаться вернуть меня к себе...

Мик, по возвращении домой я намерена побросать все диски с твоими записями в мусорное ведро. Все эти CD и DVD, которые я когда-то в порыве подлинного безумства нахватала в музыкальных магазинах города Баку и не только Баку. Но станет ли мне от этого легче?

***

Ещё только подходя к родной библиотеке, я заподозрила что-то неладное. Нет, вначале радости моей не было предела: я увидела щуплых солдатиков, споро выгребующих из глубин здания связанные пачки классиков марксизма-ленинизма; до

этого классики не востребоважно возлежали на полках и собирали пыль. Подойдя ближе, я заметила, что волокут, оказывается, не только вышеупомянутых классиков, но и прочих неплохих, в общем-то, авторов. Связанные пачки забрасывались в кузова грузовиков и увозились в неизвестном направлении.

Поднявшись на второй этаж, я остолбенела: Бэлуся!.. Живая!

«Как видишь, – словно прочитав мои мысли, ответила Бэлка. – Живучая я, как кошка, только месяц в Семашко провалялась». Она курила в перерыве между связыванием книг, сняв резиновые перчатки и опустив респиратор. Странно было видеть Бэлку среди полупустых и пустых полок, и поневоле думалось, что теперь вот ей прятаться с сигаретой будет негде, да и незачем. «А ты чего вернулась в эту плевательницу? – поинтересовалась она. – Неужели Манчестер хуже нашего города?» Бэлка была осведомлена обо всём. Кто мог накапать ей про Манчестер и всё остальное? Мика. А Мике кто? Мой бывший супруг, такой же сплетник и жалобщик, как и все бывшие супруги в трудные моменты своей жизни.

«Может, наш город и лучше Манчестера, но я... я оказалась гораздо хуже, чем предполагала», – сказала я.

«Король эротических блюзов показал себя тупым скупердям и занудой-неврастеником? – предположила Бэлка, гася сигарету о деревянный стеллаж. – Неужели он послал тебя на фиг?»

«Скорее, это я послала его на фиг».

«Молодец, растёшь!»

«Я не расту. Я умираю, медленно и мучительно».

«Запомни, золотце, ни один мужчина не стоит того, чтобы из-за него умирали! А у нас тут, как видишь, полная к и т а б Х А Н А. Что называется, «мы старый мир разрушим до основания...»

«...а затем – кто будет бить в раю баклуши, а кто останется ни с чем», – закончила я Бэлкину весьма вольную интерпретацию «Интернационала», избавив её от необходимости развивать тему в неприличном, скорее всего, варианте.

«Вот-вот, вижу, что заграничная жизнь не затоптала твоего юмора, – одобительно сказала Бэлка, вновь принимаясь за связывание книг. – Ты насчёт работы особо не переживай. Я тебя протащу, если, конечно, сама тут удержусь».

Не удержалась.

Спустя какое-то время мне удалось проникнуть в бывшую нашу библиотеку с фотоаппаратом-мыльницей в руках. Я попыталась запечатлеть на плёнке компьютерный зал и богато инкрустированную ручку туалета, после чего с позором была выдворена из здания каким-то служащим, которого я раньше и в глаза не видела. Всё правильно. Я была нужна только там, где под ногами шмыгали крысы, а на голову постоянно сыпалось какое-то дерьмо..

...Мик, я чувствую всем своим нутром, как ты зовёшь меня обратно, приводя при этом веский аргумент – по мне безумно скучает Кэт. А её наглую няньку Амалию ты уже уволил. Но, Мик, я не вернусь. Невозможно вернуться в прошлое... тем более, сочинённое в минуту эйфории... Всё было совсем не так. Элис вовсе и не уговаривала меня остаться. И насчёт твоей жены она тоже ничего не пыталась объяснить. Она просто дружески протянула мне свою руку, пообещав не оставлять меня одну в твоё отсутствие. Так вот, Мик, я вовсе не собиралась сплетничать с Элис о тебе на чужом языке. Ты ведь это хотел знать, признайся? Отправляясь в своё турне ты, как честный MUSIC LOVER, оставил на тумбочке 500 евро на мелкие расходы. Я не знаю, что ты подразумеваешь под мелкими расходами – поход в один из местных бутиков или обед в ресторане с Элис. Обед с Элис мне абсолютно неинтересен, а таскаться по бутикам я не приучена с детства. И мне жутко не нравится шёлковое нижнее бельё на бретельках. Гораздо приятней находиться в своей роскошной пижаме, пижаме цвета

вечернего неба с разбросанными по нему бордовыми розами. Тебе ведь она тоже нравится? Мне даже удалось однажды заняться с тобой любовью в этой пижаме. Поэтому я забрала её с собой, чтобы отныне спать в ней и только в ней. Мик, чтобы заниматься с тобой любовью, мне вовсе не нужно раздеваться догола. Я могу впасть в экстаз от одного твоего прикосновения и даже от одного твоего голоса. От одного вида твоего весьма своеобразного выхода на сцену. Но в ту минуту, когда я упаковывала чемодан, меня уже ничто не могло остановить. И никто – ни ты, ни Элис. Впрочем, ты, может, и остановил бы, если б оказался тогда рядом. Но тебя рядом не оказалось. А в моей голове постоянно вертелся один из эпизодов нашей с тобой совместной жизни. Глупейший, пакостнейший эпизод... Нет, не моя пьянка, и не твоя. Всё было гораздо омерзительней.

...Я балдею в джакузи. Кэт швыряет в воду оторванные части своих Барби и Синди, она уже намеревается замочить свою безголовую собачку, сунёт её ко мне в джакузи, словно в воды Ганга, но Амалия успевает схватить девчонку за руку. «Мик ещё не приехал?» – спрашиваю у няньки. Она отрицательно качает головой, а в глазах у неё – нехороший огонёк. Спустя три часа Амалия стоит у моей кровати и трясёт меня за плечо. И я повинуюсь ей, словно загипнотизированная, следую за ней по лесенке, ведущей в твою комнату, где находится несколько музыкальных инструментов – иногда ты создаёшь здесь свои бессмертные хиты. Твоя комната по-прежнему заперта. Но мне предлагается заглянуть в замочную скважину. Ничего более унижительного в своей жизни я ещё не испытывала. Я до такой степени шокирована подсмотренным, что у меня просто не хватает сил для крика и немедленного бегства. Потом я начинаю метаться по твоему дому, готовая покинуть его немедленно. Но из всего возможного транспорта в этом районе – только такси с шоферами-афробриганцами. А их я побаиваюсь.

Мик, ты появляешься за моей спиной. Интересно, что ты сейчас скажешь в своё оправдание?.. Что ты вовсе не гей, но таким образом расслабляешься, что репетируешь эпизод из своего нового клипа?.. И ты ещё советуешь мне позвонить своему психоаналитику, чтобы успокоиться! Мик, ты просто спятил. Неужели ты думаешь, что я сейчас наберу номер твоего психоаналитика лишь для того, чтобы спросить: «Скажите, пожалуйста, мой муж Мик, всемирно известный певец, солист группы «Сингл Блэк», спятил или не спятил? Он гей или не гей? Бисексуал или не бисексуал?» И что же мне ответит психоаналитик? В разгар нашей с тобой ссоры Амалия стоит поодаль и с плохо скрываемым злорадством наблюдает, как я мечу в тебя твои платиновые диски. И в это самое время разбуженная Кэт проникает в твою незапертую комнату – единственное место, куда ей категорически запрещён доступ. Кэт ловко управляет инструментами: на гитаре рвёт струны, а в саксофон засовывает кусок жвачки. Bravo, Кэт, я в восторге! Сейчас ты – единственное существо, которое мстит за меня!

...Мик, сделай так, чтобы я о тебе никогда не думала, чтобы мне никогда не снились осколки твоего вдребезги разбившегося воображаемого лайнера, чтобы я никогда не произносила в ночи твоего короткого кошачьего имени, чтобы я не ласкала своё тело под пижамой, воображая себя с тобой. Мик, дай мне слово, что ты никогда...никогда...никогда...

ЛЯМАН БАГИРОВА

Он же поэт, он же авиатор, он же...

Эссе

Жара плывет над городом... Она властвует над всем. Плавится не только асфальт, но и мозг. Такое ощущение, что он превращается в вялую субстанцию, напоминающую плохо взбитые белки. Вот уж поистине – «ты, все душевные способности губя, нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи». Пушкин, он на все времена года – Пушкин!

Но мысль – странная штука. В вялой субстанции, в которую летом превращается человеческий мозг, иногда возникают непостижимые ассоциативные связи. Могу поручиться, что сейчас мало кто вспомнит, да многим, пожалуй, и неизвестно, что ровно 35 лет назад, в 1986 году на широкий экран вышел последний фильм Александра Зархи «Чичерин». Впрочем, сейчас мало кто вспомнит, кто это был вообще.

А мне отчего-то вспомнился этот фильм именно сейчас. И вовсе не потому, что питаю особый интерес к биографии первого наркома иностранных дел СССР. И даже не потому, что его роль в фильме сыграл замечательный Леонид Филатов. Этот фильм мне запомнился всего лишь одной репликой. Во второй серии Филатов цитирует по-итальянски стихи: «меня не любите, и я вас не люблю, но все же есть меж нами нежности частица». Строчка из стихотворения неизвестного мне доселе поэта Габриэле д'Аннунцио. Она поразила меня своей щемящей искренностью. Нежность, как тихий закатный свет, остается, когда уходит любовь. Или даже когда любви вовсе не было.

Этой малой строчки было достаточно, чтобы запомнить и фильм, и имя самого поэта. И узнать о нем больше.

Итак, Габриэле д'Аннунцио. 1863-1938. Поэт, и не только...

Париж не видел такого со времен Коммуны! Люди разного возраста и общественного положения высыпали на улицы! В их глазах светилась неподдельная радость! Они размахивали флагами, пели, танцевали, обнимались.

11 ноября 1918 года начало действовать перемирие, остановившее Первую Мировую. Столица Франции, которую еще совсем недавно бомбила немецкая артиллерия, праздновала наступление мира. В Париж съехались представители разных стран, чтобы наконец договориться о новом мировом порядке. В кабинетах Версаля на картах рисовались новые границы старых и новых государств. Мир перекраивался (в который раз!).

Италия входила в так называемую Большую Четверку, вместе в Англией, Францией и США. Она была самой слабой из них всех, но имела огромные амбиции. Ну, что же... Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

Споры за передел Старого Света перекидывались на Италию. Часть стран хотела расширить свои владения за счет земель, которые когда-то принадлежали Венецианской Республике. Лучшие из них – это Восточное побережье Адриатики. Но возникли споры. К тому же члены итальянской делегации рассорились между собой. Они покидали переговоры, затем снова возвращались.

В самой Италии эта ситуация вызвала волну возмущения. Общество легко подхватило термин «искалеченная победа». Его автором был поэт, солдат и романтик Габриэле д'Аннунцио.

Это была одна из самых заметных фигур Италии конца XIX – начала XX века. Он был частью тех ветров перемен, которые творили искусство декаданса. Плюс невероятно яркий, даже эпатазирующий стиль жизни. И, пожалуйста – личность, оказавшая огромное влияние на Италию того времени.

Его призванием было искусство. В особенности то, как он его видел. Жизнь вращалась вокруг поисков наслаждений, которые он пытался найти даже на войне.

Габриеле д'Аннунцио родился 12 марта 1863 года в итальянском городе Пескаре. Его отец носил двойную фамилию Рапаньетта-д'Аннунцио, но, к счастью для сына, отказался от первой части. «Рапаньетта» в переводе с итальянского значит «репка». «Аннунцио» – «весть». Вторая часть фамилии больше подходила поэту и политике.

Габриеле д'Аннунцио от матери унаследовал отзывчивость и тонкие черты лица в юности, от отца – вспыльчивый характер и неукротимую любовь к женщинам. Писать он начал еще в школе. Проба пера не имела особого успеха. В иезуитском колледже с неодобрением встретили вздохи юного поэта об «эфирных персях» и «варварском жаре поцелуев».

В 16 лет Габриеле опубликовал на деньги отца свой первый стихотворный сборник «Весна». Годом позже книга была переиздана. Чтобы привлечь к ней интерес, юноша послал в газету телеграмму, сообщавшую, что автор умер после падения с лошади.

Он добился своего. Сборник продавался очень хорошо, его заметили и литературные критики. Вскоре о молодом поэте заговорили даже в Риме. Он переехал туда в поисках работы, поступил на филологический факультет университета и устроился корреспондентом в газету.

Он обладал фантастической работоспособностью и написал сотни статей под разными псевдонимами. Новый стихотворный сборник «Рифмованное интермеццо» шокировал публику эротическими откровениями. Эротика присутствует в большинстве произведений д'Аннунцио, начиная с написанных в 16 лет первых стихов. А книги его домашней библиотеки были помечены эротическим экслибрисом.

Попробовал себя в прозе – получилось так же успешно. Вышедший в 1889 году роман «Наслаждение» сделал д'Аннунцио знаменитым. О главном герое романа заговорили как о герое своего времени. Прототипом главного героя был автор, а название – одним из главных слов в мировоззрении д'Аннунцио. Жизнь для него была утолением жажды роскоши и удовольствий, в первую очередь, любовных. Страсть и нежность в романе д'Аннунцио побеждали рутину, а именно об этом втайне мечтали вполне благопристойные обыватели. (Кстати, если говорить о романах писателя, то нелишне будет отметить, что нашумевший в свое время фильм Лукино Висконти «Невинный» также был снят по мотивам произведений д'Аннунцио)

Литературный талант молодой д'Аннунцио подает очень ярко. Тратит почти все деньги на стильную обувь и роскошные галстуки и пытается быть похожим на тех, о ком пишет – прожигателей жизни. Работа создает прекрасные условия для раскрытия еще одного таланта Габриэле – умения нравиться женщинам.

Первый его брак был с герцогиней Марией Ардуино Галеззо. Его можно было назвать браком по расчету – герцогиня уже была беременна. Их близость Габриэле увековечил в стихах «Майский грех». Благодаря этому бракосочетанию Габриэле получит еще один скандал, который придаст ему славы. Мезальянс, как-никак!

В погоне за славой и женщинами Габриэле оставит жену. О бесчисленных любовницах поэта начали ходить легенды. Среди его избранниц была великая итальянская актриса мирового уровня Элеонора Дузе. Она была воплощением женщин, похожих на героинь из произведений д'Аннунцио – эмансипированная невротическая натура. Она старалась разоблачать ложь размеренной супружеской жизни, стремясь к свободному выбору и праву на страсть.

Элеонора перетянула его во Флоренцию и помогла погасить большие кредиты. А он написал для нее свои лучшие пьесы. Но роман распался после того, как актриса подловила поэта на измене. Габриэле флиртовал с каждой женщиной на своем пути. Самых богатых соблазнял. Так было с женой графа Манчини, дочерью бывшего итальянского премьера Алессандро де Рудини, эпатажной светской дамой маркизой Луизой Казатти, а также с одной из первых исполнительниц эротических танцев на большой сцене – Идой Рубинштейн.

Характеристика д'Аннунцио уместалась в два слова: гениальность и эпатаж. Яркие романы переплетались с дуэлями. Своенравный поэт легко встречал в конфликты. Одна из стычек закончилась плачевно. Поэт был ранен, а лекарства, которые должны были поставить дуэлянта на ноги, спровоцировали облысение. Но на искусство оболысения Габриэле это не повлияло.

Лысый, небольшого роста и неприметной фигуры мужчина, он оставался секс-символом Италии. Он давал женщинам то, чего они больше всего хотели: в его обществе они чувствовали себя центром Вселенной. Он умел убедить кого угодно в чем угодно, настолько велико было его обаяние.

От эротической лирики д'Аннунцио перешел к патриотическим стихам, возрождению былой славы Древнего Рима в современной Италии. Накануне Первой Мировой он прославляет подвиги итальянцев в войне с османами за Ливию, призывает использовать войну как шанс на расширение границ. Когда в 1915 королевство Италия вступило в войну, поэт без колебаний записался добровольцем.

Войну он также использовал для своего пиара. Он записался в элиту – только созданные воздушные войска. Во времена Первой Мировой было трудно найти что-либо почетнее, чем быть небесным всадником. После недолгих курсов поэт на 52-м году жизни стал самым взрослым пилотом итальянской авиации. И на свет тогда появился его афоризм: Никогда не говорите: «Мне уже слишком поздно начинать...»

За ним следила вся Италия. На фронте это очень чувствовалось. Он одним своим куражом вдохновлял солдат, прославляя было величие Рима и героизм Джузеппе Гарибальди.

Во время одного из боев его самолет подбили. Приземление был тяжелым. Габриэле сильно ударился лицом и повредил глаз.

Вся Италия аплодировала, когда через несколько месяцев он вернулся в строй. Овации стали оглушительными, когда поэт-солдат организовал первую гибридную бомбардировку. Эскадрилья д'Аннунцио преодолела тысячу километров и сбросила над Веной 4000 прокламаций. Они предсказывали поражение Австро-Венгрии в противостоянии с итальянцами и заканчивались патетически, мол, мы могли сбросить на ваши головы бомбы, но получайте пока лишь листовки!

Войну д'Аннунцио завершил с большим авторитетом за плечами. И... ушел с головой в общественную жизнь! Основной мишенью его насмешек стали политики, ответственные за провал переговоров о новых границах страны.

Портовый город Риека на территории теперешней Хорватии (кстати, так и назван Риека, потому что стоит на реке) был яблоком раздора между королевством Италии и новосозданным государством сербов и хорватов. Город был заселен преимущественно итальянцами, которые называли его Фиуме. Но в окружающих землях жили, в основном, хорваты, и они ничего отдавать итальянцам не собирались.

Переговоры в Париже относительно Риеки пришлось прервать. Все были в шоке оттого, что Италия ничего не может сделать со своими людьми, которые подняли в Фиуме итальянские флаги. Фиуме словно искал того, кто решится взять ответственность и первым провозгласит город итальянским. Одно из обращений получил д'Аннунцио. Он с радостью согласился возглавить смельчаков, которые отвергли международную договоренность. Возвращение Фиуме он рассматривал как возрождение былой мощи Италии.

В Фиуме начиналась своего рода революция, которая должна была изменить, по сути, власть в Италии. Возникло движение чернорубашечников – бойцов за справедливость для Италии. Их лозунгом был древнегреческий боевой клич: «Ай-я, ай-я, а-ла-ла-ла!» Остановить их не могли ни полиция, ни военные.

Остановить д'Аннунцио, который возглавил движение чернорубашечников было невозможно. Он был героем войны и прославленным поэтом.

С моря Фиуме контролировал Австро-Венгерский флот. Это было стратегическое место. Пока судьбу Фиуме не решили в Париже, австро-венгры пытались удерживать статус-кво.

В феврале 1918 года д'Аннунцио начал свой поход. Три итальянские парусные лодки прорвали австро-венгерскую оборону около мыса Бокар, который считался неприступным. Когда они подошли близко к вражеским кораблям, то вместо торпед отравили австро-венграм бутылки, в которых были сообщения с насмешками. д'Аннунцио обожал раздражать врагов и эпатировать публику. Он знал, что пропаганда иногда имеет вид бомбы. Чтобы избежать лишнего кровопролития, войска Антанты оставили Фиуме. Итальянское население радостно встречало д'Аннунцио, а поэт упивался властью. Выйдя на балкон под овации, он театрально поцеловал итальянский флаг, сбросил его вниз и торжественно провозгласил Фиуме итальянским городом. Толпа внизу ревела от восторга!

Парижская мирная конференция застопорилась. США и Англия были в шоке. Призывали Италию остановить захват Фиуме.

д'Аннунцио был очень зол ответом из Рима. Он и так недолюбливал ни короля, ни его представителей на конференции, а после приказа оставить Фиуме вообще вышел из себя и назвал такое решение антинародным.

Рим отказался принимать Фиуме. д'Аннунцио пошел ва-банк. В 1920 году он шокировал местных итальянцев, которые пытались просто присоединиться к основной части страны, и провозгласил отдельную Фиумскую народную республику. В планах ее правителей было дожидаться новой власти в Риме, которая не побоится принять Фиуме в свои владения.

Фиуме признали только Каталония и Советская Россия. И Фиуме была первой, кто признал Советскую Россию. Самого себя Габриэле д'Аннунцио провозглашает диктатором. Конституцию самопровозглашенного государства он составил в стихах! В ней было немало интересного. Например – обязательное музыкальное образование для всех граждан Фиуме.

В составе его правительства было немало странных людей. Один из них – министр финансов – человек с несколькими судимостями за мошенничество! Министром культуры д'Аннунцио назначил своего близкого друга, дирижера Артуро Тосканини.

Общую радость подкрепляли бесчисленные парады, праздничные гулянья, длинные патетические речи из дворца. В воздухе витала странная смесь декадентства, анархии и диктатуры. В свободном обращении были наркотики. Со многих табуированных ранее тем был снят запрет. Это касалось свободы интимных связей, легализация проституции, вопросы эмансипации женщин – все это лихорадочно будило воображение.

В Фиуме официально был разрешен кокаин. Он стал привычкой для д'Аннунцио. Он еще с войны чрезмерно увлекался им. Это частично объясняет его беспрерывные романы и одержимость чувственной стороной жизни. *(Вот интересно! Шерлок Холмс у Конан-Дойля тоже был кокаинистом, однако никаких романов не имел и чувственной стороной жизни не был заинтересован. Если не считать мимолетного увлечения Ирен Адлер. Хотя... может быть, игра на скрипке была для него сублимацией чувственности?! – Л.Б.)*

В декабре 1920 года Антанта и США обязали Италию покончить с самопровозглашенной Фиуме. Взамен Италии были обещаны поддержка и щедрые инвестиции.

Город начали блокировать с суши и моря. В ответ на действия Рима д'Аннунцио объявил Италии войну и послал несколько кораблей просто пиратствовать.

В рождественский вечер итальянский флот обстрелял город и резиденцию поэта-солдата. Д'Аннунцио был сломлен. Он почувствовал себя преданным.

К этому времени относится еще один из его афоризмов, печальных по сути: «Тщательно проверяйте всех тех, кто хвалит вас и называет учителем. Среди них может оказаться не только ваш Иуда, но и ваш Муссолини».

Город-государство Фиуме после 15 месяцев прекратил существование. Легионеры в черных рубашках оставили город под гарантией безопасности. Вместе с ними д'Аннунцио привез на родину мечты об Италии.

Но в серьезную политику он больше не вернулся. В золотую клетку его посадил лидер новой партии – Бенито Муссолини. Он рвался к власти и харизматичный старый лидер был ему ни к чему.

Правительство выделило д'Аннунцио землю, бывшую ферму. Он превратил ее в художественный комплекс. Очень быстро Вилла Витуреале стала памятником искусства. Особым местом здесь стал военный корабль в парке возле здания. Выходя на палубу, поэт любил писать свои мемуары.

На этой вилле и окончились земные дни поэта. Он ушел из жизни весной 1938 года. Наследие пестрой жизни поэта, любовника, авиатора, солдата и политика имело огромное влияние на Италию. Главный символ – его детище, город-государство Фиуме перекочевал к партии Муссолини.

Кроме того, воины д'Аннунцио научили фашистов здороваться. Муссолини, а затем и Гитлер охотно подхватили жест римских легионеров, который поднял из забвения именно Габриэле д'Аннунцио – поэт, искусствовед, солдат, политик... Человек эпатажа. Насквозь театрализованный и в то же время предельно искренний. Он искренне верил в то, что делает. Хорошо еще, если искренность направлена на добро.

*Я – как ловец, уставший на лову.
Он лег в тени под яблоней. День прожит:
уж он оленей чутких не встревожит
и не натянет больше тетиву.*

*Плоды манят сквозь яркую листву –
он им упасть, ленивый, не поможет:
подымет он лишь то (и то быть может),
что вольно ветвь обронит на траву.*

*Но и вонзиться в сладость он глубоко
зубам не даст: что в глубине, то яд.
Впив аромат, он пьет росинки сока,*

*нетороплив, не грустен и не рад,
овеян миром гаснущего света.
Была недолга песнь его, и спета.*

(пер. В.Жаботинского)

Прим. При написании эссе были использованы материалы из статьи Ильи Кормильцева «Три жизни Габриэля д'Аннунцио» и отрывки из книги Е.Шварц «Крылатый циклоп».

